

Главный редактор:

Кортунов В. В. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), д. филос. н., проф.

Заместитель главного редактора:

Лапшин И. Е. — Российский университет дружбы народов (Россия, Москва), к. филос. н., доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Алексеев М. — Индианский Университет (США, г. Блумингтон), проф.

Янь Сюэцун — Университет Цинхуа (Китай, Пекин), профессор, директор Института международных отношений

Жолдасбеков А. А. — Южно-казахстанский государственный университет им. М. Ауезова (Казахстан, Шымкент), д. пед. н., профессор

Щеглова Л. В. — заведующая кафедрой Философии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Россия, Волгоград), д. филос. н., профессор

Клименко М. — Школа экономики Технологического института Джорджия (США, Атланта), профессор

Лэнг Л. — филиал Оксфорд Брукс Университета (Венгрия, Будапешт), профессор

Недкова А. С. — Университет им. профессора А. Златарова (Болгария, Бургас), доктор педагогики

Олсен Ш. — Телемарк Университет Колледж (Норвегия, Тромсё), проф., д-р

Саенко Н. Р. — Московский политехнический университет (Россия, Москва), д. филос. н., профессор

Штремберг П. — Телемарк Университет Колледж (Норвегия, Бё), проф., д-р

Эрикссон Р. — Университет восточной Каролины (США, Гринвилл), профессор

Члены редакционной коллегии:

Багдасарян В. Э. — МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), д. ист. н., профессор

Дмитриев А. В. — Институт философии (Россия, Москва), д. филос. н., профессор, академик РАН

Заернюк В. М. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), д. экон. н., профессор

Мамедов Азер Агабала оглы — Государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева (Россия, Москва), д. филос. н., профессор

Лагусев Ю. М. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), д. пед. н., профессор

Радина О. И. — Донской государственный технический университет (Россия, Ростов-на-Дону), д. экон. н., профессор

Харитонов Т. В. — Финансовая Академия при Правительстве РФ (Россия, Москва), к. экон. н., доцент

Ответственный секретарь:

Афанасьева А. В. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва).

Переводчик:

Макарова А. И. — Российский государственный университет туризма и сервиса (Россия, Москва), к. филол. н., доцент.

Содержание:

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Рядчикова Е. Н., Лекарева О. В.

Культурные реминисценции в художественном тексте: содержательный, когнитивный и коммуникативный..... 3

Копусь Т. Л.

К вопросу об исследовании цифрового языка..... 13

Бугреева Е. А.

Эффективность вербального и невербального поведения в онлайн коммуникации периода «новой нормальности»..... 24

Хрущева О. А.

Языковая перекодировка как признак культуры повседневности России XXI века..... 35

Бычков Д. М., Гущина К. Н.

Когнитивно-дискурсивные механизмы жанрообразования паломнического блога как феномена современной интернеткоммуникативной практики..... 39

Гиловая Е. А.

Лингвистические и феноменологические когнитивные структуры как отражение смысловой организации математического текста..... 45

Либшнер А.

Языковая эволюция онлайн? Использование мультимодальной когезии на YouTube..... 51

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ

Егорова А. А.

К вопросу определения лексики и стилистики..... 62

Мельников Р. А., Дмитриев А. В.

Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве: их особенности и влияние на русский язык..... 73

Калинина С. В.

Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания (на примере английской нефтегазовой терминосистемы)..... 85

Хустенко А. А.

Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса. Категория «тьюрист» в аспекте профессиональной идентификации..... 97

Вахитова Э. В., Дзюба Е. В.

Факторы возникновения неологизмов в англоязычном педагогическом дискурсе..... 103

Тымчук Е. В.

Когнитивный аспект английского артикля в медицинском дискурсе..... 108

Медведева С. Н.

Семантическая вариативность конструкций с глаголом 'break'..... 115

КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ

Третьякова Г. В.

Когнитивный подход в обучении иностранному языку как мотивационный инструмент для студентов..... 124

Глазкова Т. Ю.

Использование языковых средств в онлайн-коммуникации в эпоху пандемии..... 133

Акопянц А. М., Бабитова Л. А.

Интернационализация сектора высшей школы в эпоху пандемии..... 137

Ле Чунг Хиен

Анализ изменения интереса к изучению русского языка во Вьетнаме за последние 50 лет..... 144

VOLUME 15
№ 2 — 2021

Editor-in-chief:

Vadim V. Kortunov — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor

Ivan E. Lapshin — Peoples Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow), Cand. Sc. (Philosophy), Associate professor

MEMBERS OF BOARD:

Michael Alexeev — Indiana University (USA, Bloomington), Professor

Yan Xuetong — Tsinghua University (China, Beijing), Professor, Director of Institute of international relations

Abdimanap A. Zholdasbekov — M. O. Auezov South Kazakhstan State University (Kazakhstan, Shymkent), Dr. Sc. (Pedagogy), professor

Lyudmila V. Shcheglova — Head of the Department of Philosophy, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Russian Federation, Volgograd), Dr. Sc. (Philosophy), Professor

Mikhail Klimentko — School of Economics, Georgia Institute of Technology (USA, Atlanta), Professor

László Láng — branch of Oxford Brookes University (Hungary, Budapest), Professor

Antonina S. Nedkova — University «Prof. D-r Asen Zlatarov» (Bulgaria, Burgas), PhD in Pedagogy

Kjell Ole Kjærland Olsen — Telemark University College (Norway, Tromsø), PhD, Professor

Natalya R. Saenko — Moscow Polytechnic University (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor

Per Strömberg — Telemark University College (Norway, Bø), PhD, Professor

Richard E. Ericson — East Carolina University (USA, Greenville), Professor

Members of Editorial Staff:

Vardan E. Bagdasaryan — Moscow State University (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (History), Professor

Anatoliy V. Dmitriyev — Institute of Philosophy (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor, member of Russian Academy of Sciences

Viktor M. Zaernyuk — Moscow Geological Prospecting University named after S. Ordzhonikidze (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Economics), Professor

Azer A. Mamedov — Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Philosophy), Professor

Yury M. Lagusev — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow), Dr. Sc. (Pedagogy), Professor

Oksana I. Radina — Don State Technical University (Russian Federation, Rostov-on-Don), Dr. Sc. (Economics), Professor

Tatiana V. Kharitonova — Financial University Under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), Cand. Sc. (Economy), Associate professor

Executive secretary:

Alexandra V. Afanasyeva — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow)

Translator:

Alexandra I. Makarova — Russian State University of Tourism and Service (Russian Federation, Moscow), Cand. Sc. (Phology), Associate professor

SERVICE_{plus}

SCIENTIFIC JOURNAL | eISSN: 2413-693X

Content:

LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

Ryadchikova E. N., Lekareva O. V.

Cultural reminiscences in a literary text: content, cognitive and communicative aspects..... 3

Kopus T.

On the research of digital language 13

Bugreeva E.

Effective verbal and non-verbal virtual behavior in «new normal» 24

Hrushcheva O.

Code switching as a feature of Russian everyday culture in XXI century 35

Bychkov D., Gushchina K.

Cognitive-discursive mechanisms of genre formation pilgrimage blog as a phenomenon of modern internet communication practice..... 39

Gilovaya E.

Linguistic and phenomenological cognitive structures as a reflection of the sending organization of the mathematical text..... 45

Liebschner A.

Language evolution online? The use of multimodal cohesion on YouTube..... 51

LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

Egorova A. A.

To the question of the definition of vocabulary and stylistics 62

Melnikov R., Dmitriev A.

Jargons of English origin on the internet: their features and influence on the Russian language..... 73

Kalinina S. V.

Metonymy as a linguistic representation of the industry knowledge concepts (on the example of English oil and gas term systems)..... 85

Ustenko A. A.

The idealized subject of legal informal discourse. «Тыжюрист» in the aspect of professional identity..... 97

Vakhitova E. V., Dziuba E. V.

Factors influencing neologisms genesis in the English pedagogical discourse. 103

Tymchuk E. V.

The cognitive aspect of English articles in medical discourse 108

Medvedeva S.

Semantic variability of constructions with the verb 'to break' 115

COMMUNICATION AND TEACHING

Tretyakova G.

The cognitive approach in foreign language teaching as a motivational tool for students..... 124

Glazkova T. Y.

The use of linguistic means in online communication in the pandemic era..... 133

Акopyants A., Babitova L.

Internationalization of higher education sector in the era of a pandemic 137

Le Trung Hieu

The analyse of changing in the interest to studying Russian language in Vietnam during the last 50 years..... 144

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ/ LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

УДК 81.22; 81.272

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10201

Культурные реминисценции в художественном тексте: содержательный, когнитивный и коммуникативный

РЯДЧИКОВА Елена Николаевна, д. ф. н, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания филологического факультета, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар;

E-mail: e.n.ryadchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8753-9732

Личный идентификатор РИНЦ: 2752-1490

ЛЕКАРЕВА Ольга Вячеславовна, преподаватель кафедры русского языка, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков, Россия, г. Краснодар;

E-mail: rekarewa@yandex.ru

Личный идентификатор РИНЦ: 2490-0537

Аннотация: Цель работы — проанализировать значимость для современного языкового сознания культурных реминисценций в художественных текстах и выявить факторы, формирующие эту значимость. Задачи исследования — описать состав (источники), познавательные свойства, коммуникативные функции культурных реминисценций в современных произведениях массовой художественной литературы — русскоязычном фэнтези. Рассматриваются культурные реминисценции на материале юмористического фэнтези Ольги Громыко. В статье использовались методы системного, когнитивного, структурного и функционального анализа. Авторы придерживаются идеи о текстоцентричности культуры, транслируемой в национальном корпусе текстов. Сейчас созданы новые каналы дистанционной коммуникации, иначе действующие на сенсорику и внимание. Однако чтение книг остается важнейшим источником формирования лингвокультурной компетенции читателей и способом межпоколенной передачи ценностей как национальной, так и универсальной культуры. Вместе с тем проект концепции национального культурного канона в России ограничивает перечень ключевых произведений литературы географической территорией происхождения и не учитывает универсальные компоненты, которые органично вошли в национальную культуру в результате исторической межкультурной коммуникации.

Текст — вид коммуникации между автором и читателем, поэтому задача сохранения культуры актуализирует проблему понимания современным читателем представленных в тексте культурных феноменов. Понимание текста на когнитивном уровне зависит от жизненного опыта. Чтение вызывает у читателя (слушателя) резонанс, если в тексте есть узнаваемые ситуации, вызывающие глубокие личные эмоции. Сопереживания героям в процессе чтения произведений художественной литературы приводят к тому, что такие произведения становятся значимыми для языковой личности, а воспоминания о них (реминисценции) работают в дальнейшем как стимулы, вызывающие определенные эмоции и ассоциации (в психологии это называется «якорением»). Последующий жизненный опыт и смена авторитетов закономерно влияют на понимание перечитываемого текста, нахождение в нем образов и идей для новых сопереживаний.

Прецедентный текст, вызывающий у значительного множества людей определенные регулярные ассоциации с различными сторонами жизни, встраивается в качестве понятийного, образного, эмоционально-оценочного и вербального компонента в наивную картину мира носителей данного языка. Реминисценция — интеллектуальное действие, в результате которого в тексте появляется прецедентный текст, придавая первому

статус интертекста. Культурная реминисценция — вид реминисценции, воспоминание о любом культурном знаке. Культурные реминисценции целесообразно выявлять во всех видах дискурса, где они могут наблюдаться. В тексте реминисценции выполняют функции сжатия информации, создания экспрессии, апелляции к лингвокреативному мышлению реципиента, усиления эффективности воздействия. Авторами предлагается идея создания онлайн-словаря регулярных культурных реминисценций по всем видам современного дискурса, где такие реминисценции наблюдаются. Хотя состав прецедентных феноменов как части фоновых знаний языковой личности формируется на протяжении всей жизни, наиболее значимые из них, как правило, связаны с эмоционально воспринятыми в детстве и юношестве книгами и фильмами, в том числе с произведениями из школьной программы по литературе.

Реминисценции культурных феноменов в художественном тексте рассматриваются как особая разновидность лингвокультурной коммуникации автора и читателей. Успешная лингвокультурная коммуникация автора и читателя художественного текста является мощным источником эмоционального и когнитивного резонанса. Лингвокультурная коммуникация на уровне реминисценций возможна при наличии общих фоновых знаний и при совпадении их ценностных прагматических параметров. Поскольку существуют различия в объемах фоновых знаний у разных поколений носителей языка и культуры и вариативность смысловой интерпретации реминисцентных культурных знаков, авторам и редакторам художественных текстов рекомендуется снабжать их издания комментариями к интертекстам на базе культурных реминисценций. Важность авторского комментирования собственных текстов определяется тем, что лингвокультурная коммуникация на базе культурных реминисценций в художественном тексте способствует актуализации и сохранению в сознании языковой личности значимых культурных знаков, базовых культурных смыслов.

Ключевые слова: художественный текст; культурная реминисценция; прецедентный феномен; значимость культурного знака; лингвокультурная коммуникация

Для цитирования: Рядчикова Е.Н. Лекарева О.В. Культурные реминисценции в художественном тексте: содержательный, когнитивный и коммуникативный // Сервис Plus. 2021. Т.15. № 2. С. 3–12. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10201

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Cultural reminiscences in a literary text: content, cognitive and communicative aspects

RYADCHIKOVA Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, professor of the Department of General and Slavic–Russian Linguistics of Faculty of Philology, Kuban State University, Russia, Krasnodar

E-mail: e.n.ryadchikova@gmail.com

ORCID: 0000–0002–8753–9732

RSCI Personal ID: 2752–1490

LEKAREVA Olga Vyacheslavovna

Teacher of the Russian Language Department, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots, Russia, Krasnodar

E-mail: rekarewa@yandex.ru

RSCI Personal ID: 2490–0537

Abstract: The aim of the work is to analyze the significance of cultural reminiscences in literary texts for the modern language consciousness and to identify the factors that form this significance. The objectives of the study are to describe the composition (sources), cognitive properties, and communicative functions of cultural reminiscences in modern works of mass fiction — Russian–language fantasy. The article deals with cultural reminiscences based on the material of Olga Gromyko’s humorous fantasy. The article uses the methods of system, cognitive, structural and functional analysis. The authors adhere to the idea of the text–centricity of culture that is translated in the national corpus of texts. Now new channels of remote communication have been created, otherwise acting on sensory and attention. However, reading books remains the most important source of formation of linguistic and cultural competence of readers and a way of intergenerational transmission of values of both national and universal culture. At the same time, the draft concept of the national cultural canon in Russia limits the list of key works of literature to the geographical territory of origin and does not take into account the universal components that have organically entered the national culture as a result of historical intercultural communication. The text is a type of communication between the author and the reader, so the task of preserving culture actualizes the problem of understanding the cultural phenomena presented in the text by the modern reader. Understanding a text on a cognitive level depends on life experience. Reading resonates with the reader (listener) if there are recognizable situations in the text that evoke deep personal emotions. Empathy with the characters in the process of reading works of fiction leads to the fact that such works become significant for the language personality, and memories of them (reminiscences) work in the future as stimuli that cause certain emotions and associations (in psychology this is called «anchoring»). Subsequent life experience and the change of authorities naturally affect the understanding of the re–read text, finding images and ideas for new empathy in it. The precedent text, which causes a significant number of people to have certain regular associations with various aspects of life, is embedded as a conceptual, figurative, emotional–evaluative and verbal component in the naive picture of the world of native speakers of this language. Reminiscence is an intellectual action that results in a precedent text appearing in the text, giving the first one the status of intertextual. Cultural reminiscence is a type of reminiscence, a memory of any cultural sign. It is advisable to identify cultural reminiscences in all types of discourse where they can be. In the text, reminiscences perform the functions of compressing information, creating expression, appealing to the recipient’s linguistic creative thinking, and enhancing the effectiveness of impact. The authors propose the idea of creating an online dictionary of regular cultural reminiscences on all types of modern discourse, where such reminiscences are observed. Although the composition of precedent phenomena as part of the background knowledge of a language personality is formed throughout life, the most significant of them, as a rule, are associated with books and films emotionally perceived in childhood and adolescence, including works from the school literature program. Reminiscences of cultural phenomena in a literary text are considered as a special kind of language and cultural communication between the author and readers. Successful linguistic and cultural communication between

the author and the reader of a literary text is a powerful source of emotional and cognitive resonance. Linguistic and cultural communication at the level of reminiscences is possible if there is a common background knowledge and if their value-based pragmatic parameters coincide. Since there are differences in the amounts of background knowledge among different generations of native speakers of the language and culture and the variability of the semantic interpretation of reminiscent cultural signs, authors and editors of literary texts are recommended to provide their publications with comments on intertextual phenomena based on cultural reminiscences. The importance of the author's commentary on his own texts is determined by the fact that linguistic and cultural communication based on cultural reminiscences in a literary text contributes to the actualization and preservation of significant cultural signs and basic cultural meanings in the consciousness of the linguistic personality.

Keywords: literary text; cultural reminiscence; precedent phenomenon; significance of a cultural sign; language and cultural communication

For citation: Ryadchikova E.N., Lekareva O.V. (2021) Cultural reminiscences in a literary text: content, cognitive and communicative aspects. *Service plus*, 15 (2), 3–12. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10201 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Культура — это наша память о мире, которая организована в виде различных связей — атрибутивных, предикативных, логических, когнитивных и т. д. Это знания и ценности, которые формируют образ мыслей и образ жизни человека.

Тезис о языке как хранилище культуры слишком абстрактен и требует уточнений. Во-первых, необходимо определить: какую же именно культуру мы сохраняем в языке? Ведь в социуме функционируют разные субкультуры, и поэтому всегда актуален вопрос об инварианте и о доминирующем в данном социуме варианте культуры. Во-вторых, в современной лингвосомиотической парадигме основательно утвердилась концепция, согласно которой культура все же не столько лингво-, сколько текстоцентрична [1], т. е. основным инструментом формирования, хранилищем и представителем культуры является не язык сам по себе, а текст. Национальная культура транслируется в корпусе самых различных текстов, так или иначе зафиксированных на национальном языке — текстов учебников по различным наукам, кулинарных книг, философских трактатов, анекдотов, сводов законов, религиозной литературы, звучащих текстов театральных постановок, художественных и мультипликационных фильмов, текстов видео- и аудио-записей, представленных в средствах массовой информации и коммуникации, и т. д.

Сейчас созданы новые каналы для дистанционной коммуникации, иначе действующие на сенсорику и внимание. Тем не менее чтение книг остается важнейшим источником формирования лингвокульту-

турной компетенции читателей и способом передачи от поколения к поколению ценностей как национальной, так и универсальной культуры.

Художественный текст специфически маркирован в культурном аспекте. Художественный дискурс, особенно складывающийся в рамках массовой культуры, более других видов дискурса связан с опытом повседневного общения, образом жизни и менталитетом большинства носителей национального языка и культуры. Если рассматривать текст, с одной стороны, как феномен культуры и, с другой стороны, как вид коммуникации между автором и читателем, то проблема сохранения культуры актуализирует тесно связанную с ней проблему понимания читателем при чтении художественного текста представленных в нем культурных феноменов.

В рамках рассматриваемой нами тематики исследователями изучались проблемы понимания читателем художественного текста с выделением разных уровней такого понимания (Г. И. Богин, Н. А. Чернявская), анализировались формы и стилистические функции реминисцентных элементов в художественном тексте (Е. Н. Рядчикова, И. П. Назарова, А. А. Фомин), экспериментально выявлялась лингвокультурная компетенция читателей, позволяющая распознавать интертекстемы (Н. А. Кузьмина и др.). Например, темой исследования, описанного Н. А. Кузьминой, стали состав интертекстуальных знаков в медиадискурсе и проблема распознавания их современными молодыми людьми (студентами и аспирантами университета). В процессе эксперимента реципиенты

**Культурные реминисценции в художественном тексте:
содержательный, когнитивный и коммуникативный**

наиболее часто находили в журнальных и телевизионных текстах паремии, потом по убывающей частотности — цитаты из художественных и мультипликационных фильмов, из шлягеров, из художественной литературы, истории, политических новостей и рекламы [2].

В то же время лингвистами специально не исследовались факторы, влияющие на значимость прецедентного текста как культурного знака. Не рассматривались комплексы из разных видов культурных реминисценций в рамках одного творческого идиостиля, при изучении индивидуального лексикона, семантикона и прагматикона языковой личности. Не изучался собственно коммуникативный аспект реминисценций на базе прецедентных культурных феноменов в художественном тексте.

Как правило, культурные реминисценции возникают на базе прецедентных феноменов, ставших культурными знаками. Прецедентные имена, по мнению Д. Б. Гудкова, входят «в систему естественного языка как слова этого языка и в систему культурного кода, в которой они наделяются особыми значениями» [3, с. 45]. А. А. Фомин также считает, что прецедентное имя «в пространстве культуры функционирует в качестве ономастического культурного знака» [4, с. 45].

Предложенные Ю. Н. Карауловым три критерия определения прецедентного текста (как, впрочем, и любого прецедентного феномена) кратко можно передать в ключевых словах следующим образом: 1) «значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях»; 2) «широкая известность»; 3) «многократное упоминание в дискурсе» [5, с. 216].

Первый признак представляется нам наиболее важным, определяющим остальные. Именно значимость того или иного культурного знака для языковой личности детерминирует в дальнейшем все остальные его свойства и функции. Поэтому логично задать вопрос: от чего зависит эта значимость? Какие объективные и субъективные факторы влияют на ее формирование?

Таким образом, целью статьи стал анализ значимости для современного массового языкового сознания культурных реминисценций в современных художественных текстах, а также выявление факторов, влияющих на эту значимость. Задачи исследования — выявить состав (источники), познавательные

свойства и коммуникативные функции культурных реминисценций в современных произведениях такой разновидности массовой художественной литературы, как жанр фэнтези, адресованный преимущественно молодой читательской аудитории, представляющей носителей фоновых знаний в настоящий период истории. В исследовании использовались методы системного, когнитивного, структурного и функционального анализа.

Естественный язык описывает восприятие человеком мира. Понимание художественного текста на когнитивном уровне зависит от жизненного опыта, поэтому, перечитывая один и тот же текст в разные периоды жизни, читатель каждый раз находит в нем что-то новое для себя. Художественный текст (как и любой текст) вызывает у читателя (слушателя) резонанс, если в нем есть узнаваемый жизненный опыт, эмоции, переживания. Например, характерно, что в Евангелии Иисус Христос поясняет слушателям смысл своего учения с помощью примеров из их повседневного жизненного опыта, чаще всего с использованием сельскохозяйственных метафор как наиболее понятных для жителей Палестины (притчи о сеятеле, о злых виноградарах, о добром пастыре), строительства, семейных отношений, торговли и др. Интересно отметить, что при этом в Евангелии мы не находим ни одной притчи, содержащей метафоры из области войны, — возможно, потому, что образы войны хотя и были понятны простому народу, но связанные с ними негативные переживания совершенно не соответствовали духу проповеди о благой вести.

Художественный текст становится прецедентным, когда его время от времени вспоминают, обсуждают и цитируют, особенно при общекультурном, непрофессиональном общении. Если же у значительного множества людей этот текст вызывает определенные регулярные ассоциации с различными сторонами жизни, тогда он встраивается в качестве понятийного, образного, эмоционально-оценочного и, конечно же, вербального компонента в наивную картину мира носителей данного языка.

Так, можно вспомнить, что мать Татьяны Лариной не читала Ричардсона, но была поклонницей его творчества, потому что часто слышала о нем от своей московской подруги-кузины Алины (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Гл. 2, XXX). По нашему мнению, значимость прецедентного текста в данном случае определилась благодаря нескольким факторам:

1) юному возрасту языковой личности; 2) большому авторитету референта; 3) аналогии изображаемой в романе Ричардсона ситуации с личной историей любви.

Проецирование информации на личный жизненный опыт, как правило, вызывает яркие эмоциональные переживания. В результате произведение художественной литературы становится стимулом, вызывающим определенные эмоции, — тем, что в нейролингвистическом программировании называется «якорем». Последующий жизненный опыт и смена авторитетов закономерно влияют на понимание перечитываемого текста, нахождение в нем образов и идей для новых сопереживаний.

Термины *интертекст*, *прецедентный текст*, *литературная реминисценция* и их производные с разных сторон описывают явление присутствия в одних текстах элементов других, предыдущих текстов. В наиболее обобщенной интерпретации мы понимаем под интертекстом текст, в который вставлен другой, изначально внешний по отношению к первому текст. Прецедентный текст — это тот внешний текст, который включается в интертекст. Реминисценция — интеллектуальное действие, в результате которого в тексте появляется прецедентный текст, придавая первому статус интертекста.

В лингвистическом дискурсе исследователи оперируют близкими, референциально пересекающимися понятиями «цитата», «литературная реминисценция», «заимствование», «интертекстема», различая их в основном по объему, форме и содержанию приводимого автором чужого текста. В данной статье не ставилась задача проанализировать различия в интерпретации содержания указанных понятий и референции соответствующих терминов в лингвистическом дискурсе различных исследователей.

Мы понимаем культурную реминисценцию широко и в двух значениях: 1) как прием, интеллектуальное и затем речевое действие, основанное на обращении автора текста к культурным знакам, и 2) как информационный источник, объект действия воспоминания и последующего упоминания в тексте. Во втором значении реминисценция сближается с цитатой и интертекстемой, но при этом является более широким понятием.

Итак, в самом общем значении реминисценция — это воспоминание, основанное на жизненном опыте человека. Культурная реминисценция — вид

реминисценции, воспоминание о любом культурном знаке. Литературная реминисценция как частный случай культурной реминисценции есть воспоминание о прецедентном художественном тексте. Мы будем далее использовать понятие «культурная реминисценция» по отношению к использованию в художественном тексте упоминаний любых прецедентных культурных знаков, подразумевая под этим прием реминисцентного использования не только прецедентных текстов и онимов, но также исторических событий, культурных стереотипов и т. п.

Распознавание реминисценций относится к тому уровню понимания художественного текста, который Г. И. Богин обозначил как когнитивный [6]. Считается, что «на когнитивном уровне происходит обращение читателя к опыту коллективного знания, включая универсальные ценностные смыслы, устойчивые ассоциации, образы, символы, мифологемы, архетипы» [7, с. 150].

Можно ли прогнозировать актуальные и регулярные реминисценции? Можно ли в результате мониторинга составить словарь регулярных культурных реминисценций для различных видов массового дискурса (хотя бы для художественного и публицистического) данного исторического периода?

В 2012 г. специалисты Санкт-Петербургского государственного университета составили перечень из наиболее популярных произведений российских и советских писателей — 100 книг по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, которые рекомендуются для внеклассного чтения старшеклассников российских школ. Логично предположить, что именно тексты из этого перечня, как и хрестоматийные произведения художественной литературы из учебных программ общеобразовательных школ, имеют высокую вероятность функционирования в художественном, публицистическом и обиходном дискурсе в качестве прецедентных текстов. Списки литературы для внеклассного чтения были и раньше. Особенность данного перечня состоит в том, что круг чтения определялся в рамках проекта разработки национального культурного канона. И именно в этом в перечне нет произведений всемирной литературы, то есть фактически понятие отечественного культурного канона ограничивается строго «географически», без учета многих универсальных компонентов, органично вошедших в национальную культуру в результате исторической межкультурной

**Культурные реминисценции в художественном тексте:
содержательный, когнитивный и коммуникативный**

коммуникации. И это, очевидно, концептуальный недочет, который еще предстоит обсуждать.

Мировая художественная литература в мейнстриме — единый процесс. Многие известные персонажи и образы, заимствованные из мировой культуры и истории, имеют тенденцию интегрироваться в число культурных знаков принимающей культуры. Так, Маугли, Шерлок Холмс, Чингачгук, Ромео и Джульетта, Шекспир, Робин Гуд, барон Мюнхгаузен, Пеле, Хемингуэй, Чарли Чаплин — в данной статье нет смысла перечислять всех, чьи имена и образы заняли свое место ценных культурных знаков в национальном русском культурном каноне [8, с. 246]. Более того, они давно воспринимаются в России как «свои». Винни-Пух мультипликатора Федора Хитрука — это именно русский Винни-Пух, неуловимо отличающийся как от своего прототипа в книге А. Милна, так и от Винни-Пуха из мультфильма компании У. Диснея. Карлсон и Фрекен Бок в советском мультфильме пляшут «русскую» под мелодию песни «Вдоль по Питерской».

Популярные переводные произведения становятся частью национальной культуры. По их образцу пишутся отечественные тексты. Известный пример адаптации культурных заимствований — история о том, как выдающийся корейский христианский живописец XX века Ким Ки Чан в серии картин изобразил персонажей Евангелия в облике корейцев эпохи Чосон, в корейской национальной одежде, в национальных жилищах и на фоне природного ландшафта Кореи. Это освоение заимствования в принимающей культуре было так же естественно, как и перевод молитвы «Отче наш» святителем Иннокентием на алеутский язык, где вместо слова «хлеб» было использовано слово «рыба».

Культурные реминисценции целесообразно выявлять во всех видах дискурса, где они могут наблюдаться. Они полностью отсутствуют в официально-деловом дискурсе, характерны для художественной и публицистической речи, используются в обиходном общении. Реминисценции на базе прецедентных культурных знаков — кинофильмов, литературных текстов, прецедентных имен и т.п. — есть также и в никнеймах пользователей сети Интернет.

Возникает вопрос о наличии или отсутствии культурных реминисценций в научном дискурсе, например, в гуманитарных научных и учебных текстах, специализирующихся на изучении культуры. Реми-

нисценция — воспоминание, возникшее «кстати», «по поводу», внешнее по отношению к основному тексту, в котором она возникает. Этим она отличается от исследовательского использования в научном тексте элементов анализируемого того или иного прецедентного текста.

Так, прецедентные тексты используются в философском дискурсе (и не только в трудах по эстетике). Например, русские философы Вл. С. Соловьев и Н. А. Бердяев предпочитали иллюстрировать свои философские идеи примерами из классической литературы. Этим они продолжили традицию отечественной литературной критики В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, которая также была ориентирована на поиск в художественных текстах идей не только эстетического, но и социально-философского характера. Классическую художественную литературу в истории общества так или иначе воспринимали в том числе и как «учебник жизни». Возможно, такое понимание основано на психологии людей, не проводящих четких границ между вымышленным миром художественного произведения и жизнью (например, наивно отождествляющих личности киноактеров и их экранных ролей).

Функции реминисценций в тексте: сжатие информации, способ краткой передачи сложной мысли через культурные ассоциации, прецедентные феномены — тексты, имена, исторические события и артефакты, стереотипы. Хотя культурные реминисценции как знаки в художественном тексте подвергаются смысловой редукции и иногда — реинтерпретации относительно первоисточника, в принимающем тексте они, как правило, повышают плотность смысловой информации в речевом отрезке. Следует отметить, что текст, в котором используются культурные реминисценции, «в большой степени информативен, экспрессивен, интенционален, ярок, апеллирует к лингвокреативному мышлению реципиента, побуждает его к речемыслительной деятельности. Создание и восприятие таких текстов требует значительного напряжения мысли, чтобы создать и понять авторское переосмысление значений слов и их сочетаний» [10, с. 194].

О важности прагматично-личного компонента в интерпретации культурных знаков пишет О. В. Александрова: «Понимание того или иного сообщения требует знания определённого контекста, определённой информации, уже существующей у человека,

хранящейся в его памяти, опосредованной его знаниями, мнениями, впечатлениями» [11, с. 18]. То есть в процессе кодирования и декодирования культурных реминисценций, автор и читатель обращаются к фоновым знаниям, которые интеллектуально сфокусированы (мнения) и эмоционально окрашены (впечатления). В итоге повышается воздействующий эффект художественного текста.

Рассмотрим примеры культурных реминисценций из текстов популярного автора фэнтези Ольги Громыко с точки зрения их принадлежности к той или иной группе источников — прецедентных феноменов. Юмористическое фэнтези по своей природе предполагает наличие элементов пародийности, а следовательно, интертекстуальности. По нашим наблюдениям, в идиостиле Ольги Громыко доминируют реминисценции на базе культовых кинофильмов и прочитанных в детстве и в юности книг (сказок и школьных программных произведений).

Так, в тексте драматичной новеллы о межпланетной войне «Овчарка» есть две реминисценции на базе детской сказки «Три поросенка». Бойцы космодесанта между собой называли своего сержанта *Наф-Наф*. В сказке *Наф-Наф* был самым умным и практичным персонажем, и снайпер-сержант в фэнтези тоже самый серьезный, умный и опытный воин в отряде. Затем пересечение смыслов основного и реминисцентного текста усиливается эпизодом, где упоминается фантастическое инопланетное дерево с густым шатром из ветвей, в котором солдаты по команде *Наф-Нафа* спрятались на ночь от хищников. Но если сказочные поросята тщетно пытаются спастись от Волка в домике из веток, то укрытие из веток инопланетного дерева в фэнтези оказалось надежным, как и каменный домик *Наф-Нафа*.

В космоопере «Космобиолухи» можно встретить реминисценции на базе следующих источников: 1) сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес»: «Изначально обстановка кают-компания «Сигурэ» была шедевром минимализма <...> Однако <...> за два года пиратства здесь скопилось столько трофейного хлама, что результат иронично именовался «домиком Шляпника» (Ольга Громыко. Космобиолухи); 2) диснеевского мультфильма «Чип и Дейл спешат на помощь»: прозвище девушки-бортмеханика *Мисс Отвертка* по аналогии с именем похожего мультипликационного персонажа по имени Гаечка (Ольга Громыко. Космобиолухи); 3) трагедии У. Шекспира «Отелло»:

в переговорном устройстве космического корабля звучит придушенный голос девушки-бортмеханика, как будто бы она находится «в объятиях *Отелло*» (Ольга Громыко. Космобиолухи); 4) советского мультипликационного фильма о Винни-Пухе: «*Кто ходит в гости по ночам, тот поступает мудро*» — напевает, собираясь в грабительский поход, пират Винсент (которого друзья называют уменьшительной формой имени — Винни) (Ольга Громыко. Космобиолухи).

В главах «Идеальное свидание», «И много-много радости команде принесла...» из романа «Космоолухи рядом» есть реминисценции к таким источникам, как: 1) народные песни «В лесу родилась елочка» и «Степь да степь кругом»: «Сейчас за иллюминатором бушевала метель, и Полина сидела возле него с таким потерянном видом, словно где-то там в ледяной пустыне замерзал молодой самурай» (жених Полины в космоопере — имеющий предков-японцев офицер космической полиции Роджер Сакаи) (Ольга Громыко. Космоолухи рядом); 2) крылатая фраза из «Илиады» Гомера: «В результате на Елке повисли несколько пакетиков кошачьего корма, маринованные огурцы из данайских даров Полининой мамы...» (Ольга Громыко. Космоолухи рядом); 3) библеизм: «Девушка собиралась позвонить маме сама, сразу после новобобруйского Нового года, но Валентина Сергеевна успела первой. <...> Она <...> укоризненно взирала на блудную дочь» (Ольга Громыко. Космоолухи рядом).

В главе «Бородатый рейс», название которой узнаваемо пародирует название кинофильма «Полосатый рейс», все мужчины-космолетчики, за исключением капитана, отращивают бороды. Здесь мы находим несколько реминисценций, объединенных концептом «Борода»: четверо членов экипажа устроили соревнование, у кого за месяц борода вырастет гуще и длиннее. Пилот использует спрей для роста волос под названием «*Хоттабыч*». Длинноволосый навигатор с бородой и в свитере становится похож на «барда», дворового гитариста, исполняющего песни под аккомпанемент из трех аккордов, и на страдающего депрессией хиппи. Возмущенный внешним видом команды капитан Петухов ищет утешения в описании исторического прошлого: «Капитан открыл на планшете книгу «*Петр Первый*» и ушел в свою каюту, дабы хоть на часок окунуться в те благословенные времена, когда за порубание бород называли реформатором, а не самодуром» (Ольга Громыко. Бородатый рейс).

**Культурные реминисценции в художественном тексте:
содержательный, когнитивный и коммуникативный**

Реминисценция известной пословицы «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали» встречается в романе «Профессия: ведьма» в эпизоде, когда героиня, вскрывая чужое письмо, оправдывается перед собой тем, что «Варвара не единственная любопытная женщина на Земле».

В новелле «Крысявки» безуспешный поиск автором в зоомагазине декоративной крысы очень редкого окраса завершается самоироничным вопросом: «А у вас нет такого же, но только с перламутровыми пуговицами?» — реминисценция на базе эпизода из кинофильма «Бриллиантовая рука». Смысл цитируемого вопроса — намек на нереальность требований покупательницы, которая со стопроцентной уверенностью спрашивает у продавца о заведомо отсутствующем в наличии товаре.

В романе «Космоолухи рядом» находим основную реминисценцию на базе тургеневского рассказа «Муму», где глухонемой Герасим топит в реке собаку по приказу капризной барыни. В тексте фэнтези Ольги Громыко один из персонажей испытывает сильное желание не помогать выбраться из воды другому персонажу. Надоедливый бухгалтер Сергей Петрович нарушает планы корабельного врача Вениамина спокойно порыбачить на озере и, кроме того, постоянно вызывает у последнего очень сильную неприязнь: «Сергей Петрович снова попытался вскарабкаться на платформу, снова сорвался и плюхнулся в воду <...>. Вениамин подавил в себе *гены Герасима* и, сложив удилще и леску в правую руку, протянул Сергею Петровичу левую» (Ольга Громыко. Космоолухи рядом).

В главе «Заноза» из романа «Космоолухи: до, между и после» можно отметить комбинированную реминисценцию двух исторических событий, представленных в сцене из кинофильма «Ленин в Октябре» (В. И. Ленин выступает перед революционной толпой с речью, стоя на броневике) и телерепортаже о событиях августа 1991 (Б. Н. Ельцин обращается к противникам ГКЧП, взобравшись на танк): «Вячеслав <...> бранился и грозил кулаком с платформы, как *лидер повстанцев с броневика*» (Ольга Громыко. Космоолухи: до, между и после).

Реминисценции многих литературных мотивов и сюжетов можно считать свидетельством произошедшей ценностной интеграции заимствованных культурных феноменов. Например, с учетом наличия пародийного компонента в текстах Ольги Громыко

довольно четко прослеживается влияние ряда культурных произведений зарубежного фэнтези.

Первый источник подобных реминисценций — цикл фэнтези польского писателя А. Сапковско-го «Ведьмак», где странствующий ведьмак Геральт за плату избавляет мирных жителей от потусторонних монстров. Главный персонаж рассказов Ольги Громыко «Ведьмины байки» ведьма Вольха путешествует по городам и селам, беря у населения заказы на профессиональное уничтожение нежити.

Второй источник — киносага Дж. Лукаса «Звездные войны», в одном из эпизодов которой представители инопланетных рас участвуют в гонках летающих аппаратов по опасному горному каньону. В космоопере Ольги Громыко «Космоолухи» герои соревнуются в подобных гонках на транспортных космических кораблях.

Третий источник — цикл отечественных фэнтези Кира Булычева про Алису Селезневу, где среди отрицательных персонажей присутствуют космические пираты. Космолетчики из цикла «Космоолухи» Ольги Громыко также постоянно сражаются с космическими пиратами. Четвертый источник — романы Дж. Роулинг о волшебнике Гарри Поттере, обучавшемся в школе волшебства: в первых двух книгах трилогии о ведьме Вольхе юная героиня тоже учится в «школе чародеев, пифий и травниц» (Ольга Громыко. Профессия: ведьма. Ведьма-хранительница).

Таким образом, в текстах юмористического фэнтези Ольги Громыко можно наблюдать реминисценции на базе литературных источников, кинофильмов и мультфильмов, народных песен, исторических событий и явлений. Итак, можно сделать вывод о том, что использование реминисценций культурных феноменов в художественном тексте — это особый вид лингвокультурной коммуникации автора и читателя. Эта коммуникация возможна не только при наличии у автора и читателя общих фоновых знаний, но также при условии совпадения их ценностных и прагматических параметров. В настоящее время читатели разных возрастов владеют разными фоновыми знаниями, к тому же, автор может сослаться на недостаточно широко известные культурные знаки.

Культурные реминисценции в художественном тексте могут быть стереотипичны, подвергаться авторской реинтерпретации, а также варьироваться по смыслу. Для успешной лингвокультурной коммуникации с читателями можно было бы рекомендовать авторам

и редакторам художественных текстов снабжать последние лингвокультурными комментариями. Кроме того, по аналогии с такими проектами, как Википедия и Национальный корпус русского языка, считаем целесообразным создать отдельный информационный ресурс — онлайн-словарь регулярных культурных реминисценций по всем видам современного дискурса, где такие реминисценции наблюдаются. Это бы стало частичным лексикографическим воплощением словаря лингвокультуры, представляющим собой, по определению В. В. Красных, «совокупность оязыковленных / поддающихся оязыковлению культурных смыслов и образов» [12, с. 5]

База для культурных реминисценций языковой личности, как правило, формируется в детстве и в молодости, в период интенсивного обучения и формирования первичного жизненного опыта. Именно в период детства и юношества проецирование информации из прочитанного и увиденного на личный

жизненный опыт вызывает яркие эмоциональные переживания. Сопереживания в процессе чтения произведений художественной литературы приводят к тому, что такие произведения становятся значимыми для языковой личности, а воспоминания о них (реминисценции) работают в дальнейшем как стимулы, вызывающие определенные эмоции и ассоциации (в психологии этот процесс называется «якорением»).

Успешная лингвокультурная коммуникация автора и читателя художественного текста является мощным источником эмоционального и когнитивного резонанса и на практике способствует актуализации и сохранению в сознании языковой личности значимых культурных знаков, базовых культурных смыслов. Однако для этого целесообразно развивать такой новый вид лингвокультурной лексикографии, как составление словарей регулярных культурных реминисценций для разных исторических периодов.

Список использованных источников

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Азбука, 2014. 416 с.
2. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 272 с.
3. Гудков Д. Б. Коды культуры и система естественного языка // Русистика без границ. 2017. Т.1. С. 43–48.
4. Фомин А. А. Реминисцентный оним в художественном тексте // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2003. № 28. С. 167–181.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
7. Чернявская Н. А. К вопросу об уровнях понимания художественного текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 24. 2018. № 2. С. 148–152. DOI: <https://doi.org/10.12287/2542-0445-2018-24-2-148-152>.
8. Lekareva O. V., Zubchenko V. V., Kholodnyak G. V. Names of Characters Associated with Russian Cultural Identity // Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR), volume 312 // International Conference «Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» (TRPHD 2018). Atlantis Press, 2019, pp. 242–246.
9. Составлен отечественный культурный канон // Парламентская газета. 15 января 2013 г. URL : <https://www.pnp.ru/social/2013/01/15/sostavlen-otechestvennyy-kulturnyy-kanon.html> (дата обращения: 03.01.2021).
10. Рядчикова Е. Н., Назарова И. П. Библейские реминисценции в конструкциях с синтаксической аппликацией и методика развития лингвокреативного мышления // Инновационные процессы в высшей школе. Матлы VII Международной научно-практической конференции (27–29 сентября 2001 г.). Краснодар: КубГТУ, 2001. С. 192–194.
11. Александрова О. В. Роль языка в жизни человека // Функциональные аспекты исследования языка и междисциплинарность научного знания: проблемы филологии, культуры, методики преподавания: коллективная монография. Пльзень: University of West Bohemia in Pilsen, 2019, с. 7–20.
12. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. статей. М., 2020. С. 4–5.

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ/ LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

УДК 81.22; 811.929.3; 81-25

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10202

К вопросу об исследовании цифрового языка

КОПУСЬ Татьяна Леонидовна, к. ф. н, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, г. Москва
E-mail: tlkopus@fa.ru
ORCID <http://orcid.org/0000-0002-7762-0043>
SPIN-код: 7478-2763

Аннотация: Технологии XXI века значительно повлияли на то, как мы взаимодействуем. С развитием цифровой коммуникации стали развиваться цифровые практики взаимодействия. Под цифровыми практиками понимаются совокупности действий и инструментов, связанных с цифровыми технологиями, признаваемыми способами достижения определенных социальных целей, принятия социальных идентичностей и воспроизведения наборов социальных отношений. Данная статья посвящена изучению влияния цифрового мира на становление цифрового языка, а также трансформации исследовательских методов, позволяющих анализировать цифровой язык в цифровой коммуникации и в цифровых практиках. Работа базируется на терминологии «цифровой дискурс», «цифровая коммуникация», «цифровые практики», «цифровой язык». Помимо смещенных языковых образцов на уровне структурных особенностей компьютерно-опосредованной коммуникации, в статье описывается такое коммуникативное явление как эмодзи и эмотиконы, которые, с одной стороны, признаются универсальным средством цифровой коммуникации и относятся к цифровому языку, а с другой стороны — не имеют вербальной формы и не могут считаться письменной разновидностью языка в том виде, в каком он существует сейчас. В рамках форматов цифрового языка описываются мемы. С изменением каналов коммуникации, с переходом от письма к изображению как доминирующему способу, изменяется логика наших коммуникативных практик и практик смыслопорождения. Все вышесказанное позволяет говорить о развитии цифрового языка. Однако, в фокус исследований, как правило, попадает одномодальный модус существования языка в текстовом формате. Исследователи прибегают к устоявшимся методам лингвистического анализа на разных уровнях языка и речи как системы. Исследования цифрового языка не могут ограничиваться анализом текста. Мультимодальный характер передаваемой информации говорит об актуальности семиотического подхода к объекту анализа с учетом нескольких каналов и изучения взаимодействия этих каналов между собой.

Ключевые слова: цифровой дискурс; цифровые практики; цифровой язык; мультимодальность

Для цитирования: Копусь Т.Л. К вопросу об исследовании цифрового языка // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 13-23. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10202

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

On the research of digital language

Tatiana KOPUS

PhD, assistant professor of the Department of foreign languages and intercultural communication of International Economic relations Faculty, Financial university under the Government of Russian Federation, Russia, Moscow

Abstract: The 21st century technology significantly influenced the way we interact. With the development of digital communication as a way of existence, digital interaction practices began to develop, understood as a set of actions and tools related to digital technologies, recognized by certain groups of people as ways to achieve certain social goals, accept certain social identities and reproduce certain sets of social relations. This article is devoted to the study of the influence of the digital world on the existence of language, as well as the concept of digital language in digital communication and in digital practices. The work is based on the terminology «digital discourse», «digital communication», «digital practices», «digital language». In addition to biased language samples at the level of structural features of computer-mediated communication, the article describes such a communicative phenomenon as emojis and emoticons, which, on the one hand, are recognized as a universal means of digital communication and belong to the digital language, and on the other hand, do not have a verbal form and cannot be considered a written variety of language in the form. With the change of communication channels, with the transition from writing to image as the dominant method, the logic of our communicative practices changes. All of the above allows us to talk about the development of a digital language. The paper concludes that changes at the level of structural features of the language are not essential for changing the foundations of language activity. However, digital language research cannot be limited to text analysis. The multimodal nature of the transmitted information indicates the relevance of the semiotic approach to the object of analysis, taking into account several channels and studying the interaction of these channels with each other.

Keywords: digital discourse; digital practices; digital language; multimodality

For citation: Kopus T. L. (2021) On the research of digital language. Service plus, 15 (2), 13–23. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10202 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Характер человеческой коммуникации стремительно изменился: технологии XXI века значительно повлияли на то, как мы общаемся друг с другом. С развитием цифровой коммуникации как способа существования стали развиваться цифровой язык и цифровая культура. С приходом технологий общение все больше смещается в область цифрового, что ведет к уточнению ключевых аналитических понятий в современных дискурсивных исследованиях, прежде всего самого понятия цифрового дискурса, то есть языка в употреблении и языковых способов его репрезентации при цифровой коммуникации, а также методов исследования цифрового языка.

Несмотря на сравнительно недавнее появление, термин «цифровой дискурс» представлен в ряду уже укоренившихся терминов с аналогичным или схожим объектом изучения: «дискурс посредством ком-

пьютера», «компьютерно-обусловленный дискурс», «социолингвистика новых средств коммуникации», «языковая и цифровая коммуникация» [3, 8, 14, 17, 18]. В цифровом дискурсе актуальными становятся цифровые практики. Под цифровыми практиками понимаются совокупности действий и инструментов, связанных с цифровыми технологиями. Предполагается, что цифровые технологии из-за различных конфигураций модусов и материальных ценностей, которые они делают доступными, одновременно делают возможными новые виды социальных практик и изменяют способ участия людей в старых. Поэтому такие цифровые технологии должны характеризоваться единством целей, идентичностей и отношений. Определенные группы людей признают эти цифровые технологии в качестве способов достижения определенных социальных целей, а также учиты-

вают определенные социальные идентичности и воспроизводят социальные отношения типичные для традиционного способа общения [15]. Определение «цифровой» существенно влияет также на понятия культуры и коммуникации. Функция цифровой культуры как термина признает переход от более ранних форм средств коммуникации, в которых доминировали печать, радио и телевидение, к персонализации, пользовательскому контенту, новостным лентам, заданным алгоритмами. Очевидно, что это лишь некоторые аспекты цифровой культуры как концепции.

Для того, чтобы понять, что такое цифровой язык, рассмотрим этапы становления цифрового языка, проследим его развитие в соотношении с изменениями, происходящими в сфере коммуникации и исследованиях языка как объекта. В становлении цифрового языка выделяется 3 фазы [19]. Первая фаза соответствует появлению интернета в 1983 году и процессу его популяризации до 1993 года. В этот период появляется электронная почта, групповые конференции, группы новостей, многопользовательские игры, зарождаются формы синхронного чата один на один, первые публичные платформы групповых чатов. Доступ осуществляется через отдельных автономных клиентов. Цифровой язык этой фазы существует только в текстовой форме, ограничиваясь возможностями набора текста и знаков на клавиатуре, и исследуется преимущественно в рамках лингвистической науки и ее методами. Уже на данном этапе ставился вопрос о влиянии интернета на естественный язык, опасения системного упадка усиливаются с каждым последующим этапом.

Вторая фаза становления цифрового языка соответствует периоду с 1994 года по 2004 год и называется Web 1.0. Переход на качественно новый уровень был связан с появившейся возможностью браузера интегрировать текст и графику. К 1994 году Сеть была провозглашена значительным достижением в области интернет-технологий, как за ее графические возможности, так и за ее способность связывать документы в различных форматах с помощью гиперссылок. Таким образом, для данного периода характерен прогресс в области интернет-технологий, развитие графических возможностей, гиперссылок, появление платформ для интерактивного общения. Форматы цифрового языка и условия его функционирования были представлены текстовыми режимами в вики и веб-блогах, веб-чатах, веб-форумах,

клиентских чатах ICQ, мгновенных сообщениях и СМС на мобильных телефонах, а также нетекстовыми режимами в виде 2D и 3D графических виртуальных миров, аудиочатов, видеочатов. Появляются первые Интернет-сообщества. Однако, несмотря на явно изменяющийся способ существования, язык как объект исследования остается преимущественно традиционным, включает текстовые режимы в публичных и частных пространствах коммуникации. Не претерпевают особых трансформаций и методы исследований, в фокус исследований попадает одномодальный модус существования языка, исследователи прибегают к устоявшимся методам лингвистического анализа на разных уровнях языка и речи как системы.

Начало третьей волны, называемой Web 2.0 и относящейся к 2004–2017 годам, связано с меняющимися тенденциями в области Веб-технологии и веб-дизайна. С одной стороны, развиваются такие форматы как совместный обмен информацией, пользовательский контент, этика сотрудничества и использование Интернета в качестве социальной платформы. С другой стороны, появляются другие виды веб-сайтов: блоги, микроблоги, сайты социальных сетей, сайты обмена медиа. Двумя другими важными характеристиками Сети на этом этапе являются значительно увеличенная пропускная способность интернета и возможность объединять разные форматы информации на одной платформе. Таким образом, увеличение скорости цифровой передачи позволяет поддерживать видео, аудио и графику в гораздо большей степени, чем во второй волне, соответственно, различные режимы коммуникации в таких цифровых форматах, включая текстовые режимы, могут сводиться на одной платформе. В рамках этой тенденции большинство ранее автономных приложений: электронная почта, чат и форумы, а также различные платформы Web 2.0 — стали доступны через стандартный Веб-браузер. В настоящее время веб-коммуникация является всепроникающей и полностью интерактивной. Важнейшей особенностью третьей волны называют мультимодальный контент, создаваемый пользователями, в том числе и совместно. Интерактивный мультимодальный онлайн контент подразумевает возможность задействовать разные способы формулирования и передачи смысла одновременно — текстовый, графический, звуковой.

При всем многообразии цифровых форматов коммуникации: веб как социальная платформа, бло-

ги, микроблоги, сайты социальных сетей, сайты обмена медиа, неподвижные и движущиеся изображения, графические элементы, «лайки» и графические «реакции» на сайтах социальных сетей, динамически создаваемый совместно контент, асинхронные разговорные обмены через видео и изображения, методами анализа языка остаются методы, применяемые для анализа текстов. Единицей анализа превалирует один модус.

Появился целый ряд терминов, отражающих специфику использования такого языка в отдельных его проявлениях, например, Netspeak [9], интерактивный письменный дискурс, электронный язык, chatspeak, киберязык, интернет–сленг. На уровне структурных особенностей компьютерно–опосредованной коммуникации одной из самых ранних и, возможно, наиболее доминирующих традиций исследований языка, используемого для цифровой коммуникации, является выявление и описание типичных языковых особенностей и стратегий, которые обычно не встречаются в других способах коммуникации.

Типичные изменения в виде смещения языковых образцов рассматриваются на уровне языковой системы. Исследовательский интерес представляет сравнение языковых стратегий при цифровой коммуникации по сравнению с существующими способами коммуникации. В связи с этим компьютерно–опосредованная коммуникация описывается как «новая» разновидность языка, которая характеризуется такими особенностями, как:

- сокращения и инициализм (например, GTG (got to go), LOL для «громко смеяться»),
- сокращение слов (например, gd — «хорошо»; hv — «иметь».),
- омофоны букв/чисел (например, U для you и 2 для two),
- стилизованное написание (например, я тааак счастлива!),
- смайлики (такие как: –) и : () •
- нетрадиционная / стилизованная пунктуация (например, ‘!!!!!!!’, ‘.....’).

В ряде исследований описывается превалирование аффективного стиля, которому присущи высокая степень интенсификации, например капитализация, использование регистра прописных букв, повтор восклицательных знаков, повтор слов или частей, употребление преувеличений, например, квантификаторов «all», «everyone», частое использование «very»,

«really», «so». Предмет описания себя каждый день обычно фокусируется на подробном описании ежедневных событий: погода, настроение, домашние дела. Мнения, реакции и эмоциональные отклики на описания жизненного опыта передаются при помощи интенсификации на основе лингвистического образца, что объясняется необходимостью некоей формы преувеличения, чтобы сделать тривиальные, ежедневные истории пользователей, их обычные ежедневные события приемлемыми для формата социальных сетей, выделяющимися и привлекающими внимание [18].

Лингвистические характеристики неформального онлайн общения широко исследованы на синтаксическом уровне. В ряде социолингвистических исследований демонстрируется, как люди с различными социально–демографическими профилями (например, с точки зрения возраста или пола) в разной степени отдают предпочтение определенным образцам [12, 27]. Утверждается, что письмо в социальных сетях имеет определенные свойства, например, оно менее сложно синтаксически, превалируют сокращенные предложения, но лексически такое письмо более плотное, для него характерны опущения служебных слов [20]. Тем не менее, на вопрос об угрозе вышеописанных характеристик стандартному естественному языку Д. Кристал отмечал, что лишь небольшая часть английского словаря модифицируется для интернет–коммуникации, что не позволяет считать, что над языком нависла реальная угроза. Короткие формы существовали еще до появления интернета. Кроме того, основная грамматическая структура естественного языка не изменилась из–за интернет–языка [10].

Постановка проблемы. На следующем этапе развития цифровая коммуникация, несомненно, продолжает изменять наш опыт социальных практик взаимодействия, однако, в чем заключается новизна этого нового способа существования? Наиболее существенными качественными изменениями при цифровой коммуникации называют ее перенос в область общественного, а не частного пространства, расширенные возможности самовыражения и самоидентификации, предлагаемые цифровыми медиа [13], всегда включенный характер устройств и сетей, действие цифровой культуры в режиме постоянного обновления. Кроме этого, онлайн пользо–

ватели не только производят тексты и делятся ими с необыкновенной легкостью, но также получают обратную связь, делая людей активными создателями артефактов [11]. Интерактивные письменные пространства, такие как блоги и сайты социальных сетей, делают возможными совершенно иные формы социального взаимодействия, чем те, которые встречаются при обычном разговоре и традиционных письменных текстах [15]. Исследователи цифровой коммуникации могут опираться на целый ряд разнообразных социально ориентированных языковых дисциплин, методы и исследовательские инструменты которых могут быть полезны при проведении эмпирических исследований. Однако некоторые из этих методов и инструментов нуждаются в критической оценке и рефлексивной адаптации, а также, возможно, в расширении и даже объединении с другими для надлежащего учета коммуникативных практик, возникающих в цифровом мире, и их укорененности в социальном мире в целом. По мере развития технологий должны развиваться исследовательские методы и парадигмы.

Цели и задачи статьи. Данная статья посвящена изучению влияния цифрового мира на существование цифрового языка, а также трансформации исследовательских методов, позволяющих анализировать цифровой язык в цифровой коммуникации и в цифровых практиках.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. В статье цифровой язык исследуется как явление, находящееся в процессе трансформации, что ставит вопрос об определении новых форм и условий коммуникаций, а также методов описания.

При работе с материалом использовались общенаучные и частно-научные методы: анализ теоретических источников и практических примеров; синтез полученной информации из первоисточников.

Анализ исследований и публикаций. Лингвисты пытаются сосредоточиться на изучении последствий цифрового мира для существования языка, его роли, и приходят к разным выводам, соглашаясь с тем, что язык продолжает играть ключевую роль в современных изменениях, которые являются прежде всего трансформациями смыслообразования

и коммуникации. В то же время эти изменения затрагивают и трансформируют его. Если ранние исследования языка были основаны на наборе довольно стабильных концепций и теорий языка, то сейчас они пересматриваются, поскольку коммуникация мигрирует онлайн, изменяются контексты и сами условия общения. Например, веб-сайт представляет собой изображения и текст, их взаимодействие подвергаются существенному переосмыслению. Так традиционно визуальный знак рассматривался как подчиненный вербальному сообщению, т. е. тексту. Например, в своем эссе «Риторика образа» Р. Барт утверждает, что значение образов (и других семиотических модулов) всегда связано и в некотором смысле зависит от вербального текста. Р. Барт считает, что визуальное значение слишком неопределенно, поэтому должно использоваться языковое сообщение, чтобы дать более определенное и точное значение изображению [4]. С другой стороны, в более современных исследованиях обосновываются возражения против превосходства вербального над визуальным и отвергаются утверждения о том, что различные семиотические модулы, включая изображения, являются обедненными средствами коммуникации и поэтому должны поддерживаться вербальным языком [24].

Новые онлайн пространства стоят на пересечении междисциплинарных интересов, однако до сих пор часто подходы к языку, используемому для цифровой коммуникации, определяются и описываются в рамках одной науки, например лингвистики.

Другим уже привычным способом передачи сообщения в условиях цифровой коммуникации являются идеограммы и пиктограммы (эмодзи, эмотиконы). Исследования употребления эмодзи и эмотиконов позволяют говорить о коммуникативных, семиотических и эстетических трансформациях глобального культурного ландшафта. С одной стороны, пиктограммы называют глобальным языком, способным выстроить общение между культурами. Однако, с другой стороны, их считают ранними индикаторами упадка и вырождения письменного языка [16].

Эмодзи — цифровые пиктограммы или идеограммы, закодированные в Юникоде, стандарте, по которому компьютеры представляют текст [16:2]. Например, в недавней монографии, посвященной эмодзи, лингвист и исследователь коммуникации В. Эванс открывает дискуссию утверждением, что эмодзи сегодня, бесспорно, является первой в мире

по-настоящему универсальной формой коммуникации. Термин «эмотикон» состоит из эмоции и значка и может быть понят как представление выражения лица, состоящие из знаков. Наиболее часто используемые эмотиконы (смайлики) стали неотъемлемой частью цифровой коммуникации. В то время как «смайлики» в цифровой письменной коммуникации в основном выражают настроение или эмоциональные состояния (такие как радость, печаль, гнев, удовлетворение или беспокойство), эмодзи также могут изображать животных, пищу, растения, спорт, одежду, транспорт, погодные условия и т. д. Кроме того, они служат важными маркерами межличностных отношений и социальных контекстов.

Существуют многочисленные попытки представить эмодзи не как популярный и удобный способ выражать эмоции, родившийся в молодежной культуре, а как универсальный язык, способ усовершенствовать сложный разговорный язык в универсальную пиктографическую письменность и, соответственно, универсальную культуру. Стремление найти универсальную письменную форму языка периодически возобновляется, объяснение данному явлению находится в желании человечества улучшить средство передачи смысла или сообщения, общаться быстрее, яснее, логичнее, не быть ограниченным языковым барьером. На сегодняшний день эмодзи называют одним из визуальных языков, который уже оказал глубокое влияние на формирование современной международной культуры. Согласно подсчету, в мире только в текстах отправляется 6 миллиардов эмодзи ежедневно. Недавнее исследование использования текстовых сообщений в Великобритании показало, что 80% сообщений содержат эмодзи и что 40% всех текстов состоят только из эмодзи.

Это говорит о том, что эмодзи имеют по крайней мере некоторую грамматическую, лингвистическую функцию, выходящую за рамки простого обозначения значков для замены слов. Однако, есть основания утверждать, что эмодзи могут означать совершенно разные вещи для совершенно разных людей. Если существует реальная глобальная революция эмодзи, то она заключается в том, что этот конкретный продукт стал частью глобального стандартного кода. Примечательно, насколько быстро развилось движение из местной японской системы кодирования, распространенной среди узкой группы японской молодежной субкультуры, преимущественно женской,

известной как переход к глобальному стандарту (pan-platform standard of Unicode). Свою роль в этом процессе сыграли корпорации Apple и Google в 2008 г., которые стремились получить прибыль в японском сегменте рынка. Итак, нам нужно отойти от мифов об универсальности, чтобы понять, что эмодзи прочно укоренились в цифровой культуре и не только. Изначально в системе значились картинки только десять национальных флагов, затем добавили флаги стран, входящих в ООН. Далее культурное разнообразие продолжилось через добавление шести тонов кожи в 2015 году. До известной степени смыслы остаются культурно обусловленными. Когда транскрипция кода акционизируется, стандартизуется и становится частью системы на устройстве, это может привести к потере или, по крайней мере, к трансформации смысла. Проще говоря, если у вас нет такого же телефона, как у меня, вы можете неправильно понять мой смайлик. Все универсальные устремления и соответствующие им дискурсы ограничены не только практическими реалиями брендинга корпоративного имиджа, но и лингвистическими реалиями, в которых язык непосредственно локализован, поэтому читать эмодзи нужно в контексте.

Если раньше использование эмодзи, как правило, ограничивалось заменой слов в рамках конкретных естественных языков, то сегодня все больше и больше письменные сообщения изначально набираются и отправляются исключительно в форме эмодзи. Все больше и больше людей утверждают, что думают при помощи эмодзи. Зафиксированы попытки создать эмодзи-литературу, пиктографические романы, например, *Emoji Dick* (перевод известного произведения Моби Дик на язык эмодзи). Книга размещена в библиотеке Конгресса в 2014 году. В формате эмодзи создают фильмы, например, голливудский фильм «Эмодзи» (2017), многочисленные видео, которые анимировали эмодзи, например, «Игра телефонов» по аналогии с фильмом «Игра тронов» или музыкальное видео Дж. М. Болинга, выпущенное в 2013, содержит сотни эмодзи, рассказывающих о депрессии и злоупотреблении наркотиками.

Новые символы emoji, которые в основном являются объектами, идентичностями и практиками, встречающимися во всем мире, постоянно добавляются Консорциумом Unicode, Калифорнийской технической группой, созданной в 1991 году, которая учитывает культурную чувствительность. На сегод-

няшний день Unicode 12.0, выпущенный в марте 2019 года, содержит 3053 эмодзи. Когда премьер-министр Японии Синдзо Абэ посетил Соединенные Штаты в апреле 2015 года, президент Обама поблагодарил его за каратэ, караоке, аниме и эмодзи. Хотя эту шутку можно расценить как культурный стереотип.

Эмодзи становится одним из самых распространенных инструментов невербальной коммуникации, способный сопровождать все мировые языки, охватывать поколения и пересекать национальные границы. Оксфордский словарь английского языка выбрал эмодзи 😄 «плач от радости» в качестве главного английского «слова» в средствах массовой информации в 2015 году. Отслеживая самые употребляемые и распространенные слова, отображающие потоки общественного представления, Оксфордский словарь английского языка позволяет понять доминирующие ценности, которые в данном случае согласуются с семиотическим чтением знаков Р. Барта. Понимая коммерческий потенциал эмодзи, тринадцать американских знаменитостей создали и начали продавать свои собственные эмодзи, например, известный «кимодзи» от Ким Кардашьян включает непристойный жест руки со средним пальцем в 2015 году. С 17 июля 2014 года отмечается Всемирный день эмодзи. Вышеприведенные примеры позволяют осознать масштаб роли эмодзи для глобальной цифровой культуры и цифрового языка.

Представляют ли эмодзи возможность глобальной коммуникации, выходящей за пределы наций и объединяющих их, или вместо этого они делают национальные различия более очевидными? Эмодзи Unicode, возникшие в Японии, но распространившиеся по всему миру, способствуют осознанию мультикультурализма. Эмодзи одновременно выявляют дискриминацию и разнообразие внутри культур. Например, среди эмодзи, добавленных в Юникод в 2015 году, были значки мировых религий; в 2018 году были добавлены значки, представляющие китайскую культуру. Среди эмодзи, добавленных в Unicode 12.0 в 2019 году, есть 13 значков, представляющих физические недостатки. Неспособность прочесть универсальные значения в эмодзи породила вторичные значения в локальных контекстах. Например, эмодзи со сложенными руками, означающие «спасибо» или «пожалуйста» в Японии, стали символизировать молитву в Соединенных Штатах. Японское новогоднее украшение из трех веток бамбука, средний из которых

выше двух других, интерпретировался как непристойный жест со средним пальцем. Twitter использовал эмодзи для измерения национального духа в Японии и других странах, чтобы предлагать идеи для новых эмодзи и оценить общественную реакцию на исторические события и тенденции.

По данным Twitter, к середине 2015 года самым популярным смайликом в твиттере во всем мире было лицо «плачущего от радости», в 2016 году «бьющееся сердце» чаще всего твитили в Японии, в то время как «усталое лицо» было распространено в Соединенных Штатах и Канаде. Такие опросы являются еще одним доказательством того, как эмодзи приобрели глобальное значение, несмотря на необходимость различать локальные культурные контексты и корпоративные истоки.

Эмодзи способны вскрывать гендерные стереотипы и исторические ограничения, например, на продвижение женщин в трудовых отношениях. До 2016 года единственные женщины, изображенные в эмодзи, были либо в индустрии развлечений, либо в сфере услуг (например, танцовщицы, секретарши и кролики из журнала «Плэйбой»). Google был одним из первых поставщиков, включивших эмодзи-символы женщин-профессионалов, представленных в различных профессиях, например, медицинскими работниками или с университетскими степенями. Эти значки были добавлены уже после добавления многоцветных тонов кожи (Unicode 8.0, 2015) и однополых пар (Unicode 6.0, 2010). Этот факт можно расценивать как подтверждение прогресса в преодолении гендерных стереотипов после прогресса идей мультикультурализма. С семиотической точки зрения различные формы «изобразительно-символических» (пиктографических или идеографических) цифровых выражений не должны соперничать с вербальными способами коммуникации, а скорее восприниматься как дополнительный способ «смыслотворчества». Таким образом, они рассматриваются как семиотический ресурс коммуникации, который, как уже было сказано, всегда был мультимодальным [16:6–7].

В социокультурном аспекте предлагается рассматривать эмодзи как расширение социального в технологические, институциональные и языковые формы общения; они являются важным новым «местом», где проходят культурные и политические переговоры между различными авторами. Стикеры называют эмодзи следующего уровня.

При цифровой коммуникации существенно расширяется понятие текста. Если раньше дискурсивный анализ позволял выходить за рамки традиционных письменных и устных текстовых объектов исследования, включать контекст, а также внеязыковые ресурсы (просодику, проксемику, фигуру адресата и т. д.), то теперь текстом называют видео, фотографии, рисунки, картины, дорожные знаки, а также веб-сайты, интерфейсы программного обеспечения, видеоигры. Таким образом, любая совокупность семиотических элементов, которые могут функционировать в качестве инструмента для социального взаимодействия, анализируется как текст [15] с присущим ему свойством связности. Связность, как известно, создается через когезию и когерентность.

Несмотря на то, что такие тексты как видеоигры, сайты социальных сетей, приложения для смартфонов во многом отличаются от более привычных письменных и устных текстов, для которых были разработаны когезия и когерентность, однако, они также характеризуются связностью. Например, различные элементы в видеоигре подходят друг к другу и расположены в осмысленных последовательностях. Цифровые тексты отличаются от нецифровых тем, как соединяются и упорядочиваются элементы их конституирующие. Так пользователи могут не иметь опции влиять на соединение и упорядоченность элементов цифрового текста, так как в цифровом дискурсе решения, принимаются не людьми, а компьютерными программами. Иногда порядок и связность структур, наложенных на дискурс алгоритмами, может усилить способности пользователей выполнять определенные действия, формировать определенные отношения и создавать определенные идентичности, но в то же время эти алгоритмически навязанные структуры могут также создавать ограничения на способность людей действовать, взаимодействовать с другими или быть теми людьми, какими они хотят быть. Кроме того, иногда порядок, выстроенный определенным набором алгоритмов, может создать путаницу относительно того, как пользователи должны читать тексты. Например, в комментариях на YouTube несмотря на то, что они создаются с помощью последовательной имплицитивности, алгоритм сайта отображает их (по умолчанию) в порядке убывания в соответствии с количеством «лайков», которые они получили, наложив на них совершенно иной узор фактуры.

Другим важным свойством текстов в дискурсивном анализе является то, как они создают связи с другими текстами, то есть интертекстуальность и интердискурсивность. Хотя они являются свойствами любых текстов, цифровые ресурсы, благодаря своим технологическим возможностям для гипертекстового связывания, встраивания, копирования, вставки и комбинирования, значительно облегчают соединение текстов с другими текстами, а также гибридизацию текстов.

Достаточно неоднозначным в качестве цифрового объекта анализа, сочетающего текст и изображение, становится мем. В первоначальной концепции мем был аналогичен биологической концепции гена в том смысле, что он рассматривался как самовоспроизводящаяся и передаваемая от человека к человеку единица культуры. Под мемом понимаются единицы информации, идей, ментальных представлений и культурные инструкции, которые самовоспроизводятся и передаются [29, с. 105]. Дублирующая воспроизводимость, имитация считаются ключом к тому, что мемы остаются узнаваемыми. Среди многочисленных определений мемов выделяется их понимание как «относительно сложного, многослойного и интертекстуального сочетания (движущейся) картинки и текста, распространяемых активными интернет-пользователями» [29, с. 106]. Отличительной особенностью интернет-мемов является то, что они декодируются в рамках одной группы, то есть интерпретация мема подразумевает принадлежность к этой группе.

Обсуждение. Хотя исследования по мультимодальности датируются более чем тридцатилетней давностью, мультимодальность приобретает особую важность в настоящее время из-за распространенности дискурсов в Интернете, которые сочетают в себе различные способы коммуникации. Так, конечный смысл мема не может быть получен из суммы значений его элементов, текста или картинки, взятых отдельно, а только из комбинирования их значений. При анализе сосуществования текста и картинки в меме отношения между модусами являются ключевыми для понимания каждого случая коммуникации.

Модус, понимаемый как средство создания смысла, лежит в основе термина «мультимодальность», подчеркивающего, что люди используют несколько способов создания смысла. Но сама по себе эта фор-

мулировка не дает точного описания концептуального сдвига, который пытаются обозначить и продвинуть ученые. Лингвистика, семиотика и социология изучали различные формы смыслообразования задолго до того, как был введен термин «мультимодальность». Действительно, еще в начале XX века Фердинанд де Соссюр высказывал предположение, что «лингвистика» является «ветвью» более общей науки, которую он называл семиологией. Специализируясь в изучении одного набора средств для смыслообразования, каждая из соответствующих наук сосредоточена на средствах создания смысла, которые попадают в их «сферу компетенции»; они не систематически исследуют синергию между модусами, которые попадают в эту сферу и вне ее.

Коммуникация меняется, с переходом от письма к изображению как доминирующему способу, изменяя логику наших коммуникативных практик; и изменение технологических возможностей, с переходом средств массовой информации от страницы к экрану [5]. Все вышесказанное позволяет говорить о появлении и развитии цифрового языка, требующего иных подходов к изучению. Отличие цифрового языка связано с инновациями и реконфигурациями языковых практик в сетевых контекстах, которые были описаны в социолингвистических работах [2, 26]. В широком смысле социолингвисты и этнографы цифрового языка видят новые языковые практики и новые виды репертуаров, возникающие у пользователей в результате глобализации [21]. В онлайн-среде среди культурного и лингвистического разнообразия пользователей [7] вырабатываются низкие режимы формальностей, когда приоритетом служит создание более динамичных, новых правил на каждом уровне письменной лингвистической системы. Бломмерт делает явной параллель между такими глобализованными лингвистическими инновациями в онлайн-контекстах, называя их сверх-упрощенными [6].

Появление цифрового языка приводит к изменению методов исследования и парадигмы, а также ставит вопрос об адекватности того, что мы могли бы назвать традиционными инструментами анализа дискурса, задаче анализа компьютерно-опосредованной коммуникации. Одним из таких инструментов становится мультисемиотический анализ [19], нацеленный на анализ цифровых интеракций. Исследователи языка и цифровой коммуникации, совместно с С. Херингом, согласны с тем, что исследования текста, тра-

диционный фокус анализа, нужно смещать в сторону включения других способов коммуникации. Любая коммуникация мультимодальна [25], но цифровые технологии почти всегда мультимодальны, сочетают письменную речь, картинки, звук и другие семиотические способы [22]. Концепты мультимодальности и мультисемиотичности становятся центральными для современных исследований языка и цифровых медиа [23, 28].

Многомодальность ставит под вопрос строгое «разделения труда» между дисциплинами, традиционно сосредоточенными на создании смысла, на том основании, что в мире, который мы пытаемся объяснить сегодня, различные средства создания смысла не разделены, а почти всегда появляются вместе: изображение с письмом, письменная речь со звуком и письмом и т.д. Именно это признание необходимости изучения того, как различные виды смыслообразования объединяются в единое, мультимодальное целое, пытаются подчеркнуть ученые.

Выводы. Таким образом, анализ цифрового дискурса находится на пересечении (не)языковых ресурсов, общества и технологии [1]. Исходя из того, что дискурс сопряжен, в первую очередь, с «социальными практиками» и эта сфера не обязательно имеет языковое выражение, то дискурсивный анализ является исследованием способов конструирования социальных миров при помощи различных семиотических систем. Анализ цифрового дискурса сосредоточен на том, как мультимодальные, мультисемиотические ресурсы используются в цифровом мире, как части более широкого, социального мира. Цифровой дискурс достиг следующей точки развития, изучения проблем «транслокальности», сложных способов перехода различных локальных практик в глобальные пространства или как пользователи переступают пределы различных медиа и включают мультимодальный анализ социокультурных практик.

Ученые пытаются найти грань между экстраординарным и обычным, ответить на вопрос о необычных практиках взаимодействия, которые люди проделывают в условиях новых технологий, чего они не делали раньше. Через более чем десять лет с момента массовизации, безусловно, некоторые цифровые коммуникации потеряли свою «остроту» и не воспринимаются как новые. Но верно и то, что в других отношениях контекст продолжает услож-

няться — появилось больше доступных цифровых пространств, больше слоев интертекстуальности. На сегодняшний день проблемы дискурса и социального взаимодействия расширяются в области общения с помощью графики, чат-ботов, роботов, теле присутствия. Для их решения также требуются методы и идеи, выходящие за рамки лингвистического дискурс-анализа. Например, появляются исследования по семиотике, этнографии, взаимодействию человека с компьютером и взаимодействию человека с роботом [19]. Язык, конечно, по-

прежнему занимает центральное место в понимании цифровых пространств [17]. Однако, цифровой язык меняет языковую практику, создает пространство для «новых» видов языка, что говорит о сосредоточении на методологических последствиях этих изменений, на анализе более диверсифицированных данных, годных для исследований. Разработка сферы трансформации коммуникации в цифровую эпоху концептуализируется с точки зрения посредничества между семиотическим, технологическим и социальным.

Список литературы

1. Analyzing Digital Discourse. Bou-Franch, P., Garc s-Conejos Blitvich, P. Cham (eds). Springer International Publishing. 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-319-92663-6_1
2. Androutsopoulos, A. Languageing when contexts collapse: Audience design in social networking // *Discourse, Context and Media*. 2014. 4–5. pp. 62–73.
3. Androutsopoulos, J. From variation to heteroglossia in the study of computer-mediated discourse // *Digital Discourse: language in the new media*. C. Thurlow and K. Mroczek (eds). Oxford: Oxford University Press. 2011. pp. 277–297.
4. Barthes, R. *Rhetoric of the image* // *Image, music, text*. Stephen Heath (ed). London: Fontana. 1977. pp. 32–51.
5. Barton, D., Carmen L. *Language online. Investigating digital texts and practices*. Routledge. 2013.
6. Blommaert, J. *Supernavals and their dialects* // *Dutch Journal of Applied Linguistics*. 2012. 1(1). pp. 1–14.
7. Blommaert, J. *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge Approaches to Language Contact. Cambridge: Cambridge University Press. 2010.
8. *Computer Mediated Communication*. Thurlow C., Lengel L., Tomic A. (eds). 2004.
9. Crystal, D. *Language and the Internet*. Cambridge University Press. 2006.
10. Crystal, D. *Internet Linguistics: a student guide*. New York: Routledge. 2011.
11. Darvin R. *Language and Identity in digital age* // *The Routledge Handbook of Language and Identity*. S. Preece (ed). London, New York: Routledge. 2016. pp. 523–540.
12. De Decker, B., Vandekerckhove, R. Global features of online communication in local Flemish: Social and medium-related determinants // *Folia Linguistica*, 51(1). 2017. pp. 253–281. <https://doi.org/10.1515/flin-2017-0007>
13. *Digital cultures. Understanding new media*. Creeber, G. (ed.). Glasgow: Open Univ. Press. 2009.
14. *Digital discourse. Language in the new media*. Thurlow, Crispin; Mroczek, Kristine R. (eds). Oxford, New York: Oxford University Press. 2011.
15. *Discourse and digital practices. Doing discourse analysis in the digital age*. Jones, R. H., Chik, A., Hafner, Ch. A. (eds.). London, New York: Routledge Taylor & Francis Group. 2015. pp. 1–17.
16. Emoticons, kaomoji, and emoji. *The transformation of communication in the digital age*. Giannoulis, E., Wilde, L. R. A. (eds.). New York: Routledge. 2019.
17. *English in computer-mediated communication. Variation, representation, and change*. Squires, L. (ed.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. 2016.
18. Herring, S. C., Androutsopoulos, J. *Computer-mediated 2.0*. // *The handbook of discourse analysis*. D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin (eds.). Chichester: Blackwell. 2015. pp. 128–151.
19. Herring S. C. *The Coevolution of Computer-Mediated Communication and Computer-Mediated* // *Analyzing Digital Discourse New Insights and Future Directions*. Bou-Franch, P., Garc s-Conejos Blitvich, P. (eds.). Springer International Publishing. 2019. pp. 25–68.
20. Hilte L., Daelemans W., Vandekerckhove R. *Lexical Patterns in Adolescents' Online Writing: The Impact of Age, Gender, and Education* // *Written Communication*. 37 (3). 2020. pp. 365–400. DOI: 10.1177/0741088320917921.

21. Hinrichs L. Modular repertoires in English–using social networks: A study of language choice in the networks of adult Facebook users // *English in Computer–Mediated Communication*. 2016. pp. 17–42.
22. Jaworski, A., Thurlow, C. *Semiotic landscapes. Language, image, space*. London, New York: Continuum International Publishing Group. 2010.
23. Kress, G., Leeuwen Th. *Multimodal Discourse: the Modes and Media of Contemporary Communication*. 2001.
24. Kress, G., Leeuwen, Th. *Reading images: The grammar of visual design*. London and New York: Routledge. 2006.
25. Norris, S., Jones, R. H. *Discourse in Action: introducing mediated discourse analysis*, London: Routledge. 2005.
26. Tagg, C., Seargeant, P. Audience design and language choice in the construction and maintenance of translocal communities on social network sites. // *The language of social media: Identity and community on the internet*. P. Seargeant, C. Tagg (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2014. pp. 161–185.
27. Verheijen, L. Out-of-the-ordinary orthography: The use of textisms in Dutch youngsters' written computer-mediated communication // *Proceedings of the second postgraduate and academic researchers in linguistics at York (PARLAY 2014)*. University of York. 2015. pp. 127–142.
28. Wong, M. *Multimodal Communication*. Cham: Springer International Publishing. 2019.
29. Yus F. Multimodality in Memes: A Cyberpragmatic Approach // *Analyzing Digital Discourse*. Bou–Franch, P., Garcés–Conejos Blitvich, P. Cham (eds). Springer International Publishing. 2019. pp.105 — 131. https://doi.org/10.1007/978-3-319-92663-6_4

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ/ LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

УДК 81; 81–115; 81–25; 81.24; 81.271
DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10203

Эффективность вербального и невербального поведения в онлайн коммуникации периода «новой нормальности»

БУГРЕЕВА Елена Александровна

к. п. н, доцент Кафедры английского языка в сфере журналистики и массовых коммуникаций
Факультета иностранных языков, Санкт–Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт–Петербург
E–mail: elena.a.bugreeva@yandex.ru
orcid.org/0000–0001–7571–0961
Личный идентификатор РИНЦ 7594–3193

Аннотация: в настоящее время язык по–прежнему остается основным инструментом познания и понятийных обобщений. Последние изменения в существовании человеческой цивилизации неизбежно отражаются в языках. В статье представлены и иллюстрированы основные лингвистические процессы в русском и английском языках в период пандемии: возникновение новых слов и актуализация медицинских терминов, а также появление у них новых значений, создание «игровых слов» и мемов. Иллюстративный материал подобран методом сплошной выборки из многочисленных интернет–публикаций. Самоизоляция изменяет режимы коммуникации и вынуждает замену живого общения виртуальным. С помощью методов наблюдения, анализа и опроса автор делает попытку периодизации изменений в коммуникации в период самоизоляции и предлагает некую траекторию адаптации к происходящим изменениям. Выделяются четыре периода: переходный, «новая нормальность», «новая нейтральность» и период эффективного виртуального поведения. Одной из ключевых характеристик современной коммуникации является ее мультимодальность. Это требует от человека умения правильно воспринимать, понимать и создавать мультимодальное сообщение, а также эффективно взаимодействовать с ним. Мультимодальность современной коммуникации обусловила формирование динамичного «клипового» мышления современного человека. Автор описывает инструменты коммуникации, обеспечивающие эффективность онлайн поведения в период «новой нормальности» и в будущем. Среди них традиционные и новые вербальные и невербальные средства. Траектория адаптации включает изучение новых инструментов, уверенное владение этими инструментами, дополнение их традиционными, характерными для живого человеческого общения, формирование мультимедийной грамотности и стремление к ее совершенствованию.

Ключевые слова: «новая нормальность», «новая нейтральность», онлайн коммуникация, вербальное/невербальное поведение, мультимодальная коммуникация, мультимедийная грамотность, эффективное онлайн поведение

Для цитирования: Бугреева Е. А. Эффективность вербального и невербального поведения в онлайн коммуникации периода «новой нормальности» // Сервис Plus. 2021. Т.15. № 2. С. 24–34. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10203

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Effective verbal and non-verbal virtual behavior in «new normal»

Elena BUGREEVA

Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of English for Journalism and Mass Communications of the Faculty of Foreign Languages, St Petersburg University, Russia, Saint Petersburg

Abstract: Language is still the main instrument for cognition and conceptualization. Languages inevitably reflect the latest shifts in human civilization. The article presents and illustrates the key linguistic processes caused by the pandemic in the Russian and English languages. The pandemic is coining new medical terms, actualizing already existing ones, assigning new meanings to words, and creating puns and memes. The author provides multiple examples chosen from Internet publications with the continuous sampling method. The COVID-19 lockdown has changed human communication modes and forced a shift from face-to-face to virtual communication. Observation, surveying and analysis help the author describe the main periods of changes in the current state of communication and suggests a trajectory for adaptation to a new communication paradigm. There are four periods: transition, «new normal», «new neutral», and effective virtual behavior. The article also describes new communication trends. Multimodal communication is one of them. This demands an ability to perceive, comprehend and create a multimodal message as well as to interact with it in an effective way. Multimodal communication has changed modern human thinking to a dynamic «clipping» one. The article presents tools necessary for effective virtual behavior now and on. They include new and traditional verbal and non-verbal tools, including paralinguistic ones. A trajectory for adaptation to a new communication mode implies learning new tools, confident command of them, augmenting them with traditional ones characteristic of live communication, gaining multimedia literacy, and polishing it.

Keywords: «new normal», «new neutral», virtual communication, verbal/non-verbal behavior, multimodal communication, multimedia literacy, effective virtual behavior

For citation: Bugreeva E.A. (2021) Effective verbal and non-verbal virtual behavior in «new normal». Service plus, 15 (2), 24-34. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10203 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Время, в котором мы живем, называют периодом «новой нормальности» (new normal). Несмотря на то, что этот термин возник в экономической сфере, сейчас он распространяется и уточняется для многих других сфер нашей жизни. Согласно разным источникам, термин «нормальность» (normality) возник еще во время Первой мировой войны, широко употреблялся в 1930-е годы и вновь стал популярным после экономического кризиса 2008 года. Термин «новая нормальность» ввели эксперты компании PIMCO (Public Investment Management Company, Калифорния, США). [1] Мохамед А. Эль-Эриан, в то время президент PIMCO, определил «новую нормальность» как длительный процесс нормализации экономики после мирового кризиса, когда к докризисным показателям вернуться невозможно. Позже возник термин «новая нейтральность» (доклад PIMCO «Newport Beach»,

2014 г.), означающий еще большее замедление роста экономики. [2, с. 196]

Сегодня «новой нормальностью» определяют «не столько экономические, сколько социальные последствия глобальной пандемии COVID-19 — то есть последствия в разных аспектах жизнедеятельности человека, подразумевая, что то, что совсем недавно было ненормальным, становится обычным явлением». [3, с. 5] «Новая нормальность» предполагает «переосмысление бытовых привычек, повседневных практик, способов взаимодействия и сосуществования в обществе, модусов работы и оказания услуг» [4].

Стриминг-сервисы, виртуальные туры, облачные платформы, соцсети почти полностью заменили живое общение. Это привело к новым режимам общения, новым трендам в коммуникации. Языки интенсивно реагируют на происходящие изменения и в нашем словарном обиходе появляются новые по-

нения. Сейчас перед каждым из нас стоит вопрос, как оставаться эффективным участником новых коммуникационных режимов.

Необходимо изучать новые модусы общения, чтобы понять, можно ли их признать «новой нормальностью» или «новой нейтральностью». Если этого сделать нельзя, необходимо разработать траекторию для адаптации к новым условиям общения или изменения этих модусов общения, если это возможно. Необходимо выделить и описать репертуар новых и традиционных элементов и инструментов общения (вербальных и невербальных), которые могут эффективно использоваться в онлайн коммуникации.

Данные и методы. Проблематика, затронутая в данном исследовании, относительно нова и еще не так подробно отражена в публикациях, которые только начинают появляться. I Международная научно-практическая конференция «Лингвистика дистанцирования: способы существования и эволюция языковой системы в эпоху цивилизационного слома», состоявшаяся 26 января 2021 года, одной из первых обозначила актуальность изучения процессов коммуникации в период пандемии, некоторые из которых представляют опасность для человеческой коммуникации. В статье использованы данные, полученные агентствами AdEspresso, HighFive and Zogby Analytics, аналитическим центром НАФИ, исследователями СПбГУ и других университетов, публикации СМИ и собственные наблюдения. Неразрешенными ранее аспектами общей проблемы можно считать более полное описание основных коммуникационных трендов, периодизацию изменений в коммуникации, а также обозначение некоей траектории адаптации к происходящим изменениям с помощью новых и традиционных инструментов общения.

Основной целью данного исследования является анализ вербального и невербального поведения в онлайн коммуникации эпохи дистанцирования. Задачи: 1) описать периодизацию изменений в коммуникации; 2) определить, какие лингвистические процессы происходят в русском и английском языках в эпоху пандемии; 3) рассмотреть экстралингвистические аспекты, влияющие на эффективность вербального и невербального поведения в онлайн коммуникации в период пандемии; 4) наметить траекторию адаптации к коммуникационным изменениям и описать основные инструменты общения. В исследовании

использованы такие методы, как лонгитюдное наблюдение, анализ эмпирических и статистических данных, опрос, метод сплошной выборки.

Модель. Попытка периодизации коммуникационных изменений в эпоху пандемии. Наблюдения показали, что изменения в коммуникации в эпоху цивилизационного слома можно разделить на четыре периода: переходный период, период «новой нормальности», период «новой нейтральности» и период эффективной виртуальной коммуникации (effective virtual behavior). Первый период характеризуется достаточно болезненным восприятием новых способов общения, необходимостью быстрого освоения технических навыков, появление новых слов и выражений в речи коммуникантов и, самое главное, адаптации к новым режимам общения. Наблюдения (в частности, основанные на опыте преподавания автором статьи английского языка студентам СПбГУ и активного виртуального общения) показывают, что этот период условно длился с марта по август 2020 года. В этот период наблюдалось некоторое отрицание новой коммуникации. Например, многие участники коммуникации (студенты, преподаватели, другие сотрудники) вне зависимости от возраста и уровня технической грамотности избегали общения с включенной камерой. Кстати, исследование HighFive and Zogby Analytics показало, что 59% взрослых в онлайн общении пристально следят за своим изображением на экране. Многих заботит, в порядке ли их волосы (35%), выражение лица (39%), зубы (24%) и беспокоят такие проблемы, как мешки под глазами (24%), двойной подбородок (22%) [5]. Возможно, это и было одной из причин: люди не могли воспринимать себя такими, какие они есть. Ведь в реальном общении мы не видим свое изображение. В этот период, как показал опрос, проведенный автором статьи, из 57 опрошенных студентов 48 из них хотели бы вернуться в аудиторию к привычному для всех режиму общения. Несмотря на то, что в переходный период сначала многие обрадовались очевидным преимуществам дистанционного общения, к концу этого периода отношение к работе и учебе из дома изменилось.

Второй период можно описать как принятие новых «правил игры» и поиск эффективных способов существования в «новой нормальности». В этот период участники коммуникации стали, например, терпимо относиться к визуализации своего обли-

Эффективность вербального и невербального поведения в онлайн коммуникации периода «новой нормальности»

ка, к неполадкам в сети, «зависаниям» изображения и звука и т. д. Условно, этот период длился с сентября по декабрь 2020 года. Из 57 опрошенных студентов половина согласилась, что адаптация уже произошла и ситуацию можно признать терпимой. Теперь участники виртуальной коммуникации снова оценили его гибкость, доступность и скорость и начали искать способы наиболее эффективного существования в нем.

Третий период, который начинается сейчас, можно назвать «новой нейтральностью»: все участники чувствуют себя более или менее уверенно в новой реальности и ищут пути наиболее эффективного существования в ней. Можно предположить, что четвертый период, который начнется позже, будет характеризоваться эффективным виртуальным поведением. Возможно, человеческая коммуникация будет развиваться по другому сценарию: в сторону интегрированного (blended) онлайн и офлайн общения.

Лингвистические процессы в русском и английском языках в эпоху пандемии. Говорить о глобальных изменениях в языке, обусловленных периодом пандемии и самоизоляции, пока не приходится. Безусловно, язык по-прежнему является одним из самых важных инструментов познания и понятийных обобщений. Новые явления в жизни человечества неизбежно отражаются в языках. В период пандемии происходят такие же лингвистические процессы, как и в случае любых других изменений в человеческом сообществе. В настоящее время возникают новые и актуализируются существующие медицинские термины, у них появляются новые значения и словоформы. Так, в русском языке стало общеупотребительным сокращение COVID-19, образованное от словосочетания coronaVirus Disease 2019, а также «коронавирус» и «ковид». Актуализировались такие термины, как «плато», «ИВЛ», «СИЗ» (термин появился в 1977 году), «ПЦР» (*диагностика полимеразной цепной реакцией*) и глагол «пропэцээртесь», «обсерватор» (*место, где наблюдаются зараженные люди*), «санитайзер», «сатурация», «пандемия». Термины «самоизоляция», который используется с 1940 года (*Национальный корпус русского языка*), и «социальная дистанция», зарегистрированный в 1957 году, *приобрели новые значения* [6; 7; 8].

Русский язык реагирует на новую реальность интенсивным словообразованием. От слова «ковид»

образовались «ковидный», «противоковидный», «ковидник», «ковидиссидент», «постковидный», «ковидарность», «корона», «коронафейк», «коронапаника», «коронаскептик», «коронованная особа», «коронакризис», «коронапокалипсис», «ковид-диссидент», «коронагеддон» и даже «ковидло» («ковидла»), «ковидиот» (тот, кто не соблюдает правила самоизоляции и провоцирует панику в обществе) и «корониалы» (ср.: «миллениалы») — дети, родившиеся в период коронавируса. От слова «карантин» образовались «карантины» и «карантье» (люди, которые давали напрокат своих собак, чтобы другим можно было выйти из дома во время карантина). От слов «дистанция», «дистанцирование» образовались «дистанционка» и «дистант». Стало актуальным слово «удаленка». *От названия облачной платформы Zoom образовались «зумить», «зумиться», «сзумиться», «изумляться», «зум-вечеринка», «зумный». Среди «игровых» слов: «наружа», «расхламинго», «расхламиться», «карантикулы», homo isolatus. На уровне словосочетания актуализировались «масочно-перчаточный режим», «индекс самоизоляции», «выйти на плато», «бесконтактная доставка». Институт русского языка имени А. С. Пушкина выбрал слово «самоизоляция» главным словом 2020 года. На идиоматическом уровне характерно появление мемов: «покайтесь, гречники», «удаленушки и ее братца диванушки», «запах мандаринов на Новый год почувствуют не все», «курс лимона», «курс имбиря» [9].*

По мнению М. А. Кронгауза, «эти слова, конечно, важны «здесь и сейчас». Если эпоха пройдет, то и они исчезнут. Но вполне возможно, что какие-то из них сохранятся. Я думаю, что некоторые слова с корнем «зум», например глагол «зумить» — есть еще «зум-вечеринки» и еще какие-то другие «зумы» — могут сохраниться — ну так же, как слово «гуглить», скажем» [10].

Также можно отметить некоторые процессы на уровне предложения. В рамках проекта «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика» (грант РНФ № 19-18-00525) ученые СПбГУ задались вопросом, почему так сложно читать юридические документы, особенно написанные в условиях пандемии. Проблемным для восприятия, например, явилось количество слов в предложении и расстояние между главным и зависимым словами. Во фразе «перечень ... утвержденных распоряжением губернатора» между словами

«перечень» и «утвержденный» было использовано 20 других слов. Другой пример — длинные цепочки однородных членов предложения: «для проведения текущей и заключительной дезинфекции на объектах в усиленном режиме с применением дезинфицирующих средств, обладающих вирулицидной активностью, камерной обработки постельных принадлежностей (матрацев, подушек, одеял) после выписки пациентов, перевода в инфекционный стационар, летального исхода заболевания, а также по мере загрязнения». Еще одной языковой особенностью является «нанизывание» падежей, чаще всего родительных: «условии ... увеличения кратности уборок помещений». В исследовании упоминаются предложения, состоящие из более чем 100 слов. [11] Можно предположить, что эти сложности вызваны влиянием стиля юридических текстов вообще, поспешность в составлении многих документов, вызванная нестабильностью ситуации, срочность принятия решения и неуверенность в том, будет ли оно правильным.

В английском языке также стали общеупотребительными термины и терминологические сочетания *coronavirus, the COVID-19, quarantine, the pandemic, hygiene, antibodies, hygiene measures, sanitary facilities, isolation, alcohol-based hand sanitizers, hand-held thermometers, flatten the curve*. Возникли и/или стали частотными словосочетания типа *the COVID-19 pandemic, the COVID-19 prevention measures, post-Covid-19, pre-Covid-19, to address quarantine issues, to decide on coronavirus matters, to implement health safety measures, precautionary steps, lockdown environment*. Актуализировались и получили новые значения такие понятия, как, например, *lockdown* и *social distancing*. Образовались выражения *socially distanced (desks), social distancing measures, maintain social distance*; употребляется также *physical distancing*. Кембриджский словарь выбрал словом года *quarantine*, словарь Мерриам-Вебстера — *pandemic*, а издательство Harper Collins — *lockdown*. Появились шутки и мемы на английском языке: *Finally the terrible 2 m distance is over. Now Scandinavians can go back to the usual 5 m distance*.

В английском языке также наблюдаются процессы словообразования / словотворчества. От основы *COVID* образовались *covidivorce, COVID bubble, COVID-10, 15, 19 lbs.* (цифры обозначают увеличение веса во время изоляции), *COVID cluster, covidiot*. От основы *corona* образованы *corona (COVID) cut*

(стрижка во время пандемии, которую люди делают себе сами, потому что парикмахерские закрыты), *rona, corona coaster* (перепады в эмоциональном состоянии во время самоизоляции), *corona cation, coornasomnia, coronnials, corona baby, coronarita, coronacation, caronasyllum* (место, где работающие члены семьи уединяются для работы), *coronapocalypse, coronageddon*. С основой *quarantine* используются *quaranteens, quarantini* (коктейль из водки, вермута и джина), *quaranteam, quarantine and chill*. От слова *Zoom* образовались *Zoom mom* (женщина, которая проводит много времени в Zoom), *Zoom fatigue, Zoom town, Zoom bombing, zumping (Zoom and dumping)* (конец виртуальных романтических отношений). Возникли также *virtual happy hour, doom scrolling* (восприятие потока негативных онлайн-новостей), *cornteen* (сленговый вариант слова *quarantine*, возникшее вследствие многократного неправильного написания этого слова в Интернет), *the Before Time, drive-by/drive in, moronavirus, turbo relationship* (быстрое развитие отношений), *germ pod* (изоляция семьи в своем доме), *walktail* (коктейль на вынос), *F.E.D. U.P., on-off hours, video call formal* (одежда для видео конференции), *eyeling* (улыбаться глазами, так как рот закрыт маской) [12; 13].

Таким образом, процессы, происходящие в языках сейчас, можно назвать естественной реакцией на изменения в жизни из пользователей. Скорее всего, то, что нас беспокоит больше, это экстралингвистические факторы, которые влияют на вербальное поведение человека.

Экстралингвистические аспекты, влияющие на эффективность вербального и невербального поведения homo digitalis в онлайн коммуникации. На эффективность виртуальной коммуникации, безусловно, влияют экстралингвистические факторы. В период самоизоляции в коммуникации стали актуальными и часто употребляются понятия *digital literacy, digital collaboration and interaction, digital pedagogies, virtual (tele) conferencing, virtual socializing*. В кино возник жанр «скринлайф». [14, с. 741] М. А. Кронгауз считает, что «этот термин, введенный Бекмамбетовым, актуален и для коммуникации: жизнь на экране и коммуникация на экране. Появилось огромное количество сериалов такого рода, когда мы видим актеров на экране в квадратах. Причем охвачены все жанры: и совещания, и заседания в «Зуме» происходят.

Несколько было политических дебатов тоже в трансляции по «Зуму» [15]. Добавим и набирающие популярность «зум-вечеринки». Так, начала развиваться экранная коммуникация, которая потребовала некоторой подстройки коммуникативной личности, что, безусловно, привело к более или менее болезненным ощущениям в человеке.

В новом типе коммуникативной личности *homo digitalis*, как это ни странно, стала актуальной проблема неуверенности: сомнения в уровне своей продуктивности, переживания по поводу своей внешности на экране (все вдруг увидели себя на экране), ясности вербального выражения своих мыслей, использования языка тела. Согласно *The State of Remote Work*, в 2019 году 22% респондентов, работающих удаленно, считали наиболее трудным для себя способность остановиться и закончить работу. Думаю, большинство удаленных сотрудников подтвердят, что у них было (или еще есть) такое ощущение, что они работают круглые сутки. В 2020 году ситуация изменилась: 20% опрошенных на первое место ставят актуальность эффективной коммуникации и сотрудничества. Значит, движение к поиску наиболее эффективных способов коммуникации и коллаборации началось. Неуверенность в себе и нестабильность современной жизни актуализировали в *homo digitalis* проблему одиночества (2019 год — 19% опрошенных, 2020 год — 20%) и мотивации (2019 год — 8% опрошенных, 2020 год — 7%) [16].

Невостребованность некоторых привычных составляющих процесса общения часто приводит *homo digitalis* к демотивации и психологическому дискомфорту. Возможно, основной причиной некоторого отрицания виртуального общения человеком является отсутствие таких важных составляющих человеческой коммуникации, как тактильные ощущения, запахи, язык тела. В живом общении мы воспринимаем собеседника как сумму этих ощущений, в которой интегрируются все эти составляющие. В виртуальном общении эта тонкая система, филигранно отлаженная природой в человеке, разрушается. Поэтому нам так трудно говорить, обращаясь к черным квадратикам на экране, если даже есть изображение (аватар или фотография). Мы не получаем ту человеческую реакцию, которая так естественна для нас в офлайн общении. Пока мы еще можем реконструировать живое общение в нашей голове (общаясь виртуально), так как наша память хранит наши представления обо

всех элементах человеческого общения. Но что, если последующие поколения будут вынуждены общаться виртуально большую часть их жизни? Не «забудет» ли человек постепенно то, что сейчас называется полноценным человеческим общением? Конечно, эти процессы заняли бы многие тысячелетия и привели к катастрофе в антропологии. Будем надеяться, что этого никогда не произойдет.

Однако уже сейчас наблюдаются некоторые негативные последствия обильного виртуального общения у представителей как молодого поколения, так и людей среднего возраста. Многие зачастую не знают, как вести себя в той или иной ситуации в офлайн общении или выразить свою мысль. Это происходит потому, что люди привыкают к тому, что в виртуальном общении можно «спрятаться», отстроиться, уйти от общения, выразить эмоции паралингвистическими средствами, игнорировать или заблокировать собеседника. Это касается как вербального, так и невербального общения (например, выключить камеру или вообще отключиться).

В дистанционном обучении можно выделить несколько групп трудностей. Психологические трудности включают отсутствие привычки работать перед камерой, отсутствие живой аудитории, большая ответственность студентов за результаты обучения (в сравнении с традиционным переключением всей ответственности за результаты на преподавателя), важность самоорганизации, управления временем, проблема прокрастинации, отсутствие условий для работы/учебы из дома, а также искушение объяснить свою низкую эффективность на занятиях техническими трудностями (отсутствие камеры, плохое соединение и т. д.). Технические трудности: недостаточное владение навыками работы на платформе (как студентов, так и преподавателя), неодинаковое качество связи у участников процесса обучения, плохой звук, нечеткое изображение, отключение электричества или Интернет-соединения. Методические проблемы: необходимость более динамичной подачи материала, невозможность использования некоторых традиционных приемов работы, необходимость применять релевантные для дистанционного занятия приемы обучения и типы заданий и использовать элементы «эдьютейнмента». Организационные трудности: необходимость оплачивать использование некоторых платформ, невозможность организовать полноценный контроль знаний, умений, навыков при

тестировании, необходимость разрабатывать дополнительно материалы для студентов (особенно, если занятие проводится дистанционно, но не на платформе с возможностью видеосвязи), рассылка материалов, необходимость параллельно контролировать аудиторию и пользоваться учебно-методической литературой, обратная связь со студентами. [17, с. 99]

Другой группой факторов являются различия в коммуникативных культурах. Сравним некоторые аспекты русскоязычной и англоязычной коммуникации. Например, молчание имеет различное значение в этих коммуникациях. Если в русскоязычной коммуникации можно промолчать в ответ (как в устном, так и в письменном общении, например, не ответив на письмо или не написав thank you letter), то в англоязычной коммуникации это непозволительно. Здесь молчание может означать нежелание общаться, некомпетентность, недоброжелательность или даже грубость. В онлайн общении ситуация усугубляется тем, что реакция (feedback) нужен в любом случае. Иначе разрушается вся конструкция коммуникации. К сожалению, русскоговорящие участники онлайн общения часто не понимают этого, потому что для них это норма и в офлайн общении. Обучение активному участию в диалоге всех его участников является одной из проблем в преподавании английского языка. Эту же ошибку допускают и более опытные коммуниканты, которые претендуют на высокий уровень знания английского языка. Однако здесь речь идет о развитии навыков коммуникации, а не только знании языковых единиц.

С аспектом молчания в упомянутых коммуникациях связано умение участия в small talk. В англоязычной деловой коммуникации является естественным завязать ненавязчивую беседу, например, перед совещанием, конференцией. Как правило, это «реактивная» беседа со стандартными фразами на стандартные темы: погода, мнение о мероприятии, позиция в компании, вопрос, откуда вы приехали, как добрались до офиса и так далее. В онлайн коммуникации действуют те же правила. Русскоговорящим коммуникантам бывает трудно поддерживать такую беседу, опять же, потому что это не так естественно в русскоязычной коммуникации.

В так называемую эпоху пост-грамотности человек сталкивается с необходимостью одновременно владеть, кроме традиционного понимания грамотности, и мультимедийной грамотностью. Если ранее

основными материалами для формирования определенного уровня грамотности были печатный текст, музыкальное произведение, фильм, картина, танец, архитектурный ансамбль, формула, диаграмма, схема, то теперь в этот список также входят смс/ммс-сообщение, long read, пост, блог, влог, GIF, emoji, анимированные тетоji, мемы. Мультимедийная неграмотность может являться причиной коммуникационных разрывов и затруднять общение между людьми, например, разных поколений. Люди старшего поколения часто испытывают трудности при восприятии мультимодального сообщения. При общении, например, на платформе Zoom им трудно следить за картинкой и звучащей речью (своей и других участников) и синхронизировать управление функциями платформы. Более того, сейчас важно умение не только воспринимать мультимодальные тексты, но и создавать их. Причем это становится одним из трендов нашей повседневной жизни, а не только профессиональной или общественной деятельности.

Переход от восприятия преимущественно мультимодальной печатной страницы к взаимодействию с мультимодальным текстом меняет парадигму восприятия информации в целом. Сегодня человеку трудно воспринимать вербальное сообщение, если оно не дополнено невербальными компонентами: динамично меняющейся картинкой, звуковым оформлением, видео и звуковыми эффектами, элементами компьютерной графики и так далее. «Актуальными трендами коммуникаций становятся сторителлинг, геймификация и эдьютейнмента-технологии вообще. Важнейшей характеристикой потребителя коммуникационного продукта является омниканальность — объединение всех коммуникационных каналов вокруг пользователя, когда потребителю предоставляется интегрированный доступ к каналам связи с субъектом коммуникаций». [18, с. 11] Подача любой информации в современном мире (кино, телевидение, Интернет), требует динамичности и перформанса, то, что определяется термином «инфотейнмент» (infotainment). Так называемое «клиповое» мышление современной аудитории (не только молодежи, но и взрослых людей) редко удовлетворяется только «повествованием» (за малым исключением). Современной аудитории нужна картинка, анимация, смена форматов, интерактив, саспенс. Иначе информация не попадает в зону восприятия современного человека. [19, с. 35]

Кроме мультимодальности, новую коммуникативную реальность определяют поликультурность и, как следствие, полилингвальность. Незнание или недостаточное владение иностранными языками, главным образом, английским языком как языком межнационального общения, а также культурой коммуникации на этих языках, может существенно ограничивать коммуникативные возможности человека, даже при условии интенсивно развивающихся систем машинного перевода. Если в онлайн общении это еще может быть выходом из положения, то в живом общении (особенно, в деловой коммуникации) такой посредник, как электронный переводчик, будет скорее препятствием. Переход к виртуальной коммуникации только усиливает важность эффективной интеграции в эту новую коммуникативную реальность всех и каждого, иначе человек выпадает из социума или становится «социальным инвалидом».

Традиционные и новые инструменты общения в виртуальной коммуникации. Траектория адаптации к новой реальности может быть представлена так: от переходного периода к изучению новых инструментов, от уверенного владения этими инструментами к дополнению их традиционными, характерными для живого человеческого общения, и стремлению к наиболее эффективному их использованию. Репертуар виртуальных инструментов, доступный нам сейчас, включает: видео звонки (video calls), сообщения (messages), демонстрацию экрана (screen-share), чат (chat), доску (whiteboard), видео материалы (videos), методические материалы, руководства, инструкции (tutorials), документы (documents), PDF-файлы (PDFs), презентации (PP presentations), слайд-шоу (slide shows).

Несмотря на то, что общение в основном происходит виртуально, человек стремится к использованию вербальных и невербальных средств, которые мы используем в реальной коммуникации. Рассмотрим вербальные и невербальные средства общения, которые мы переносим или компенсируем онлайн. Эффективное виртуальное поведение (*effective virtual behavior*) подразумевает использование этих средств, исключая, конечно, то, что условно можно назвать энергетикой или энергией человеческого живого общения. Хотя и этот элемент коммуникации можно частично компенсировать. Кевин Снидер, глобальный управляющий партнер *McKinsey&Company*

рассказывает: «Соглашусь насчет человечности. Когда начался кризис, я стал рассылать всем кучу писем с огромным количеством информации. Но в тот день, когда моей маме исполнилось 80 лет, я добавил в переписку ее фото с тортом. В ответ люди стали слать свои снимки, и в итоге мы еще больше сплотились. Одно видеосовещание мы решили провести с домашними животными, и я вышел на связь с двумя кошками. Но всех переплюнул коллега с лошастью! Мы узнали друг друга с новой стороны. В некотором смысле я сейчас даже ближе к коллективу, чем раньше, когда мы были рядом в физическом смысле» [20]. Профессор Мерья Карппинен, директор Языкового центра Университета прикладных исследований (Финляндия), считает, что заменить прикосновение к человеку в виртуальной коммуникации может, например, обращение к нему по имени. [21]

При общении, например, на платформе Zoom, важно использовать и понимать необходимую терминологию, которая стала нашим «обиходным» вокабуляром: *Zoom app* (приложение), *Zoom room* (виртуальная комната), *waiting room* (зал ожидания), *breakout rooms* (комнаты групповых обсуждений), *host/co-host* (организатор/со-организатор), *participants/attendees* (участники), *meeting* (встреча), *recurring meeting* (повторяющаяся встреча), *meeting ID* (идентификационный номер встречи), *streaming* (трансляция), *scheduling* (резервирование времени для онлайн встречи), *remote screen (PC, presentation) sharing* (демонстрация экрана), *Bring Your Own Device (BYOD)* — просьба принести свое оборудование (для онлайн встречи). Выражения с этими словами: *to touch up your appearance*, *to mute/unmute yourself*, *lock the meeting*, *restart the session*. А также фразы, например, «*You're on mute!*», если собеседника не слышно, или «*Conscious there's only ten minutes left*». А также быть готовым объяснить, как использовать ту или иную функцию, например, на платформе Zoom или любой другой.

Обратимся к невербальным средствам общения. Как известно, язык тела играет более важную роль в общении (55%), чем голос (38%) или слова (7%) (Dr. Albert Mehrabian' 7-38-55% Rule). Поэтому очень важно в виртуальном общении, прежде всего, научиться пользоваться камерой. Человек вообще лучше воспринимает изображение с человеческим лицом [22]. Важно также отрегулировать положение камеры, чтобы участники коммуникации видели ваше

лицо и руки. Жестикуляция может также стать одним из эффективных элементов онлайн коммуникации и компенсировать недостаток реального присутствия человека. Здесь будут действовать те же правила, что и в офлайн коммуникации. Что касается зрительного контакта, при работе с большой аудиторией онлайн эффективным представляется так называемый *the Triangle Method*, когда ваш взгляд фиксируется на одном из участников встречи, затем на камере, а потом на другом участнике и так далее по этому «маршруту». Таким образом возможно создать эффект охвата всей аудитории. Это прием заменяет так называемый *scanning* в офлайн публичном выступлении. В деловом общении важно также позаботиться о качественном звуке, фоне (не зря сейчас популярны виртуальные фоны) и отсутствии посторонних звуков. [23]

В письменной речи мы по-прежнему стремимся передать интонацию, настроение, тон звучащей речи. Для этого используются паралингвистические средства (которые могут занимать до 90% человеческой коммуникации, а в отдельных случаях и полностью заменять слова): пунктуационные знаки, стилизованная пунктуация (несколько одинаковых букв — Ooooo!), капитализация, курсив, а также GIF изображения, емоji и анимированные тетоji. Все эти инструменты могут способствовать эффективности виртуальной коммуникации. [24]

Таким образом, глобальных изменений в наборе инструментов для общения не происходит. Появились некоторые новые, но вполне осваиваемые элементы этого инструментария.

Полученные результаты. Таким образом, можно выделить четыре периода изменений в человеческой коммуникации, вызванных самоизоляцией: переходный, период «новой нормальности», период «новой нейтральности» и период эффективного виртуального поведения (*effective virtual behavior*). Этот период в развитии онлайн коммуникации будет сочетать новую реальность и традиционные вербальные и невербальные средства общения или реорганизуется в интегрированное общение.

Среди лингвистических процессов наблюдаются: возникновение новых и актуализация уже существующих медицинских терминов; появление новых значений у уже существующих слов; активное словообразование; образование «игровых» слов и мемов.

Основными характеристиками новой коммуникационной реальности являются ее поликультурность, полилингвальность и мультимодальность. Последняя, в частности, привела к изменению всей парадигмы восприятия информации человеком, к развитию «клипового» мышления, необходимости дополненной реальности, невосприимчивости традиционного мономодального сообщения. В стремлении к эффективному виртуальному общению нам придется учитывать эти особенности.

Конечной целью траектории адаптации к новой коммуникационной реальности является стремление к наиболее эффективному использованию всего инструментария вербального и невербального общения в виртуальном мире. Людям придется формировать в себе мультимедийную грамотность, как умение воспринимать, понимать, а также создавать мультимодальное сообщение и взаимодействовать с ним. Язык тела может эффективно присутствовать в онлайн коммуникации при правильной ее организации. Паралингвистические средства также могут способствовать большей выразительности онлайн сообщения, если, однако, они не будут доминировать в нем. Восполнение недостатка человеческого присутствия посредством большей заботы о собеседнике, более четкой формулировки мыслей, информационной поддержки может явиться шансом для всего человечества вывести общение между людьми на новый качественный уровень.

Заключение. К изучению изменений, происходящих в человеческой коммуникации в эпоху цивилизационного слома, необходим междисциплинарный подход. Изменения, происходящие в последнее время, особенно вызванные необходимостью изолироваться, обусловлены многими факторами и влияют на многие аспекты жизни человека. Эти изменения охватывают не только лингвистическую составляющую, они влияют на психологическое и психическое состояние человека, его социализацию, его самопознание и саморазвитие. Все эти аспекты так или иначе отражаются в коммуникации. Только комплексный подход к изучению проблем современной коммуникации может помочь разрешить их и способствовать более эффективной интеграции человека в новую реальность.

Список литературы

1. Брагина Е. Новая нормальность // Мировое и национальное хозяйство. Издание МГИМО МИД России. №4(23), 2012. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2012/2012-04/novaa-normalnost> (дата обращения: 09.01.2021).
2. Бенц Д. С. Новая нормальность или экономическая отсталость? Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 195–200. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10922
3. Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии. Аналитический центр НАФИ, авторы: Т. А. Аймалетдинов, И. А. Гильдебрандт, Е. Н. Никишова, Д. С. Рассадина. М.: Издательство НАФИ, 2020. 73 с.
4. Как может измениться жизнь после пандемии. «Новая нормальность» — это осмысленная гигиена и жизнь в режиме онлайн // Независимая газета. 11.05.2020. URL: https://www.ng.ru/editorial/2020-05-11/2_7857_editorial.html (дата обращения: 03.01.2021).
5. How Vanity Affects Video Communication. URL: <https://highfive.com/blog/how-vanity-affects-video-communication> (дата обращения: 08.01.2021).
6. Карантье идет наружу. Лингвисты рассказали, как пандемия повлияла на язык. Текст: Елена Мелихова. Российская газета — Неделя № 101(8155). URL: <https://rg.ru/2020/05/13/reg-ufo/lingvisty-rasskazali-kak-pandemiia-povliiala-na-iazyk.html> (дата обращения: 03.01.2021).
7. Пандемия COVID-19 и её влияние на развитие современной этимологии. ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения». URL: <http://cgon.rosпотребнадзор.ru/content/63/4347/> (дата обращения: 03.01.2021).
8. Фокеева А. Языковые итоги года: ирония и пандемия. ТАСС, 2 декабря 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10132851> (дата обращения: 04.01.2021).
9. Там же.
10. Максим Кронгауз: как COVID-19 меняет русский язык. Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2020/06/1379652> (дата обращения: 05.01.2021).
11. Язык пандемии: почему сложно понять «коронавирусные» постановления? СПбГУ. Новости и события. 5 августа 2020. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/yazyk-pandemii-pochemu-slozhno-ponyat-koronavirusnye-postanovleniya> (дата обращения: 04.01.2021).
12. Wayment J. COVID Communication: Our New Favorite Words. July 7, 2020. URL: <https://decisioncounsel.com/ideas/crisis-communication/> (дата обращения: 23.01.2021).
13. The Covid Dictionary. Mumbai Mirror. Updated: Aug 29, 2020. URL: <https://mumbaimirror.indiatimes.com/others/health-lifestyle/a-cry-for-help/articleshow/77788471.cms> (дата обращения: 23.01.2021).
14. Кронгауз М. А. Screenlife в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 735–744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).735-744.
15. Максим Кронгауз: как COVID-19 меняет русский язык. Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2020/06/1379652> (дата обращения: 05.01.2021).
16. The 2019 State of Remote Work. The 2020 State of Remote Work. URL: <https://lp.buffer.com/state-of-remote-work-2020> (дата обращения: 23.01.2021).
17. Бугреева Е. А. Трудности дистанционного обучения английскому языку в высшей школе: анализ практики // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования: сб. на-уч. тр. — СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 96–101 ISBN: 978-5-7422-7111-6
18. Кривонос А. Д., Лебедева Т. Ю. Цифровая эпоха: взаимовлияние технического прогресса и прогресса коммуникации // Коммуникации в эпоху цифровых изменений: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (16–20 ноября 2020) / под ред. проф. А.Д. Кривоносова. — Paris: L'Harmattan; СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 10–12.
19. Бугреева Е. А. Педагогический дизайн онлайн-курса по теоретической дисциплине // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2020. С. 29–40.

20. Игнейшес А. «Какой будет новая нормальность?» Harvard Business Review, 25 июня 2020. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/uroki-stoikosti-2020/832624> (дата обращения: 03.01.2021).
21. Карппинен М. Interpreting Non-verbal Language in Online Communication. Доклад на конференции «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования», СПбГУ, 2020.
22. Facebook Video Thumbnail: Is it Essential for the Success of your Ads? URL: <https://adespresso.com/blog/facebook-video-thumbnail-impact-experiment/> (дата обращения: 08.01.2021).
23. Rapaport G. 8 Tips to Make you Effective in Virtual Meetings. URL: <https://magneticspeaking.com/8-tips-to-make-you-effective-in-virtual-meetings/> (дата обращения: 03.01.2021).
24. Murphy J. Make Online Messaging Personal by Embracing the Nonverbal. Intercom. November 6, 2017. URL: <https://www.intercom.com/blog/online-messaging-personal-embrace-nonverbal/> (дата обращения: 07.01.2021).
25. Bragina E. New Normal. World and National Economy. MGIMO University. No. 4(23), 2012. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2012/2012-04/novaa-normalnost> (09.01.2021).
26. Benz D. S. New Normal or Economic Backwardness. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2019. No. 9 (431). Economic Sciences. Iss. 66. Pp. 195–200. DOI 10.24411/1994-2796-2019-10922
27. New Normal. Lifestyle, Markets, Infrastructure and Communications after the Pandemic. NAFI Analytical Center. Authors: T. Aimaletdinov, I. Gildebrandt, E. Nikishova, D. Rassadina. Moscow: NAFI Publishing House, 2020. 73 p.
28. Language of the Pandemic: Why it is Difficult to Understand Enactments in the Pandemic. St. Petersburg University. News and Events. August 5 2020. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/yazyk-pandemii-pochemu-slozhno-ponyat-koronavirusnye-postanovleniya> (04.01.2021).
29. Krongaus M. A. Screenlife in the Age of Coronavirus Lockdown. Communication Studies. 2020, Vol. 7, no. 4. Pp. 735–744. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4). 735–744.
30. Bugreeva E. A. Challenges in Distant Learning and Teaching the English Language to University Students. Shatilov's Readings. Digitization of Teaching Foreign Languages. St. Petersburg, POLITEKH-PRESS, 2020. Pp. 96–101. ISBN: 978-5-7422-7111-6
31. Krivonosov A. D. Lebedeva T. Yu. Digital Age: Mutual Influence of Technical Progress and Communication Progress. Les communications a l'époque de transformation numérique: Recueil des articles de la IV-ème conférence internationale. 16–20 novembre 2020 / Sous la direction du prof. A. Krivonosov. — Paris: Saint Petersburg : L'Harmattan, P.H. of SPbSUE, 2020. Pp. 10–12.
32. Bugreeva E. A. Instructional Design of an Online Course for a Theoretical Discipline. Synergy of Languages and Cultures: Interdisciplinary Studies. St. Petersburg, 2020. Pp. 29–40.
33. Karppinen M. Interpreting Non-verbal Language in Online Communication. A Report at 'The Synergy of Languages and Cultures: Interdisciplinary Studies' Conference. St. Petersburg State University, 2020.
34. Rapaport G. 8 Tips to Make you Effective in Virtual Meetings. URL: <https://magneticspeaking.com/8-tips-to-make-you-effective-in-virtual-meetings/> (03.01.2021).
35. Murphy J. Make Online Messaging Personal by Embracing the Nonverbal. Intercom. November 6, 2017. URL: <https://www.intercom.com/blog/online-messaging-personal-embrace-nonverbal/> (07.01.2021).

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ/ LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

УДК 81.06; 81.246; 81.27; 81.271

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10204

Языковая перекодировка как признак культуры повседневности России XXI века

ХРУЩЕВА Оксана Александровна

к. ф. н, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка факультета филологии, Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

E-mail: hrox@mail.ru

0000-0002-5640-4165

552903

Аннотация: Явление языковой перекодировки (переключения с родного языка на иностранный язык; включения в речь на родном языке заимствованных элементов) подвергается комплексному лингвистическому исследованию в аспекте сущностных характеристик языковых единиц, их функций и мотивов использования. Сбор материала осуществлялся в ходе наблюдений за спонтанной речью носителей языка с последующей фиксацией и компонентно-контекстуальным анализом. В результате были выявлены мотивы языковой перекодировки, в ряду которых значатся соблюдение профессионального жаргона, социальная адаптация, следование языковой моде, цитация оригинального текста. По данным лингвистического анализа заимствованные единицы не подвергаются ассимиляции или подвергаются ей в незначительной степени (грамматическое уподобление, воссоздание графического образа слова). Языковая перекодировка представляет собой ключевую характеристику языковой ситуации в современной России и может быть нейтрализована в ходе соблюдения норм языковой политики и экологии.

Ключевые слова: языковая перекодировка; культура повседневности; русско-английский

Для цитирования: Хрущева О.А. Языковая перекодировка как признак культуры повседневности России XXI века // Сервис Plus. 2021. Т.15. № 2. С. 35–38. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10204

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Code switching as a feature of Russian everyday culture in XXI century

Oxana HRUSHCHEVA

Candidate of Philology, assistant professor of the Department of English philology and methods of the English language teaching of Philology faculty, Orenburg state university, Russia, Orenburg

Abstract: Code switching (switching from the native language into the foreign one; using loan words in native speech) is given a thorough examination on the grounds of inherent properties of the language units, their functions and motives of their employment. The data have been obtained in the course of observation of spontaneous native speech with its subsequent recording and component–contextual analysis. As a result, code switching motives have been outlined which include following the norms of professional jargon, social adaptation, language trends, quotation of the original texts. According to the linguistic research loan words do not assimilate or partially assimilate, i.e., grammatically or graphically. Code switching is a key phenomenon of the language situation in Russia today which can be neutralized through language policy and language ecology.

Keywords: code switching; everyday culture; Russian–English

For citation: Hrushcheva O. A. (2021) Code switching as a feature of Russian everyday culture in XXI century. *Service plus*, 15 (2), 35–38. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10204 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Языковая ситуация в современной России отличается набором характерных признаков, в ряду которых особенно выделяется языковая перекодировка, а именно переключение с русского языка на английский язык. Данная тенденция наблюдается повсеместно на территории страны, вне зависимости от социального статуса, возраста коммуникантов и их уровня владения английским языком. По сути, включение в речь на родном языке англоязычных элементов (слов или фраз) по причине их массового распространения и игнорирования языковой экологии стало актуальным атрибутом культуры повседневности в России.

Употребление в речи иноязычных единиц в условиях построения высказывания на родном языке на текущий момент выступает типичной чертой языкового поведения значительного числа российских граждан, как в среде молодежи, так и людей средних лет, как в сообществах по интересам (к примеру, любители компьютерных игр), так и в профессиональных объединениях (сфера торговли/информационных технологий и многих других). Буквально ежечасно и повсеместно мы вынуждены слышать и видеть англоязычные заимствования, которые получают минимальную ассимиляцию в рус-

ском языке. Обозначенная проблема имеет остро социальный характер, так как подмена исконно русских слов на англоязычные лексемы в большой степени затрудняет понимание содержания высказывания, препятствует верному и полному восприятию информации, зачастую выступает раздражающим фактором. Феномен языковой перекодировки в данном контексте обладает национальной значимостью и должен рассматриваться с позиции государственной языковой политики. Федеральный закон № 53–ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», который направлен на обеспечение использования государственного языка на всей территории страны, обеспечение права граждан на пользование государственным языком, защиту и развитие языковой культуры [4], гласит, что «в соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. <...> и предусматривает обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации» [4]. Исследование языковой перекодировки, соблюдение стандартов языковой экологии, а также повышение уровня гражданской сознательности по отношению

к родному языку имеет большую практическую значимость, ценность и актуальность.

Явление языковой перекодировки / переключения языковых кодов (code switching) широко освещается как в зарубежных, так и в отечественных лингвистических исследованиях (Crystal, 2017; Kim, 2006; Salazar, 2020; Skiba, 1997; Zabrodskaja, 2006; Проценко, 2004; Сычева, 2005; Тутова, Эбзеева, 2012). Однако внимание ученых обращено главным образом на образцы языковой перекодировки в речи билингов, в то время как данная работа изучает языковую ситуацию в современной России, население которой пользуется единым национальным языком и в большинстве своем обретает знания иностранного языка в процессе получения образования в средней школе, а впоследствии в специальном или высшем учебном учреждении. Однако, несмотря на это, масштабы внедрения иноязычных слов в русскую речь регулярно увеличиваются.

В рамках данной работы изучается феномен языковой перекодировки в свете культуры повседневности, его специфика и речевая реализация. Обозначенная цель достигается в процессе решения следующих задач: определения понятий «языковая перекодировка» и «культура повседневности», проведения комплексного лингвистического анализа образцов языковой перекодировки, описания особенностей функционирования данных примеров, выявления мотивов использования иностранных слов в речи на родном языке.

В ходе исследования применялись метод наблюдения за речевым поведением носителей русского языка, метод статистической обработки материала, классификация, описательный метод, контекстуальный, компонентный и дистрибутивный анализ языковых единиц.

Культура повседневности становилась объектом исследований в зарубежной и отечественной науке в работах таких ученых как М. М. Бахтин, Я. Буркхардт, Г. Вейс, И. Г. Гердер, Ю. М. Лотман, Й. Хейзинга, О. Шпенглер и других. Под культурой повседневности принято понимать весь объем культуры, актуализированной в человеческой жизнедеятельности сегодняшнего дня, здесь и сейчас [2]; это совокупность рутинных поведенческих, метальных, языковых, трудовых, рекреационных и прочих практик [1].

Одна из подобных поведенческо-языковых практик стала объектом нашего анализа, в рамках ко-

торого изучалось явление языковой перекодировки, имеющее место в речи носителей русского языка на современном этапе. Языковая перекодировка — это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации [5, с. 138].

В условиях современной российской действительности и в контексте культуры повседневности подобные переходы имеют место в связи с необходимостью цитирования оригинального текста (например, прецедентных высказываний), соблюдением норм общения профессионального сообщества (использование терминов и клише), социальным удобством и адаптацией (молодежный сленг и язык сообществ по интересам), следованием моде на иностранные слова. Примером для первого случая перекодировки выступает текст известной песни группы «Бурановские бабушки»: *Party for everybody. Come on and dance*. Образцы профессионального жаргона могут быть проиллюстрированы следующими вариантами: *Оплатите косты в течение трех рабочих дней после получения на email инвойсов. На понедельник назначен митинг по теме хорека. Требую от всех подчиненных полного коммитмента компании*. В молодежном жаргоне языковая перекодировка имеет специфические формы ассимиляции, когда англоязычные лексемы обретают грамматические формы склонения и спряжения по аналогии с русским языком: *Будешь ливать — оффни свет. Не буду больше чить юзать, иначе забанят*. Мода на иностранные слова является характерной чертой языка российской рекламы и средств массовой информации: *Хакни сейл (промо-акция международного языкового центра LanguageLink), Барбекю, воркшопы и нетворкинг: в Москве пройдет блокчейн-конференция*. Однако в повседневном общении среднестатистические носители русского языка обширно используют англоязычные лексемы для именованья предметов одежды: *лонгслив, шортслив, тайтсы*; названий продуктов питания и блюд: *маффины, панкейки, слайсы*; актуальных явлений социальной жизни: *дигитализация, алярмизм, локдаун, рециклинг*.

Вышеприведенные примеры доказывают тот факт, что ассимиляция заимствованных языковых единиц проходит по упрощенной схеме, которая в большинстве случаев не отвечает логике и благозвучию родного языка; в частности, воссоздается графическая оболочка иностранного слова, что зачастую

объясняется неспособностью носителей русского языка обеспечить верное прочтение англоязычного варианта; меняется грамматическая структура заимствования по аналогии с грамматическими формами родного языка.

Явление языковой перекодировки, а именно переключения с русского на английский язык, выступает характерной чертой речевого поведения российских граждан, обретающей массовый, повсеместный характер и имеющей негативные

последствия для общества, национального языка и культуры, менталитета народа. Несмотря на санкции, дистанцирование и прочие факторы, удельный вес иностранных слов в русском языке увеличивается, что обуславливает уникальность языковой ситуации в современной России, которую способны переломить мудрая языковая политика, повышение уровня национального самосознания и патриотизма, пробуждение любви к родному языку и русской культуре.

Список литературы

1. Кошман, Л. В. Культура повседневности [Электронный ресурс]: Фонд знаний «Ломоносов», энциклопедия. — 25.03.2011. — Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134587>. — 20.12.2020.
2. Луков, М. В. Культура повседневности [Электронный ресурс]: информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — № 4, 2008. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_MV/. — 22.12.2020.
3. Проценко, Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике / Е. А. Проценко // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2004, № 1. — С. 123–127.
4. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации». — Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-01062005-n-53-fz-o/>. — 20.12.2020.
5. Эбзеева, Ю. Н. Проблема переключения кодов и языковые контакты / Ю. Н. Эбзеева, Е. В. Тутова // Вестник РУДН, Серия Лингвистика, 2012, № 3. — С. 138–142.
6. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. — Cambridge University Press: Cambridge, 2017.
7. Kim, E. Reasons and Motivations for Code-Mixing and Code-Switching / E. Kim // Spring 2006 Issues in EFL Vol. 4 No. 1 43. — Pp. 43–61.
8. Salazar, D. Switching gears: revising code-switching, n. / D. Salazar // Oxford English Dictionary Blog. September 2020. — URL: <https://public.oed.com/blog/revising-code-switching/>. — 21.12.2020.
9. Skiba, R. Code Switching as a Countenance of Language Interference / R. Skiba // The Internet TESL Journal, Vol. III, No. 10, October 1997. — URL: <http://iteslj.org/Articles/Skiba-CodeSwitching.html>. — 22.12.2020.
10. Sycheva, O. N. A note on Russian-English code switching / O.N. Sycheva // World Englishes 24(4), November 2005. — Pp. 487–494. DOI: 10.1111/j.0883-2919.2005.00432.x
11. Zabrodskaja, A. Russian-Estonian conversational code-switching in student interviews / A. Zabrodskaja // Language, Diversity and Integration in the Enlarged EU: Challenges and Opportunities. Regioninès Studijos (2) / Ed. by I. Savickienė. Kaunas: Vytautas Magnus University, 2006. — Pp. 131–140.

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ/ LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

УДК 81.22; 316.772.5

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10205

Когнитивно-дискурсивные механизмы жанрообразования паломнического блога как феномена современной интернеткоммуникативной практики

БЫЧКОВ Дмитрий Михайлович,

к.ф.н., доцент кафедры русского языка Астраханского государственного технического университета

Россия, г. Астрахань

E-mail: dmitriybychkov@list.ru

ORCID 0000-0002-0114-7341

Личный идентификатор РИНЦ 566391

ГУЩИНА Ксения Николаевна

к.ф.н., доцент кафедры русского языка Астраханского государственного медицинского университета

Россия, г. Астрахань

E-mail: k.churzina@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7235-6263

Личный идентификатор РИНЦ 1007252

Аннотация: Статья посвящена исследованию паломнического нарратива как феномена современной коммуникативной культуры. В настоящей работе выявляются базовые когнитивно-дискурсивные механизмы, лежащие в основе жанровой структуры паломнического блога и коррелирующие со специфическими свойствами сознания нарратора. Данная работа опирается на когнитивно-коммуникативный подход к исследованию современных тенденций генотипичных речевых форм в интернет-практике паломника как актора. Жанровая структура блога трактуется как синтетическая, подвижная и коммуникативно опосредованная форма общения, мотивированная спецификой авторского сознания и базирующаяся на важных разноуровневых понятийных категориях дискурсивного процесса. В результате такая гибкость структурного субстрата продуцирует жанровую амбивалентность как одну из основополагающих примет исследуемой речевой формы: с одной стороны, фиксацию жанровых примет, с другой стороны, размытость структурных границ позволяет дискурсивному в своей основе жанру сохранить свою узнаваемость и актуальность.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивные механизмы; паломнический блог; религиозное сознание; жанр; интернет-коммуникация; фрустрация

Для цитирования: Бычков Д. М., Гущина К. Н. Когнитивно-дискурсивные механизмы жанрообразования паломнического блога как феномена современной интернеткоммуникативной практики // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 39–44. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10205

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Cognitive-discursive mechanisms of genre formation pilgrimage blog as a phenomenon of modern internet communication practice

Dmitry BYCHKOV,

Candidate of Philology, assistant professor of the Russian Language Department of Astrakhan State Technical University, Russia, Astrakhan

Ksenia GUSHCHINA

Candidate of Philology, assistant professor of the Russian Language Department of Astrakhan State Medical University, Russia, Astrakhan

Abstract: The article is devoted to the study of the pilgrim narrative as a phenomenon of modern communicative culture.

In this paper, we identify the basic cognitive–discursive mechanisms underlying the genre structure of the pilgrimage blog and correlating with the specific properties of the narrator’s consciousness.

This work is based on a cognitive–communicative approach to the study of current trends in genotypic speech forms in the Internet practice of the pilgrim as an actor.

The genre structure of the blog is interpreted as a synthetic, mobile and communicatively mediated form of communication, motivated by the specifics of the author’s consciousness and based on important multi–level conceptual categories of the discursive process.

As a result, this flexibility of the structural substrate produces genre ambivalence as one of the fundamental features of the studied speech form: on the one hand, the fixation of genre features, on the other hand, the blurring of structural boundaries allows the discursive genre to maintain its recognition and relevance.

Keywords: cognitive–discursive mechanisms; pilgrimage blog; religious consciousness; genre; Internet communication; frustration

For citation: Bychkov D. M., Gushchina Kh. N. (2021) Cognitive–discursive mechanisms of genre formation pilgrimage blog as a phenomenon of modern internet communication practice. *Service plus*, 15 (2), 39–44. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10205 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Паломничество как акт духовной христианской практики продуцирует когнитивные способности религиозной личности. Тексты паломнических блогов [1, с. 104–263], созданные в процессе и результате опыта посещения «святых земель», воссоздают динамический шаблон мыслительной деятельности путешественника как сложный психический процесс обобщенного и опосредованного отражения устойчивых и закономерных свойств сознания личности и ее отношения к сакрально воспринимаемой действительности.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами. Измененное качество состояния паломника, оказав-

шегося в исторически и медийно манифестируемом пространстве, отражает один из гипотетически осязаемых режимов жизнедеятельности верующего или атеистически настроенного человека, на нейрофизиологическом уровне отличающийся определёнными характеристиками, а на психологическом уровне — системой автономных фильтров, обеспечивающих специфическое восприятие и репрезентацию картины мира. Динамика коммуникативного сознания личности паломника в момент восприятия культового сооружения или иного интенционального объекта может быть адекватно интерпретировано только в связи с анализом психических явлений, которые изучает психология. Изучение паломнического нарратива как феномена современной коммуникативной культуры

Когнитивно-дискурсивные механизмы жанрообразования паломнического блога как феномена современной интернеткоммуникативной практики

теоретически коррелирует с исследованиями в области психологии личности.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы. Блогосфера как виртуальная коммуникационная платформа продуцировала появление многих речевых интернет-жанров, в том числе и жанр блога. Будучи сравнительно новым явлением культуры, эта речевая форма общения (блог) не получила должного описания. По нашему мнению, имеющиеся характеристики жанра по своему существу тождественны друг другу и построены в основном на отражении сферы бытования жанра (интернет-пространство). Так, видовой потенциал жанра раскрывается следующими характеристиками: *электронные* (Е. Н. Вавилова, Л. А. Капанадзе, А. Н. Саенко), *виртуальные* (О. В. Лутовинова, Каумова, Л. Ф. Компанцева), *цифровые* (Л. Ю. Щипицина), *сетевые* (Н. А. Трофимова), *интернет-жанры* (Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина) и другие схожие определения. Междисциплинарный субстрат речевой структуры жанра *блог* трудно поддается содержательному обоснованию. Одни исследователи (Л. Ю. Щипицина, Т. О. Максимова) трактуют блог как одну из моделей общения с устойчивым набором прагматических и лексических характеристик. Другие (О. В. Лутовина, Е. Н. Галичкина, П. В. Морослин) относят блог к сфере исключительно межличностного взаимодействия, средством самопрезентации и самопиара. В любом случае указанные характеристики объединены одной формообразующей линией — имплицитной установкой на самовыражение нарратора через тематическую коммуникацию. Для темы нашего исследования важен диалогичный характер содержания жанра, создающий условия для репрезентации и моделирования когнитивной модели авторского сознания посредством когнитивных механизмов миромоделирования.

Цели и задачи статьи. Цель настоящей работы — выявление имманентных когнитивных жанрообразующих компонентов, мотивированных спецификой коммуникативного поведения личности паломника в интернет-практике.

Цель реализуется в решении следующих задач: **выявление** когнитивной сущности жанровой приро-

ды блога; **рассмотрение** генотипичного кода паломничества и личности паломника-актера; **установление** взаимозависимости психических структур сознания актора и субстанциональных компонентов жанра *блог*.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Настоящая работа опирается на когнитивно-коммуникативный подход к исследованию современных тенденций генотипичных речевых форм в интернет-коммуникативной практике паломника как актора.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Психические состояния человека (в том числе воссоздающего и презентующего текстовую модель увиденного, например, в блоге) оказывают влияние на механизм движения психических процессов, а закономерно повторяясь и приобретая устойчивость, могут быть значимы для понимания структуры личностного дискурса о паломничестве, а также модели работы авторского сознания. Так как в каждом психическом состоянии человека присутствуют как общие, так и индивидуально сформированные психологические, физиологические и поведенческие компоненты, то в опыте репрезентации сакрального пространства, представления о его культовых образных конструктах, например, в описании природы и внутренних состояний можно выявить междисциплинарный синтез разных наук (общей психологии, физиологии, медицины, психологии труда и т.д.), что, безусловно, создаёт дополнительные трудности для литературоведов, доказывает междисциплинарный статус проблем нарратива и репрезентации, но и расширяют контекстуальный и коннотативный диапазон исследовательского поля. В современной когнитивной психологии, данные которой могут быть применимы в филологическом анализе репрезентации, насколько нам известно, не существует какой-либо единой точки зрения на проблему психических состояний, так как психические состояния конкретной личности (с учетом ее гендерной, возрастной и других характеристик) можно рассматривать в двух аспектах. Психические состояния паломника как субъекта речи являются одновременно и срезами динамики его личности, и интегральными реакциями данной личности, обусловленными религиозной сре-

дой, взаимодействием с другими коммуникантами, поведенческими потребностями в процессе совершаемого паломничества, целями активизации духовного потенциала и адаптивности в окружающей среде и в ситуации сценария «поведение в храме».

Сам по себе феномен религиозного сознания в своей сути глубоко социален, а значит основывается и зиждется на ключевых когнитивных конструктах психологии масс и в соответствии с этим формируется определенный тип сознания, закрепленный текстуальной фазе дискурсивного процесса. Так, П. В. Алексеев и А. В. Панин в философской монографии определяют главное отличие религиозного мировоззрения — в создании концептуальной картины теоцентрического мира структурно и иерархически организованного. Следовательно, социальная природа явления хорошо проецируется на жанровые ориентиры блога, разительно отличающиеся от канонических форм устных и письменных текстов. Классическая и когнитивная лингвистика не предлагает единой нарративной позиции как в описании рассматриваемого жанра, так и в когнитивной методологии его формирования.

В этом контексте дискурсивного анализа существенным для нас являются, *во-первых*, мотивы и самоидентификация и самопрезентация личности в «новой» виртуальной формации, то есть те базовые имиджевые скрепы блогера в ряду уже существующих (это касается в том числе и вербальных примет идиостиля блогера-паломника); *во-вторых*, рассмотрение ключевых когнитивно значимых мыслеформ: фреймы, метафористических и метонимических моделей, образов-символов, архетипических репрезентантов, читательского бэкграунда, специфических мыслительных конфигураций в индивидуально-авторской лингвальной модели мира религиозно-паломнической тематики. Речевые когнитивные модусы субъекта речи просвечивают в слабо фиксированной жанровой структуре блога. Блог представляет собой ограниченный во времени устный или письменный текст любой тематической направленности, при этом в структурный состав могут входить другие жанры публицистического стиля (отзывы, комментарии, интервью, диалог в режиме онлайн, вопросно-ответная форма подачи материала и другие). Отсутствие канонов и жанровая текучесть, в свою очередь, способствуют развитию тематической полифонии. Социальная природа религиозного сознания хоро-

шо вписывается в динамические жанровые границы. Создается взаимозависимая схема компонентов дискурса: формальная сторона жанра продуцирует содержательную, которая получает свою полную реализацию в подобных нефиксированных жанровых границах.

В паломнических блогах вербализована такая закономерность мышления человека, как рефлексивность — самоотражение субъекта, его авторский взгляд внутрь. Паломник (инотерриториальный репрезентатор) как мыслящий субъект постоянно направлен внутрь себя и на внутренний диалог с Богом. Лингволизированное сознание отражает ход авторской мысли, критически его оценивает, вырабатывает критерии самооценки, допуская в соответствии с древнерусской и православно-религиозной традицией риторическую фигуру самоуничижения. Находясь в паломническом пути, автор блога постепенно познает локус, преобразуя окружающий мир в своем сознании, выявляет устойчивые и закономерные связи между наблюдаемыми явлениями. Замечая связи между наблюдаемыми бытовыми явлениями и бытийными событиями библейского прошлого, устанавливая онтологический характер этих связей, паломник деятельностно осваивает мир, рационально организует свое взаимодействие с ним. Обобщенная и опосредованная (знаковая) ориентация в чувственно воспринимаемой обстановке позволяет паломнику представить топографическую карту города, осмыслить ее в библейской перспективе. Особое состояние сознания, переживание индивидуального опыта актуализирует преобладание в речевых пластах автора религиозных концептов (*грех, любовь, милосердие, вера*), мотивов (*смирение, послушание, покаяние*), метафорическую организацию речи библейского и евангельского толка как стереотипных, так и субъективно воспринятых и интерпретированных. Формируется особый синтетический тип мышления, вбирающий в себя сакральное и профаническое мировоззрение.

Основным механизмом мышления, его общей закономерностью, как известно, является анализ через синтез: выделение новых свойств в объекте (анализ) посредством его соотнесения (синтеза) с другими объектами. В процессе мышления паломника сакральный объект познания постоянно вбирает в себя все новые факты и сведения, и в силу этого выступает во всё новых качествах, которые фикси-

Когнитивно-дискурсивные механизмы жанрообразования паломнического блога как феномена современной интернеткоммуникативной практики

руются в актуальном представлении о Святой земле: из сакрального объекта репрезентации, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание, он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства. Так, например, представление о сакральном не исключает конкретики видения паломником.

Таким образом, при всем вышесказанном о закономерностях мышления паломника в расположении материала в жанре хождения проявляется закономерность селективности, т.е. способность интеллекта паломника оперативно отбирать необходимые знания, включать избранные объекты в фокус репрезентации. Для этого знания индивида должны быть систематизированы, сведены в иерархически организованные структуры. Селективность мышления паломника объясняется мотивированностью представлений о «святых местах», что обусловлено фундаментальным свойством природы вещей: каждый факт, каждое явление подготавливаются предшествующими фактами и явлениями. Как известно, закон достаточного основания требует, чтобы в любом рассуждении мысли человека были внутренне взаимосвязаны, вытекали одна из другой. Каждая частная мысль должна быть обоснована более общей мыслью. Отметим, что в паломнических блогах наших современников описание библейских мест редко сопровождается дополнениями из Библии и других христианских источников (за исключением примеров, когда текст принадлежит священнику или религиозному человеку).

В паломническом нарративе фундируется фрустрационные ощущения, составляющие базис эмоциосферы блога данного генезиса. Однако существуют трудности функционирования понятия фрустрационно ориентированных переживаний в контексте дискурсивного анализа его психологического компонента. Учитывая историю вопроса и различные методологические подходы к пониманию этого феномена в психологии [3, с. 119], применительно к теме настоящей работы признаем аксиоматичным: в ситуации паломничества фрустрационное психическое состояние субъекта репрезентации, возникающее в ситуативной (реальной или предполагаемой) невозможности морального удовлетворения тех или иных запланированных возможностей (в первую очередь духовно-религиозных) в процессе пребывания в пространстве «святых мест» или в ситуации

несоответствия сформировавшихся желаний имеющимся возможностям, постепенно открывающимся в процессе совершения паломничества. Фрустрация — это ответ паломника на неожиданное возникновение ситуации в общении или в процессе посещения культового сооружения, которая воспринимается субъектом репрезентации как угроза удовлетворению той или иной его потребности, которая (как меркантильно представляется современному паломнику) не только была запланирована, но и оплачена. Такая ситуация, переживаемая в острой форме, может рассматриваться как до некоторой степени травмирующая и найти отражение в негативном по содержанию блоге.

В психологическом плане анализа, интерпретация и реализация сценария «путешествие» есть эмоциональное отражение динамики реальной действительности во всей ее непредсказуемости, одновременное постижение ее бытового и бытийного планов. Репрезентативный опыт — это описание паломничества в форме разворачивающегося действия во времени и пространстве, нацеленного на преодоление фрустрации, осознание в сакральном пространстве принципов внутренней связности поступков, событий, впечатлений, способствующих пониманию уникальности представившейся возможности, описание чего и составляет законченное концептуальное целое в когнитивно-коммуникативном опыте блогера. В поведении пребывающих на «святой земле» появляется стремление паломника как конститутивного деятеля к более осмысленной жизни, «смутное воспоминание о которой, — как писал Н. О. Лосский, — он сохранил после отпадения от Царства Духа». Конститутивная личность достигает этой цели посредством полиформального взаимодействия с личностями похожего состояния сознания [4; с. 11], и когнитивная направленность жанра *блог* всячески способствует этому.

Выводы. Таким образом, блог как синтетическая, подвижная, коммуникативно опосредованная форма общения мотивируется спецификой нарративного сознания и базируется на важных разноуровневых понятийных категориях дискурсивного процесса — тематических, прагматических, грамматических, семантических, синтаксических и других. Гибкая жанровая конструкция, вбирая в себя разные коммуникативные формы, не дает жанру зафиксироваться и в то же время эта размытость структурных границ

позволяет дискурсивной в своей основе жанру сохранить свою узнаваемость и актуальность. Представляется эффективным дальнейшее углубленное изучение блог-коммуникации с последующим более детальным описанием типов презентем, используемых в различных типах блогов и представителями

различных возрастных групп. Другим актуальным направлением исследований может стать анализ гендерной составляющей коммуникативного поведения мужчин и женщин в различных видах и жанрах опосредованной коммуникации, в том числе в текстах паломнической тематики.

Список литературы

1. Бычков Д. М. Теоретические основы поэтики паломнического нарратива в блогосфере Рунета : Монография. М. : Кнорус, 2016. 264 с.
2. Громова В. М. Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 148 с.
3. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2012. 328 с.
4. Казнова Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 23 с.
5. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психологических состояний // Вопросы философии, 1967. № 6. С. 118–129.
6. Морослин П. В. Лингвокультурные основы теории функционирования рунета в пространстве межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 339 с.
7. Русская философия : словарь / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. 656 с.
8. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерноопосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 446 с.
9. Щипицина Л. Ю. Понятие жанра компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Поморского университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 68–74.

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ/ LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

УДК 81.22; 811.929.1

DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10206

Лингвистические и феноменологические когнитивные структуры как отражение смысловой организации математического текста

ГИЛОВАЯ Елена Анатольевнак.п.н., старший преподаватель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации
Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва nm

E-mail: gea2012@yandex.ru

ORCID: 0000–0003–2990–6386

Личный идентификатор РИНЦ: 906729

Аннотация: Целью настоящей статьи является изучение вопросов, связанных со смысловой организацией текстов по высшей математике. Обращение к восприятию текста по специальности демонстрирует механизмы усвоения новой информации человеческим сознанием. Методы, используемые в процессе изучения восприятия, основываются на теоретических положениях и понятиях когнитивной лингвистики. В основе исследования смысла учебно-научного текста лежит понятие когнитивной структуры, неделимой и нечленимой единицы, в которой хранится свёрнутое знание и/или представление о мире. При восприятии новой информации поступающая информация сравнивается с имеющимися в долговременной памяти человека когнитивными структурами, происходит «узнавание» входящей информации. Данный набор когнитивных структур формирует когнитивную базу человека. Будучи определённым образом организованной совокупностью необходимых знаний, база когнитивных структур не является однородной. С одной стороны, выделяют когнитивные структуры, лежащие в основе знаний человека о языке, о законах построения речи на данном языке (лингвистические когнитивные структуры ЛКС). С другой стороны, различают когнитивные структуры, которые формируют знания о феноменах экстралингвистической природы, то есть в нашем случае — предметные знания по математике (феноменологические когнитивные структуры ФКС). На основе понятий лингвистических и феноменологических когнитивных структур исследуется вопрос взаимосвязи и противопоставления механизмов формирования языкового и специального знания у человека. Использование понятий из области когнитивной лингвистики позволяет рассмотреть не только вопрос организации специального математического текста, но и сделать более масштабные выводы о когнитивных основаниях противопоставления гуманитарного и математического текстов вообще. Кроме того, анализ данного материала позволяет представить классификацию лингвистических когнитивных структур, необходимых для восприятия русского математического текста.

Использование теоретического материала из области когнитивной лингвистики обладает большой объяснительной силой и способствует пониманию смысловой организации математического текста. Кроме того, результаты данного исследования помогают понять процесс практического овладения студентами-иностранцами русским языком, что позволяет успешно решать не только теоретические, но и практические задачи, стоящие перед иностранными студентами, изучающими математические тексты на русском языке.

Ключевые слова: когнитивная база; лингвистическая когнитивная структура; феноменологическая когнитивная структура

Для цитирования: Гиловая Е.А. Лингвистические и феноменологические когнитивные структуры как отражение смысловой организации математического текста // Сервис Plus. 2021. Т.15. № 2. С. 45–50. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10206

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Linguistic and phenomenological cognitive structures as a reflection of the sending organization of the mathematical text

GILOVAYA Elena

Candidate of Pedagogy, senior lecturer of the Department of foreign languages and intercultural communication of International Economic relations Faculty, Financial university under the Government of Russian Federation, Russia, Moscow

Abstract: The purpose of this article is to study issues related to the semantic organization of texts in higher mathematics. The appeal to the perception of the text in the specialty clearly demonstrates the mechanisms of assimilation of new information by the human consciousness. The methods used in the process of studying perception are based on the theoretical positions and concepts of cognitive linguistics. The study of the meaning of an educational text is based on the concept of a cognitive structure, an indivisible and non-separable unit in which the collapsed knowledge and/or idea of the world is stored. When new information is perceived, the incoming information is compared with the cognitive structures available in a person's long-term memory, and the incoming information is «recognized». This set of cognitive structures forms the cognitive base of a person. Being a certain way organized set of necessary knowledge, the base of cognitive structures is not homogeneous. On the one hand, there are cognitive structures that underlie human knowledge about language, about the laws of speech construction in a given language (linguistic cognitive structures of LCS). On the other hand, there are cognitive structures that form knowledge about phenomena of an extralinguistic nature, that is, in our case, subject knowledge in mathematics (phenomenological cognitive structures of the FCS). On the basis of the concepts of linguistic and phenomenological cognitive structures, the question of the relationship and opposition of the mechanisms of formation of linguistic and special knowledge in humans is investigated. The use of concepts from the field of cognitive linguistics allows us to consider not only the question of the organization of a special mathematical text, but also to draw more extensive conclusions about the cognitive grounds for contrasting humanitarian and mathematical texts in general. In addition, the analysis of this material allows us to present a classification of linguistic cognitive structures necessary for the perception of a Russian mathematical text.

The use of theoretical material from the field of cognitive linguistics has great explanatory power and contributes to the understanding of the semantic organization of a mathematical text. In addition, the results of this study help to understand the process of practical mastering of students of the Russian language, which allows successfully solve not only theoretical but also practical challenges facing international students studying mathematical texts in Russian.

Keywords: cognitive base; linguistic cognitive structure; phenomenological cognitive structure

For citation: Gilovaya E.A. (2021) Linguistic and phenomenological cognitive structures as a reflection of the sending organization of the mathematical text. Service plus, 15 (2), 45–50. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10206 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Проблеме смысловой организации текста уделяется большое внимание в современных исследованиях в области языкознания. Среди лин-

гвистов нет единого мнения относительно того, что представляет собой понятие «смысл текста». Используются разные термины: «содержание», «информа-

Лингвистические и феноменологические когнитивные структуры как отражение смысловой организации математического текста

ция», «смысл». Однако границы данных понятий остаются неопределёнными. В данной статье термин «смысл» будет использоваться как наиболее распространённый в лингвистических исследованиях.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Смысл текста не может отождествляться с действительностью. Между действительностью и смысловым содержанием текста находится человеческое сознание. Воспринимаемая действительность преломляется в сознании человека, и это отражается на смысле порождаемого текста. «Мы расщепляем «семантический уровень» на два самостоятельных: денотативный, отражающий внеязыковое положение дел, и сигнификативный, или собственно семантический, где есть уже «авторская позиция» [1, с. 4]. Для обозначения реального положения дел в языкознании используется термин «денотат». Денотат — объект предметной действительности, реально существующей вне индивидуального сознания. Для обозначения того нового, что появляется в тексте в процессе восприятия информации, необходимо обратиться к исследованиям в области когнитивизма. «Семантика составляющих текст компонентов основывается на результатах когнитивных процессов и определяется специфической работой сознания по анализу предметной действительности с целью выражения знания о её фрагментах языковыми средствами» [7, с. 29]. Для того, чтобы понять смысловую организацию математического текста, следует рассмотреть её с позиций когнитивизма.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешимых раньше частей общей проблемы. При изучении смысла текста необходимо обратиться к исследованиям в области когнитивизма, теории восприятия речи, выделить единицу анализа когнитивного смысла текста. Значительный вклад в зарождение и развитие когнитивизма внесли зарубежные и отечественные учёные: Р. Лангаккер, Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Л. Талми, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик и многие другие. Вопросы восприятия текста с позиций когнитивизма, выделения когнитивной структуры для анализа смысла текста рассматривались в работах таких зарубежных и отечественных учёных, как

Т. А. ван Дейк, В. Кинч [2], Т. Бивер [8], Новиков А. И. [5], Красных В. В. [4] и др. Вопрос о структурах, связанных с процессом восприятия текста, был предметом исследования многих учёных. Н. Хомский, рассматривая язык как порождающее устройство, функционирующее по определённым правилам, говорил о психических структурах, которые существуют в голове человека и позволяют ему продуцировать и воспринимать текст. Т.А. ван Дейк, В. Кинч значительно переработали положения теории Н. Хомского в стратегической модели обработки дискурса. Согласно их точке зрения, восприятие текста не сводится к механическому накоплению информации, как говорил Ноам Хомский. Мозг человека нельзя сравнить с компьютером. Исследователи предлагают рассматривать восприятие информации как процесс стратегический [2, с. 158]. Однако расширяя наши знания о механизме восприятия текста, такой подход оставляет без внимания вопрос о коде долговременной памяти, благодаря которому мы «узнаём» новую информацию. Роль такого кода может выполнять «когнитивная структура». С помощью данного понятия можно проанализировать когнитивную составляющую смысла текста.

Цели и задачи статьи. Цель настоящей статьи — найти ответ на вопрос, какие идеи и понятия когнитивной лингвистики являются принципиальными для изучения смысловой организации математического текста. Для этого необходимо решить следующие задачи: рассмотреть понятия «когнитивная структура», «лингвистическая когнитивная структура», «феноменологическая когнитивная структура», «когнитивная база» в приложении к математическим текстам, рассмотреть когнитивные структуры, встречающиеся в текстах по высшей математике.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Для решения поставленных целей была проанализирована научная литература по теме исследования, проведено изучение текстового материала из учебников по высшей математике, проанализированы специальные тексты с использованием понятий «феноменологическая когнитивная структура» и «лингвистическая когнитивная структура».

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. При рассмотрении модели восприятия

информации в русле когнитивизма в качестве единицы анализа смысловой организации текста нами используется понятие «когнитивная структура». Впервые данный термин появился в психологии. Под когнитивной структурой понимается система познания человека, сложившаяся в его сознании в результате становления его характера, воспитания, обучения, наблюдения и размышления об окружающем мире. В лингвистике под когнитивной структурой понимается нечленимая единица, в которой содержится свёрнутое знание о мире. Когнитивные структуры «представляют собой некую «содержательную» (...) форму кодирования и хранения информации» [4, с. 64]. Под кодированием в психологии понимается перевод информации, воспринятой органами чувств, на язык, понятный мозгу. При восприятии текста происходит сопоставление новой информации с заложенными в долговременной памяти человека когнитивными структурами и «узнавание» информации.

Когнитивные структуры формируют когнитивную базу. Когнитивная база представляет собой структурированную совокупность обязательных знаний и представлений, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета. База когнитивных структур — явление неоднородное. Информация, которую кодируют когнитивные структуры, представляет собой сведения не только об окружающем человека мире, но и сведения о самом языке. Наиболее ярко противопоставление языковой и неязыковой информации проявляется при анализе текстов точных наук, в нашем случае — математических текстов.

В зависимости от вида закодированной в когнитивных структурах информации различают феноменологические и лингвистические когнитивные структуры. Феноменологические когнитивные структуры образуют систему наших знаний о феноменах экстралингвистической и лингвистической природы, например это могут быть знания об исторических событиях, произведениях искусства, физических законах и т.д. Лингвистические когнитивные структуры формируют языковую и речевую компетенции. Они лежат в основе наших представлений о правилах языка, его законах и нормах. Лингвистические когнитивные структуры часто используются для вербализации феноменологических когнитивных структур, могут участвовать в формировании языковой картины мира.

До сих пор нет единого мнения относительно того, в какой степени лингвистические когнитивные структуры используются в формировании феноменологических когнитивных структур. Существует точка зрения, согласно которой различий между знаниями о языке и знаниями о мире не существует (последователи Р. Виленски, Ф. Кликса). Согласно такому подходу, любую информацию об окружающем мире можно выразить с помощью слов. Отсюда исследователи делают вывод, что структуры, отвечающие за хранение собственно лингвистической информации, не отличаются от структур, отвечающих за хранение информации по специальности. Однако в связи с рассмотрением математических текстов нам оказался ближе другой подход, согласно которому знания об окружающей действительности и знания о языке имеют принципиально разную природу образования и механизм хранения в сознании человека. «... В мозгу индивида сознание и язык образуют относительно автономные области, каждая из которых обладает своей памятью, в которой хранятся относящиеся к ней знания, и своими средствами активизации, способными извлечь из памяти и привести в движение необходимые в данный момент фрагменты знания» [3, с. 4].

Представляется, что эти подходы не противоречат друг другу. Всё зависит от рассматриваемых текстов. В текстах гуманитарных дисциплин для того, чтобы воспринять новую предметную информацию, надо сначала эту информацию вербализовать, проговорить. В гуманитарных текстах на основе лингвистических когнитивных структур формируются феноменологические когнитивные структуры, то есть знания о самом предмете. Значит, при рассмотрении текстов гуманитарных дисциплин справедливо согласиться с первой точкой зрения и считать, что гуманитарное знание надо сначала вербализовать, выразить словами, а потом оно будет воспринято сознанием. Напротив, в текстах точных и технических наук (в математике, информатике, физике, сопромате и т.д.) знания не надо вербализовывать, чтобы понять предметную суть текста. Дело в том, что феноменологические когнитивные структуры текстов точных дисциплин имеют принципиально другой механизм образования, чем лингвистические структуры. За формирование лингвистических и феноменологических структур математического текста будут отвечать разные отделы мозга. Для восприятия математической информации

Лингвистические и феноменологические когнитивные структуры как отражение смысловой организации математического текста

совсем не обязательно раскрывать содержание формул, схем, графиков на естественном языке. Специалисты–математики из разных стран хорошо понимают друг друга без слов, воспринимают формулы, хотя они не владеют естественным языком друг друга. У математиков сформирована база феноменологических когнитивных структур, которые не зависят от лингвистических когнитивных структур. Диаметрально противоположный пример — носитель языка, не способный к математике. Он может хорошо читать все формулы на естественном языке, но при этом абсолютно не понимать предметное содержание текста. Все лингвистические когнитивные структуры реализуются хорошо, человек проговаривает формулы на естественном языке, но система феноменологических когнитивных структур не сформирована, математическое содержание остаётся непонятным. Таким образом, для формирования языковой и предметной компетенции у реципиента должна быть сформирована определённая база лингвистических и феноменологических структур.

Анализ математических текстов позволил нам выделить следующие типы лингвистических когнитивных структур, необходимых для восприятия текста по математике.

I группа. Лингвистические когнитивные структуры связывают текст с адресатом.

«Разработка планов деятельности»

(1) *Докажем далее следующую теорему, устанавливающую связь между градиентом и производной по направлению.*

II группа. Лингвистические когнитивные структуры выражают основные понятия, свойства. Впоследствии эти понятия ложатся в основу других понятий.

«Дефинирование» (определение термина)

(2) *Точка множества называется его внутренней точкой, если у неё существует ϵ — окрестность, содержащаяся в этом множестве.*

«Номинирование» (общая квалификация)

(3) *Сумма двух последних слагаемых правой части является бесконечно малой высшего порядка.*

III группа. Лингвистические когнитивные структуры выражают отношения между другими когнитивными структурами.

«Дедукция» (логический вывод на основе перехода от общего к частному).

«Индукция» (логический переход от частного к общему).

«Импликация»

(4) *Если каждой паре (x, y) значений двух независимых друг от друга переменных величин x и y из некоторой области их изменения D соответствует определённое значение величины z , то мы говорим, что z есть функция двух независимых переменных x и y , определённая в области D .*

«Абстрагирование» (сопоставление)

(5) *Доказательство эквивалентности двух сформулированных определений предела функции комплексного переменного проводится аналогично случаю функций действительного аргумента, принимающих действительные значения.*

Следует отметить, что представленная система лингвистических когнитивных структур является системой незакрытой, которая постоянно пополняется феноменологическими когнитивными структурами, а также смешениями разных видов лингвистических когнитивных структур.

Выводы. В заключение можно сделать следующие выводы:

- на основе понятия «когнитивная структура» можно проанализировать когнитивную составляющую смысла текста;
- рассмотрение теоретических вопросов на материале текстов по высшей математике позволяет наиболее наглядно продемонстрировать разницу между лингвистическими и феноменологическими когнитивными структурами и показывает глубинное смысловое противопоставление текстов гуманитарных и точных дисциплин;
- вопрос о взаимообусловленности феноменологических и лингвистических когнитивных структур зависит от типа рассматриваемого текста. В текстах гуманитарных дисциплин лингвистические когнитивные структуры лежат в основе формирования феноменологических когнитивных структур. Напротив, в текстах точных наук лингвистические и феноменологические когнитивные структуры формируются в разных отделах мозга, и поэтому не связаны между собой;
- рассмотрение феноменологических когнитивных структур не входит в компетенцию лингвистов, однако, можно предположить, что некоторые лингвистические когнитивные структуры уже

- не являются чисто лингвистическим, но переходят в разряд феноменологических когнитивных структур (например, «Индукция», «Дедукция»);
- данный материал имеет большое практическое

значение в процессе формирования и развития языковой и предметной компетенций у иностранцев, изучающих математику на русском языке.

Список литературы

1. Всеволодова М. В., Го Шуфень. Классы моделей русского предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). — М.: (АЦФИ), 1999. — 169 с.
2. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — М., Прогресс, 1988. — С. 153–212.
3. Канцельсон С. Д. Речемыслительные процессы. Вопросы языкознания. 1984, № 4: 3–12.
4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.
5. Новиков А. И. Семантика текста и её формализация. — М., 1983. — 216 с.
6. Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. Пособие. — М.: ФЛИНТА, 2013. — 254 с.
7. Шахнарович А. М. Семантические аспекты коммуникативной функции языка // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сборник научных трудов. Выпуск 284. — М., 1987.
8. Bever T. G. The Cognitive Basis for Linguistic Structures // Cognition and the Development of Language. N.Y.: Wiley, 1970.

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ И ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ/ LINGUISTIC NORMS AND DIGITAL REALITY

УДК 81; 81.06

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10207

Языковая эволюция онлайн? Использование мультимодальной когезии на YouTube

ЛИБШНЕР АндреаPhD, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет,
Россия, г. Екатеринбург

E-mail: andrea@liebschner.de

ORCID

<https://orcid.org/0000-0002-2342-6536>

Аннотация: Данный исследовательский проект занимается классификацией когезивных отношений между комментариями зрителей одного видео на канале YouTube, *Different Russia*. Видеоклипы на этом канале представляют личную перспективу на ежедневные ситуации в жизни в России с комментариями ведущего канала на английском языке. Обычно такое видео получает примерно 100.000 просмотров. Комментарии зрителей могут быть на английском, русском и других языках. Канал был основан в 2015 году и у него есть более 60 тысяч подписчиков. Цель данного исследования анализ мультимодальных и когезивных отношений между комментариями к одному видео на этом канале. Методология анализа мультимодальных отношений базируется на исследованиях Royce (2013) по мультимодальности в текстах/картинах и Bateman (2014) об отношениях между картиной и вербальным текстом. Royce (2013) обнаружил так называемые *visual message elements*, визуальные элементы сообщения. Они могут быть например частью картины или диаграммы. Визуальные элементы сообщения представляют визуальную форму лингвистической единицы, например предложения. Визуальный элемент сообщения представляет процесс с помощью глагола и участника с существительным в предложении. Существительные и наречия могут выразить контекст как место или время. Цель данного анализа выявить связь между визуальными элементами комментариев в канале на YouTube и самим видео. При этом особенное внимание обращается на виды когезивных и мультимодальных средств, которые устанавливают связь между содержанием видео и вербальными комментариями к нему. Для практического анализа были кодированы 300 хронологически опубликованных комментариев из выбранного видео на канале YouTube в базе данных Excel по параметрам: номер комментария, идентификация участника, ответ на какое сообщение и когезивное средство. Данные параметры были адаптированы с Herring and Kurtz (2010), которые развивали приложение Visual DTA для анализа текстовых общений в чатах включая анализ темы в коммуникации. Как показали результаты исследования, типичными когезивными средствами комментариев к видео на канале YouTube являются: мультимодальные отношения повтора и колокации существительных, глаголов и прилагательных, использование личных и демонстративных местоимений, эллипсис существительных, а также связь с тем, что упоминается в видео.

Ключевые слова: социальные сети, когезия, связь, мультимедиа

Для цитирования: Либшнер А. Языковая эволюция онлайн? Использование мультимодальной когезии на YouTube // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 51–61. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10207

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Language evolution online? The use of multimodal cohesion on YouTube

Andrea LIEBSCHNER

PhD, assistant professor of the Department of foreign languages and translation
Ural Federal University Russia, Ekaterinburg

Abstract: This research project deals with the classification of cohesive and multimodal relations between commentaries by viewers to a video of the *YouTube* channel *Different Russia*. Its videos present a personal perspective on Russian daily live situations with commentaries by the Russian host in English. Normally, a video receives around 100.000 views. Commentaries by viewers can be in English, Russian, and other languages. The channel was founded in 2015 and has more than 60.000 subscribers. This research aims to analyse the multimodal relations between commentaries and videos. The methodology for this analysis is based on Royce (2013) and Bateman (2014). Royce (2013) discovered *visual message elements* in the relation between images and text, which present a visual form of a linguistic entity. Visual message elements present a process with a verb and participants with a noun in a sentence. Nouns and adverbs express context such as place and time. The aim is to explain the connection between visual message elements and cohesive devices of commentaries and the video content in *Different Russia*. For the practical analysis 300 chronological posted commentaries from the selected *YouTube* channel were coded in an Excel-databank according to the following parameters, adapted from Herring and Kurtz (2010): Number of message, ID of the participant, responds to and cohesive device. The results show that the following cohesive devices were used between commentaries and a video: multimodal relations of repetition and collocation of nouns, verbs, adjectives, the use of personal and demonstrative pronouns, ellipsis of nouns.

Keywords: social network, cohesion, classification, connection, multimedia

For citation: Liebschner A. (2021) Language evolution online? The use of multimodal cohesion on YouTube. *Service plus*, 15 (2), 51-61 DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10207.

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

1.1. Introduction. The following research project deals with the classification of cohesive relations between commentaries to the video «NON-TOURIST RUSSIA 2019: Street vendors & food pricing tricks. HOW RUSSIANS REALLY LIVE» on the *YouTube* channel *Different Russia*. This video was published in February 2019 and received more than 110.000 views since that time. This channel aims to present different vlogs about daily life situations in Russia with English commentaries by the Russian host of the channel. It has been available since 2015 and currently has more than 60 thousand subscribers. Every viewer of *YouTube* can log in to *YouTube* or his/her *Google* account in order to comment on videos. Such comments can react to a video with its content or answer/react to previously published commentaries by other viewers. Commentaries can include verbal text /and or multimedia elements (hyperlinks and emoticons). The connection between

these commentaries and the video is not always obvious to the reader. The aim of this research project is to analyse and classify 300 written commentaries concerning their cohesive relations between each other and their relation to the posted video. Before the practical analysis, it is necessary to present the theoretical background for this research area of cohesion relations, with special focus on previous research of cohesion and multimodality in online communication.

1.2. Theoretical background. As the communication in *YouTube* occurs by written text messages, the category of cohesion was chosen to describe the linguistic connections between commentaries in the *YouTube* channel *Different Russia*. Halliday and Hasan's book 'Cohesion in English' [5] counts as an important work about cohesion and coherence in English. They distinguish reference, ellipsis, substitution, conjunction

and lexical cohesion as categories of cohesion. They differ between grammatical and lexical cohesion. Lexical cohesion deals with the lexical items in a text. Grammatical cohesion is divided into reference, ellipsis and substitution. Conjunction can be located between lexical and grammatical cohesion.

As the communication on *YouTube* has its setting on the Internet, it is necessary to briefly discuss recent research projects regarding cohesion online. According to Bublitz et al. [2], the structure of hypertext asks for new ways to navigate through texts on the Internet and find an understanding of them. Hypertext requires a new type of classification of cohesion. Hypertext is non-linear and includes verbal text, images, video and sound [19], which can interact with each other. According to Storrer [16], in hypertext the direction of reading can no longer be anticipated. She mentions global coherence-building devices such as headlines or individual sentences of a hypertext document) and local coherence-building devices such as links for hypertext. For example, Guseinov [3], Herring [5; 6], Storrer [16], Simpson [15], Woerner, Yates, and Orlikowski [18], Lapadat [10], Tyrkkö [17], Lorenzo-Dus and Blitvich [12], Markman [13] and Jandl [9] dealt with cohesion and coherence in English online communication. Their research results will be used for the discussion of examples in the practical analysis. Web 2.0 is the name used to describe the second generation of the world wide web, where it moved static HTML pages to a more interactive and dynamic web experience. Web 2.0 defined by Tim O'Reilly, is focused on the ability for people to collaborate and share information online via social media, blogging and web-based communities. People communicate differently due to new technologies and cultural diversity in the world. This also includes different platforms for communication and social media as *YouTube*. In this context the new term *multimodal cohesion* appeared in 2014, which presents a type of cohesion for example between a verbal text and an image. Cohesion analysis considers texts as a network of multiple cohesive connections in a sentence and beyond.

Royce called it the model of 'intermodal complementarity' [14, c. 63], which explains how meanings can be set up between more than one semiotic mode, for example pictures, a diagram and a verbal text [1]. Royce [14] identified *visual message elements* (VME) in an image or a diagram. The visual message elements represent a visual form of a linguistic entity e.g. a sentence. A visual message element presents a process

by a verb in a sentence. A noun expresses participants. Nouns and adverbs stand for context such as place or time. After the identification of VMEs in the visual data a comparative analysis with elements in the verbal text can be conducted [14]. The visual and the verbal parts are connected to each other by for example repetition. Royce's framework includes the multimodal cohesive devices: repetition, synonymy, antonymy, hyponymy and meronymy. These devices are comparable to lexical cohesion by Halliday and Hasan [5]. Royce [14] analyses the connections between visual, non-verbal message elements (VME) and verbal text. A research project about the use of cohesion and multimodal cohesion between messages in group communication in the Russian social network *Vkontakte* by Liebschner [11] revealed the following possible relations between multimedia-files and verbal messages: verbal text — audio-file, verbal text — photograph/image, verbal text — video-file, photograph — audio-file and verbal text — audio-file — photograph. The following devices of multimodal cohesion were found in the analysed *Vkontakte* messages: Repetition and collocation by noun, b) Reference to participants in media modes by personal and demonstrative pronoun, c) Ellipsis of nouns, personal and demonstrative pronouns, d) Verb relation and collocation to process and e) Quality of the media-file — relation by adjective and adverb [11]. The relation between visual and non-verbal message elements (VME) and commentaries in the *YouTube* channel will be explored in the practical analysis in this paper. A further question is how Royce's framework and the results by Liebschner [11] can be applied to intermodal relations between written commentaries and the video on the *YouTube* channel *Different Russia*. If a process, a representative participant and contextual data are visually present in the published video, then the task of the practical analysis in this paper is to establish which linguistic elements express them verbally in the written commentaries.

Methodology

For the practical analysis 300 chronological posted commentaries from the selected *YouTube channel* were coded in an *MacIntosh Keypoint*-databank according to the following parameters adapted from Herring and Kurtz [9]:

- i. ID of the participant
- ii. Number of message
- iii. Responds to
- iv. Cohesive device

All selected messages were coded and analysed in the programs *Visual DTA* and *MacIntosh Keypoint*. The *number of messages* was defined according to the chronological order of commentaries in the *YouTube* channel *Different Russia*. The *ID of the participant* is coded with the nickname. The parameter *responds to* refers to the related commentary/(ies). The cohesive devices in commentaries of the *YouTube* channel were coded based on the frameworks and results by Halliday and Hasan [5], Royce [14], Bateman [1] and Liebschner [11], which were discussed earlier in the theoretical background.

2. Practical analysis. This practical analysis will try to answer the following questions concerning the use of cohesive devices between written commentaries and the video file on the selected *YouTube* channel:

1. Which types of cohesive devices can refer to and connect to the video file on the selected *YouTube* channel, especially in initiating messages?
2. How are a *process*, *representative participant* and *contextual data* based on the theory by Royce [14], which are visualised in the published video, referred to in the written commentaries?
3. Which kind of cohesive relations exist between verbal text messages in English and Russian in the commentaries?

The practical analysis of 300 chronological posted commentaries from the selected *YouTube channel* shows, that 198 (66%) commentaries referred to the video of the channel. The remaining 102 (34%) commentaries include a conversation among other viewers regarding different topics. The term conversation is used in a wider sentence here. These topics include for example discussions about the Russian weather with cold temperatures, the activities by the people and the situation in the area in the video. Several messages start with a direct reference to the video and then change the

direction of the topic. The longest distance between a commentary and the video is 299. The distance between commentaries of viewers, which include conversations among them reaches from 1–5. 69 (23%) commentaries referred to the immediately adjacent message. 12 (4%) messages had the distance 2, five (1,67%) messages distance 3, one message (0,33%) had distance 4 and 5 to the commentaries that they referred to. The following length of conversations between viewers in the comments was found. The longest conversation consists of 25 commentaries and appeared one time. The second longest was with 10 commentaries and could be found only once. The frequency of the other conversations with commentaries was 8 (1 time), 6 (3), 5 (3), 4 (2), 3 (5). Conversations consisting of 2 commentaries occurred 14 times and included also short reactions by the channel owner Valeria or her husband Alex like «hello» or «thank you». In social media channels such as *Facebook* or *Vkontakte* in Russia hosts of groups have the possibility to monitor the content of messages or commentaries, delete them, when they contain non-appropriate content of different sorts. At the same time viewers have the possibility to edit or delete their commentaries at their own will. In the following, some examples of commentaries will be discussed, where a comment was referred to, but no longer available in the list of commentaries itself. The commentaries by viewers included five contributions in Russian, 293 in English and two commentaries only made up of emoticons. The following cohesive devices were found between the commentaries in English and the video. For *lexical cohesion* appeared the *repetition of nouns* (37/12,33%), *verbs* (3/1%), *adverbs* (1/0,33%) and *adjectives* (10/3,33%) and *quotations* (2/0,67%). The following **example 1** shows the use of lexical cohesion between commentaries. Relevant words in the commentaries were marked with red by the researcher for better visualisation.

292	TheRockerxx69	1	Fish from where???
293	ImixSpb	292	The mullet you see on the counter has landed from the Black or Azov Sea, one part freshwater fish was farm-raised, another is the harvest of our lakes and rivers.
294	TheRockerxx69	293	@ImixSpb is it kept fresh on the journey to moscow???
295	ImixSpb	294	The way of how to keep fish fresh for a long time? Hmm... It was known even to people who lived in old Rus. I guess this shouldn't present a problem in the 21st century too.
296	TheRockerxx69	295	@ImixSpb at minus _20 C will be kept fresh for sure!!!!
297	ImixSpb	296	Ha! Yes, that's for sure!

Example 1: (Corpus Liebschner)

Example 1 shows the use of repetition of nouns in commentaries 292, 293 and 296. The cohesive device between commentaries 294 and 295 is repetition of the adjective «fresh». The same is true for the connection between commentaries in *YouTube*.

160	CKZ F	1	Thank you for your videos — really interesting insights into Russian life !
161	Different Russia	160	You are welcome!
162	Roger	161	I have watched a few of your videos and find your conversation very engaging. Thank you for showing us all a «DIFFERENT RUSSIA»

Example 2: (Corpus Liebschner)

A *quotation* in *YouTube* commentaries can quote either from the spoken text in the *YouTube* video or repeat the exact written words by a viewer in the commentaries. Commentary 162 quotes the nickname by the channel owner «Different Russia» in hyphens and turns its meaning, so that it fits into his sentence structure. At the same time the reference to the name of the *YouTube* channel remains intact due to the capitalisation of all letters in the quoted words.

242	Anthony Isadore	1	Everytime she said «on the line» ...
-----	-----------------	---	--------------------------------------

Example 3: (Corpus Liebschner)

Example 3 shows the quotation from the speech by the host in the *YouTube* video, who is referred to with the personal pronoun «she». The host is Valeria and her mother tongue is Russian, although she speaks English in her *YouTube* videos. This quotation can only be understood after watching the referred sequence in the video.

81	Brooks Anderson	1	Did you hear at 6:21 that «old people» could travel by bus for FREE! Thank you Russians for your human response to old people's needs! old (78) geologist. :-)
----	-----------------	---	--

Example 4: (Corpus Liebschner)

This alone standing commentary 81 refers with a quote to the speech in the video. The words «old people»

are presented in hyphens. This quote is linked to a time indication for a sequence in the video. In this case, there are actually two ways to refer to the content of the video in this commentary. Of interest is also the reference with «you» in the question. It is unknown though who exactly is addressed like this. Is it for everyone who is reading and/or writing the commentaries to the video?

This type of reference does not relate to an exact person, who is mentioned before in the context of the video. It is a type of non-defined reference.

34	Eric Elliott	1	Valeria, I struggle to find words that can express my high level of appreciation of your videos. You are doing a service to the world with what you do. It gives people a chance to see what Russia is really like and to see that it is nothing like what we get in our media in the states. I have great appreciation for you and Alex as you know already. I wish I could visit Russia and meet up with all my friends and acquaintances, including you and Alex, but at least I have videos like yours or voice chat and emails for everyone I know in Russia.
35	J.M.	34	Eric Elliott, you spend too much time on mainstream media. You have to go to Alternative media to find the good things about the Russian Federation. Going. The POTUS: Donald John Trump. McCloud nationalist». United States is at war with communist China. On our Southern border. We are at war with Mexico. We are finishing the wall. And if the Liberals would have got into force. China would have got the contract to build 30,000 satellites. And they would have implemented 5G in America. It can be 200_ G. 5G is a little higher than microwave. Large quantities of people would be getting cancer. They're putting that together in communist China. But it didn't happen.

Example 5: (Corpus Liebschner)

Example 5 shows, how a nickname in commentary 45 attracts the attention by another viewer in 47, who repeats parts of this nickname with «red foot native American» in his question. There were also a few other examples, where commentaries in this channel referred to the nickname by viewers in the commentaries. The following types of reference based on the framework by

Halliday and Hasan [5] were found in the commentaries of this *YouTube* channel. *Reference with personal pronoun* appeared 62 times (20,67%) in relation to the owner of this *YouTube* channel Valeria, her husband Alex, her dog Sheffield, towards viewers in the written commentaries and not specifically named people in the video-clip. *Reference with demonstrative pronoun* was used 34 times (11,33%) and referred to the video-clip as a medium, such as in «this video». *Reference with possessive pronoun* appeared 20 times (6,67%). In the following **example 6** this type of reference between the video and the written commentaries is discussed.

36	VeXu666	34	This is from Moscow general area. Minimum wages are 5 times more higher than other parts of Russia. Doctors in a remote area get paid barely around 500€ monthly wages and availability of many items you'd expect is zero. It's because the country is so dependent on imported products, which aren't produced inside Russia at all. Also the infrastructure of Russia is so poor, that it usually costs too much to get stuff like that delivered by almost non-existent roads near to impossible.
37	Pardon me	35	To be fair, you can't really blame the media. I haven't seen too many documentaries about Russia at all. There were cold war era documentaries that portrayed Russia a lot poorer than it was, and the 90s were rough, so maybe people still have impressions from those.
38	Eric Elliott	37	@Pardon me, Actually, that is precisely the problem, so we can blame the media (US media in particular). The US media keeps portraying Russians and Russia as they were during world war two and the cold war, etc. while vilifying them. People in the US have a hard time separating people from their government as well, including themselves. US media is clueless as to what Russia and Russians are really like or they simply do not want the public to know or both.

39	Eric Elliott	36	@VeXu666 Thank you for this information. I really seek to know because all my true friends are Russian and they give me info about their areas too. I care very much for them.
40	Eric Elliott	?	@Boris Rangelov I should not have to say this to you because I have Russian friends there that I care about deeply, but you need to use better judgement before calling people names. Why do you want to bring hate into Valeria's efforts?
41	JohnPgth	39	Eric Elliott As a Russian I am glad not to be there anymore. USA has problems but there is no where better.
42	Mathilde W	39	You should go to Russia! I just went there for a few days, and it's a wonderful country. Really easy to travel there. Best public transport system in the world, clean, beautiful cities

Example 6: (Corpus Liebschner)

Example 6 shows a variety of cohesive devices between the commentaries and the video, which will be discussed here in more detail. This particular conversation starts with the commentary by Eric Elliot in 34, who thanks Valeria for her videos. He compares between the view of Russia in her videos and the own «in our media». «Our» refers here to the context of the media in his country. The connection between commentary 34 and 35 is set up by three different cohesive devices such as address with nickname, the reference by personal pronoun «you» and the repetition of the noun «media». Commentary 36 can be understood thanks to the reference with demonstrative pronoun «this», which refers to the location shown in the video. As such it is not a traditional type of reference between written messages, but constitutes a link between a written commentary and the video. In order to really understand the reference with «this», it is necessary to watch the video itself. This type of reference can be called *multimodal reference to place in the video by demonstrative pronoun*. *Reference to place in video with demonstrative pronoun* appeared 7 times (2,33%) in the analysed commentaries of this channel. Liebschner [13] also identified the reference to participants in media

modes such as photographs and videos by personal and demonstrative pronoun. Commentaries 37 and 38 both repeat the noun «media», and 38 includes again the address by nickname to the previous commentary. During the practical analysis of commentaries in this *YouTube* channel *address to speaker by name* was used 42 times (14%). In the analysed commentaries the addressed name is put at the beginning of the commentary with @, similar to a message in *Whatsapp*, or simply the name itself. In commentary 39 Eric Elliot addresses an earlier commentary another person with nickname and uses *reference with demonstrative pronoun* in «this information», which substitutes the whole previous commentary by the other viewer. Commentary 40 includes the address to a commentary, which is no longer available. It might have been deleted by the viewer or the host of the channel. This might be due to the use of foul language towards other people in the commentaries, as can be understood from «calling people names». Both commentaries 40 and 41 refer with «there» to a place, in this case Russia, which can be understood from the general context of this conversation in the channel, which is about life in Russia.

«Here» and «there» are not always used as way of reference in the traditional sense of Halliday and Hasan [5]. In the commentaries to this video these adverbs of place refer to places, which are shown in the video as well. This type of reference can be called multimodal «reference to place in video with adverb», which appeared two times in the analysis. At times it is difficult to say, whether this reference with adverb is simply to the context of the conversation in this channel or the content of the video. The final commentary 42 in this particular conversation also uses «there» and mentions «go to Russia», by which the contextual use of the adverb is clarified immediately. The following example 7 will show some more use of reference in the commentaries.

27	Olivia	1	Greetings from California. I just love going along with you. It's so great to be able to experience Russia. Thank you sharing your life and your country
28	J.M.	27	She sure does a good job with the help of her husband. It's like you're in the grocery cart watching all those foods and things. She does a great job explaining the cost. They had the GMO papaya. The long ones. They were just

28	J.M.	27	as expensive in Russia as they would be in America in the winter time. The non GMO papayas are shaped like a pear. If you take the papaya seeds. And then you lay them you lay them out on a cookie sheet. And then you put them in an oven at 200 degrees. And you dry them out. Then you get a coffee grinder. To get a grinder that you're not going to use for coffee. If grinder for spices. You have to grind these dried out seeds. To a powder. And then you mix them in with a smoothie. Of your liking. And then you drink it whole. And this will help and getting any type of bugs or parasites within your intestinal tract.
29	UncleC	27	Olivia Sorry to hear. I just Left CA. It's Very anti American now. it's Expensive and Racist getting any type of bugs or parasites within your intestinal tract. as a state. It's sad to say. But I will never ever spend a dime in that state or even the west coast again. Enjoy
30	arthur I	27	**Me too** Thank you very much !
31	Rob Vi	30	I feel the same... Thank you Different Russia!

Example 7: (Corpus Liebschner)

Commentary 27 starts with a greeting, which is often used to start a commentary in this channel, which is addressed towards the video host of «Different Russia». The address to Valeria is «you», which is also used in commentaries 30 and 31, which thank her for her videos. Returning once more to commentary 27, because it refers to an activity, which is shown in the video, here «going along». This section relates to the way, how viewers experience the video and the activities presented by Valeria, as if they would actually be there with her, doing the same things as in the video. The written reference to the activity in the video is by a verb form in the commentary. There are altogether 16 examples (5,33%) for a similar *reference to an activity in the video by a verb* in the practical analysis of commentaries in this *YouTube* channel. Liebschner [13] mentions a similar type of cohesive device between a written message in *Vkontakte* and a video. In this research project it was called «Verb relation and collocation to

process». Commentary 28 includes another example for the use of reference by personal pronoun «she» and possessive pronoun «her», which both refer to Valeria, the video host. Commentary 30 is of interest, because it starts with ****Me too****. The first association is the use of this phrase in the movement against sexual harassment and sexual assault of women, but this does not fit here at all. Here it is a type of a *back-channeling referring to commentary 27*. *Backchannels* are typically short utterances such as «yeah» or «wow». The analysed commentaries for *Different Russia* also included the forms «lol» (7 times), Imfao (2 times), which date back to the communication in chat rooms. Emoticons and emojis are also quite common. The location of *emoticons* is important, because it might indicate where individual sentences, sentence parts or words are connected by *emoticons*. In the analysed commentaries of the channel *Different Russia*, emoticons appeared at the beginning, in the middle and at the end of commentaries. The next commentary 31 presents a synonym and ellipsis at the same time with «I feel the same...» in relation to the previous commentary 30. The ellipsis expresses that both commentaries 31 and 30 share the same feelings regarding their sympathy and thanks towards Valeria, the video host, which were already expressed in message 27.

This explains how three commentaries, which are not immediately adjacent to each other share the same topic and are connected by different cohesive devices. Another type of reference typical for multimodal relations will be discussed in example 8.

170	Nofrackingzone 2.0	1	Looks very cold. Today it's 71F / 22c. Think I'll stay in Houston.
173	Spasoje Kulašević	1	Nice looking food. Honestly

Example 8: (Corpus Liebschner)

This example includes two individual commentaries, which only relate to the video and not to any other commentary by viewers. Commentary 170 relates to the topic of cold temperature, which is discussed quite frequent in the commentaries of several viewers, because the video host is walking through the snow. A common myth is, that Russia is always very cold, but here a winter walk is shown. The «cold» in 170 refers to the situation in the video by adjective. The commentary makes only

sense in relation to the video. This multimodal cohesive device is called *reference to the situation in the video by adjective*. Such a type of relation was found 7 times (2,33%). At the same time *reference to a situation in video with noun* appeared 14 times (4,67%) and *reference to a thing in a video with noun* could be found 11 times (3,67%). A thing is referred to in commentary 173, «food». Valeria is going shopping with her husband in the video and several commentaries refer to the items they see there. The following **example 9** gives more insights into this.

105	max stax	1	I doubt you'll reply but why do they paint the trunks of trees white? I see that all the time in Russian videos.
106	Different Russia	105	for you https://youtu.be/95Kpj04OECM
107	Конрад Карлович	105	this is protection from harmful insects
108	max stax	105	Thanks.

Example 9: (Corpus Liebschner)

Example 9 starts with a question in commentary 105, which is addressed to the video host Valeria with the *reference by personal pronoun* «you» and reference to the video by the nouns «trunks of white tress». No obvious address to the speaker by nickname is used, but the connection to the video is still understood, no matter how far the distance is. The connection is also held up by the second sentence by the word «Russian videos». The following commentary 106 presents the cohesive device *ellipsis* and *hyperlink reference*. The *ellipsis* probably leaves out a noun, but the exact missing word cannot be reconstructed, but the connection to 105 is supported by the *reference with personal pronoun* «you» and the *hyperlink reference* to another video. During the analysis of comments ellipsis occurred 31 times, which can be marked with «...» or the missing of words is not indicated particularly. Hyperlinks appeared 3 times (1%) in the commentaries. Typical for *Youtube* are hyperlinks, which include a time reference to a section in the video, which is mentioned and discussed in the commentary. This also happened in **example 4**, which was discussed above.

87	TheRockerxx69	86	@J. M. it was a marvellous time for me. I was 17 years old,.
88	Guergui Stoyanov	87	@TheRockerxx69 Everyone has a marvelous time when they are 17and in love. You are not alone, but is nice that you still remember HER. ❤️
89	TheRockerxx69	88	@Guergui Stoyanov IT WAS MARVELLOUS AT 17--MY- REAL FIRST TRAVEL ALONE- ON BOARD OF A MER- CHANT SHIP--- BOUND T O IRON- CURTAIN RUSSIA--- 1969- --A MARVELLOUS YEAR FOR- ROCK N ROLL MUSIC--- WOODSTOCK AND THE MAN- ON THE MOON--

Example 10: (Corpus Liebschner)

Example 10 includes some more repetition of nouns and address to speaker by name in 87 and 88. Of special interest is commentary 9, which includes crossed out sentences. Guseinov [4, с.281] discovered the use of 'литуративы' in blogs, which appear as crossed out words or phrases in sentences.

They present taboo-words or attract attention to certain words or phrases. In 89 several sentence parts are crossed out. The function here should be the attraction of attention to the crossed-out parts, which contain more information, why his time was so «marvellous». In two final examples Russian commentaries are discussed. The commentaries by viewers included five ones in Russian, 293 in English.

84	Natalie Brown	1	Приятно удивлена, что американцам это интересно. Это говорит о том, что мы more alike than different. Спасибо.
----	---------------	---	--

Example 11: (Corpus Liebschner)

Commentary 84 refers to the surrounding English positive and approving commentaries by American viewers with «американцам». Interesting is also the use of «это», as a demonstrative pronoun, which refers to the initial video again. The point of reference with «это» is wide and can also include the general topics discussed in the video.

62	cavaliere зонтик	1	Типичная картина среднего русского города. Погодка конечно не украшает.
63	Ольга Сибирская	62	Зима — это лучшее время года.....

Example 12: (Corpus Liebschner)

Here two Russian commentaries relate to each other by *collocation* between «Погодка» in 62 and «зима» in 63. Collocation appeared times 8 times (2,67%) in the commentaries. The Russian examples did not interact otherwise with the English commentaries and stood alone. Russian could also be found in a few nicknames, see also the nickname in commentary 63 as an example.

3. Results and conclusion

Table 1: Frequency of cohesive devices in commentaries of Different Russia. (300 commentaries = 100 %)

Cohesive device	Frequency
Repetition of nouns	37 /12,33%
Repetition of adjectives	10/3,33%
Repetition of verbs	3/1%
Repetition of adverbs	2 (0,67%)
Quotations	2 (0,67%)
Reference with personal pronoun	62 (20,67%)
Reference with demonstrative pronoun	34 (11,33%)
Reference with possessive pronoun	20 (6,67%)
Reference to place in video with demonstrative pronoun	7 (2,33%)
Reference to activity in the video by a verb	6 (5,33%)
Reference to the situation in the video by adjective	7 (2,33%)
Reference to a situation in video with noun	14 (4,67%)
Reference to a thing in a video with noun	11(3,67%)
Address to speaker by name	42 (14%)
Ellipsis	31 (10,33%)
Hyperlink	3 (1%)
Collocation	8 (2,67%)

For lexical cohesion *repetition of nouns* (37/12,33%) and *adjectives* (10/3,33%) occurred most often (2/0,67%). Nouns are often repeated between commentaries, because different items are discussed, which were seen in the video or are mentioned by viewers. As viewers themselves are occupied with the discussion of the content in the video, they are not physically active themselves and therefore fewer

repetitions of verbs appear. Often *quotations* in the analysed commentaries can only be understood after watching the referred sequence in the video. There also occurred a *partial repetition of words* from a nickname in commentaries in **example 5**. Reference with the personal pronoun «you» does not always relate to an exact person like the video host or another viewer, who is mentioned before in the context of immediately adjacent commentaries. **Example 4** showed that it can remain unknown, who exactly is addressed with «you». Was this address for everyone, who is reading and/or writing the commentaries to the video. *Reference with personal pronoun* appeared 62 times (20,67%), *reference with demonstrative pronoun* was used 34 times (11,33%) and referred to the video-clip as a medium, such as in «this video». *Reference with possessive pronoun* appeared 20 times (6,67%), mostly in commentaries, which referred to the video with Valeria. **Example 6** presented a type of reference, which can be called multimodal *reference to place in the video by demonstrative pronoun*. *Reference to place in video with demonstrative pronoun* appeared 7 times (2,33%) in the analysed commentaries of this channel. In the commentaries to this video the adverbs of place «here» and «there» refer often to places, which are shown in the video. This type of reference can be called multimodal «reference to place in video with adverb», which appeared two times (0,67%) in the analysis. The written reference to the activity in the video is by a verb form in the commentary. There are altogether 16 examples (5,33%) for a similar *reference to an activity in the video by a verb* in the commentaries. The practical analysis of *YouTube* commentaries also revealed *reference to the situation in the video by adjective* (7/2,33%), *reference to a situation in video with noun* (14 times/4,67%) and *reference to a thing in a video with noun* (11/3,67%). These categories of multimodal cohesion help to describe the connection between the visual and/or spoken video content and the written commentaries by viewers. At times it is difficult to say, whether this multimodal reference is simply to

the context of the conversation based on the video or the content of the video itself. **Example 6** included also the address by nickname to a previous commentary. *Address to speaker by name* was used 42 times (14%) in the analysed data. In the commentaries the addressed name is put at the beginning of the commentary with @, similar to a message in *Whatsapp*, or simply the name itself. The analysed commentaries for *Different Russia* also included the backchannel forms «me too» (2/0,67%) as well as «lol» (7/2,33%), *lmfao* (2/0,67%), which both date back to the communication in chat rooms. These forms comment on the previous commentary with its content and function similarly to an emoticon depending on their setting at the beginning or end of a commentary. During the analysis also ellipsis was found (31/10,33%), which can be marked with «...» or the missing of words is not indicated particularly. *Hyperlinks* appeared 3 times in the commentaries. Typical for *Youtube* are hyperlinks, which include a time reference to a section in the video, which is mentioned and discussed in the commentary. *Collocation* in the Russian examples formed a connection in two examples, but they did not interact with the English commentaries and stood isolated. This might be connected to the fact, that the majority of viewers is interested in Russia, but does not know Russian. Russian could also be found in a few nicknames of viewers in commentaries. The findings of this analysis repeat partly and conform with those of Liebschner [13], where the multimodal relations *repetition and collocation by noun, reference to participants in media modes by personal and demonstrative pronoun, ellipsis of nouns, personal and demonstrative pronouns, verb relation and collocation to process and quality of the media-file — relation by adjective and adverb* were found in comments of group profiles in the social network *Vkontakte*. *YouTube* offers many more opportunities for linguistic research projects, for example regarding the topic development in commentaries and pragmatic relations. This is for future and comparative research in social media in Russia and the Western world.

Bibliography

1. Bateman, John. Text and image: A critical introduction to the visual / verbal divide. New York: Routledge, 2014.
2. Bublitz, Wolfram; Eisenhauer, Volker and Hoffmann, Christian. 'E-cohesion: multimodality and interactivity in CMC'. Panel abstract. Pragmatics Conference (IPrA), 8–13 July 2007, Göteborg. http://www.philhist.uni-augsburg.de/lehrstuehle/anglistik/sprachwissenschaft/konferenzen/International_Pragmatics_Conference/IprA_.html [accessed 20.12.2020].
3. Guseinov, G. Ch. 'Instrumenty opisania nepolnoi kommunikatsii v blogosfere'. In Lunde, Ingunn and Paulsen, Martin (eds.) From Poets to Padonki: Linguistic Authority and Norm Negotiation in Modern Russian Culture. Bergen: Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2009, 275–287.
4. Halliday, Michael A. K and Hasan, Ruqaiya. Cohesion in English. London: Longman, 1976.
5. Herring, Susan C. 'Interactional coherence in CMC'. In Journal of Computer– Mediated Communication 4(4), 1999. Special issue on Persistent Conversation. <http://www.ascusc.org/jcmc/vol4/issue4/> [accessed 20.12.2020].
6. Herring, Susan C. 'Computer-mediated discourse'. In The Handbook of Discourse Analysis. Edited by Schiffrin, Deborah; Tannen, Deborah and Hamilton, Heidi E. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2001, 612–634.
7. Herring, S. C. Computer-mediated conversation, Part II: Introduction and overview. In Language@Internet 8, 2011. <http://www.languageatinternet.org/articles/2011/Herring> [accessed 20.12.2020]
8. Herring, Susan. C. and Kurtz, Andrew. J. 'Visualizing Dynamic Topic Analysis'. Proceedings of CHI'06, 2006. Retrieved from: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/chi06.pdf> [accessed 20.12.2020].
9. Jandl, Silke. 'The Intermediality of Emotion: Representations of Emotionality and Fear in YouTube Vlogs and Beyond.' In Writing Emotions: Theoretical Concepts and Selected Case Studies in Literature, edited by Jandl Ingeborg, Knaller Susanne, Schönellner Sabine, and Tockner Gudrun, 175–94. Bielefeld: Transcript Verlag, 2017. doi:10.2307/j.ctv1wxt3t.12. [accessed 20.12.2020].
10. Lapadat, J. C. 'Discourse devices used to establish community, increase coherence and negotiate agreement in an online university course'. Journal of Distance Education, 21 (3).2007, 59–92. <http://www.jofde.ca/index.php/jde/article/viewDownloadInterstitial/32/5> [accessed 20.12.2020].
11. Liebschner, Andrea. Russian social networks on the web: cohesion and coherence in Vkontakte. PhD thesis, University of Glasgow, 2016. <http://theses.gla.ac.uk/7674/> [accessed 20.12.2020]
12. Lorenzo–Dus, Nuria and Garcés–Conejos Blitvich, Pilar. 'Social interaction in YouTube text-based polylogues: A study of coherence'. Journal of Computer–Mediated Communication. 17 (4). 2012, 501–521. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2012.01579.x/epdf> [accessed 20.12.2020].
13. Markman, K. M. 'Conversational coherence in computer-mediated team meetings». In Pragmatics of Computer–Mediated Communication. edited by Herring, Susan C, Stein, Dieter. and Virtanen, T. Berlin: Mouton, 2013, 539–564. [Academia.edu/2572887/ Conversational_coherence_in_small_group_chat](https://www.academia.edu/2572887/Conversational_coherence_in_small_group_chat) [accessed 20.12.2020].
14. Royce, T. 'Intersemiotic complementarity: A framework for multimodal discourse analysis' In New directions in the analysis of multimodal discourse. edited by Royce, T. and Bowcher, W., 63–109. Mahwah, NJ and London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007.
15. Simpson, J. 'Meaning-making online: Discourse and CMC in a language learning community'. In Recent research developments in learning technologies. Edited by Méndez-Vilas et al. Badajoz, Spain: FORMATEX, 2005. <http://www.formatex.org/micte2005/36.pdf> [accessed 20.12.2020].
16. Storrer, Angelika. 'Kohärenz in Hypertexten'. Zeitschrift für germanistische Linguistik (2004) 31/2, 274–292.
17. Tyrkkö, Jukka, Fuzzy Coherence: Making Sense of Continuity in Hypertext Narratives. PhD thesis. University of Helsinki, 2011. <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/28220/fuzzycoh.pdf?sequence=1> [accessed 20.12.2020].
18. Woerner, S. L., Yates J., and Orlikowski, W. J. 'Conversational Coherence in Instant Messaging and Getting Work Done'. Proceedings of the Fortieth Annual Hawaii International Conference on System Sciences, 2007. http://seeit.mit.edu/Publications/HICSS_649_IMSoft_15Sept06.pdf [accessed 20.12.2020].

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ/ LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

УДК 81.373.45

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10208

К вопросу определения лексики и стилистики

ЕГОРОВА Анна Алексеевна

магистрант направления подготовки 45.04.02 Лингвистика образовательной программы

«Межкультурная коммуникация и перевод в профессиональной деятельности»,

Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

E-mail: egorova_anna4@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3830-7174

SPIN-код: 7471-0383, AuthorID: 894718

Аннотация: В статье анализируются определения терминов «лексика» и «стилистика», предложенные известными учеными-лингвистами, составителями толковых лингвистических словарей, справочников. Большинство исследуемых источников определяют лексику, как совокупность слов языка, его словарный запас, а стилистику, как раздел языкознания, обеспечивающий выразительное представление лексики, как функциональный стиль речи, как стиль языка. Однако лексика является одной из языковых универсалий, которую нельзя рассматривать без стилистики, но это не отражено в существующих определениях. Отдельный интерес представляет анализ классификации видов лексики (по областям использования, происхождению, соответствию стилистическому разделу, литературному направлению) и стилистики (функциональная, практическая, ресурсов и т.п.). По мнению автора, лексика и стилистика выступают в современных условиях языковыми универсалиями, которые пандемия коронавируса обогатила в медицинской, образовательной сферах, а также в процессе общения в социальных сетях.

Ключевые слова: определения лексики, виды лексики, определения стилистики, виды стилистики, стили лексики, классификации лексики, классификации стилистики

Для цитирования: Егорова А.А. К вопросу определения лексики и стилистики // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 62-72. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10208

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

To the question of the definition of vocabulary and stylistics

EGOROVA Anna Alekseevna

Master's degree in Linguistics of the educational program «Intercultural Communication and translation in professional activity», Orenburg State University, Russia, Orenburg

E-mail: egorova_anna4@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3830-7174

SPIN-код: 7471-0383, AuthorID: 894718

Abstract: The article analyzes the definitions of the terms «vocabulary» and «stylistics» proposed by well-known linguists, compilers of explanatory linguistic dictionaries, reference books. Most of the studied sources define vocabulary as a set of words of a language, its vocabulary, and stylistics as a branch of linguistics that provides an expressive representation of vocabulary, as a functional style of speech, as a style of language. However, vocabulary is one of the linguistic universals that cannot be considered without stylistics, but this is not reflected in the existing definitions. Of particular interest is the analysis of the classification of the vocabulary (areas of usage, origin, under section stylistic, literary direction) and stylistics (functional, practical, resources, etc.). In the author's opinion, vocabulary and style are in modern conditions the linguistic universals that the coronavirus pandemic has enriched medical and educational spheres, as well as in the process of communication in social networks.

Keywords: the definition of vocabulary, types of vocabulary, the definition of style, types of style, styles, vocabulary, classification of vocabulary, classification style

For citation: Egorova A. A. (2021) To the question of the definition of vocabulary and stylistics. Service plus, 15 (2), 62–72. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10208 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. В условиях самоизоляции из-за пандемии коронавируса с февраля 2020 года мы уже с уверенностью можем сказать, что лексика языка претерпела обновления. Все началось с введения медицинских терминов: COVID-19 (сокращение от Coronavirus Disease 2019 — название пандемической коронавирусной болезни, распространившейся по всему миру), SARS-CoV-2 (научное название вируса, вызывающего болезнь COVID-19), «локдаун» (обязательное распоряжение властей о том, чтобы жители определенного города, региона или иной части территории страны оставались в своих домах, во избежание распространения инфекции), ПЦР-тест (тест полимеразной цепной реакции — точный способ определить наличие вируса COVID-19 у человека).

Далее перевод многих сотрудников на удаленный режим работы, и практически всех студентов на дистанционное обучение привел к использованию в лексике таких слов, как «онлайн» (в режиме реального времени), «Zoom» (облачная платформа для проведения онлайн видеоконференций),

«Moodle» (Modular Object Oriented Dynamic Learning Environment — модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда — свободно распространяемая система управления обучением (Learning Management System), ориентированная на организацию взаимодействия между обучающим и обучаемым в рамках дистанционного обучения и поддержки очного обучения).

Вынужденная самоизоляция привела к необходимости общения в социальных сетях по определенным правилам мессенджеров (программ, приложений). Примером пополнения лексики являются новые профессии, возникшие в социальных сетях, такие как: онлайн-коуч, веб-дизайнер, SMM-менеджер, копирайтер, Интернет-маркетолог, веб-аналитик, блогерский продюсер, блогерский режиссер, а также социальная платформа TikTok, публикующая видео с музыкальным сопровождением и использованием разнообразного сленга, как-то: «рек», «чек», «краш», «томбой», «тutorиал», «тик ток» и другие. Активное использование соцсетей, именно в период

продолжительного карантина, привело к обновлению не только лексики, но и стилистики. Так, например, в Instagram, чтобы опубликовать пост предоставляется 2200 символов с учетом пробелов и всех знаков препинания. Это обусловило необходимость излагать свои мысли выразительными средствами языка, чтобы донести ту или иную информацию достаточно лаконично и понятно. В TikTok же можно загрузить видео длиной не более одной минуты, чтобы другим пользователям был понятен посыл записанной блогером информации, ему необходимо также потрудиться не только над скоростью своей речи, но и над лексикой и стилистикой ее исполнения.

Таким образом, дистанцирование в период карантина оказало значительное влияние на лексику и стилистику языка. Все это и определило выбор темы исследования.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важнейшими научными и практическими задачами. Исследование определений лексики и стилистики имеет достаточно длительную историю, однако продолжает носить в значительной степени разрозненный и дискуссионный характер. Казалось бы, терминологически устойчивыми являются трактовки терминов лексики и стилистики, однако когнитивные и коммуникативные функции языка при постоянном развитии общества способствуют их обновлению путем уточнения, результатом которого выступает необходимость классификации по определенным признакам для лучшего понимания взаимосвязи между отдельными объектами лексики, стилистики и их группами.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Особенности определения терминов «лексика» и «стилистика» представлены в работах Арнольд И. В. [1], Гальперина И. Р. [3], Жеребило Т. В. [5], Моисеевой И. Ю. [10], Нелюбина Л. Л. [11, 12], Розенталь Д. Э., Теленковой М. А. [16], Большой российской энциклопедии [2], лингвистических словарях [8, 13, 14] и учебных пособиях [6, 7]. Рассматривая связи между лексикой и стилистикой, хотелось бы отметить общность подходов к их определению, наличие совпадающих областей и сфер исследования. В данном

исследовании мы исходили из того, что стилистика во многих отношениях смыкается с лексикой и взаимодействует с ней. Это и обусловило актуальность темы исследования.

Объектом исследования выступили определения терминов «лексика» и «стилистика» языка. Предметом исследования являются широко распространенные трактовки терминов «лексика» и «стилистика», которые представлены в толковых лингвистических словарях, справочниках, энциклопедиях, учебниках и учебных пособиях.

Цель и задачи статьи. Цель исследования — проанализировать определения терминов «лексика», «стилистика», произвести их уточнение и обосновать их классификацию по видам. Цель обусловила постановку следующих задач: 1) рассмотрение различных подходов к определению терминов «лексика» и «стилистика» с помощью графических организаторов для выстраивания отношений между информационными блоками и наглядным представлением материала, и их уточнение; 2) классифицирование разных видов лексики и стилистики по группам.

Материалом для исследования послужили определения лексики и стилистики, взятые из различных словарей, энциклопедий, справочников, научных трудов, учебников и учебных пособий.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Для достижения поставленной цели и решения конкретных задач исследования были использованы теоретический (изучение и анализ научной и справочной литературы по исследуемой теме) и описательный методы с использованием технологии графической подачи материала.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. В соответствии с толковым Интернет-словарем Коллинза лексика (прилагательное) обозначает 1) словарные единицы языка или относящиеся к ним; 2) из словаря или относящегося к нему [lexical in British English ('leksɪkəl) ADJECTIVE 1) of or relating to items of vocabulary in a language; 2) of or relating to a lexicon] [14]. Как видим в словаре Коллинза подчеркивается, что термин «лексика» является словом из словаря.

Академик Л. Л. Нелюбин, дал одно определение термину «лексика» и три определения — термину

К вопросу определения лексики и стилистики

«стилистика» (рис. 1). Причем он, четко и лаконично определил лексику, а стилистику постарался отразить с трех разных ракурсов — как науку о средствах сцепления в разных речевых стилях, как раздел языкознания и как учение о выразительных средствах языка.

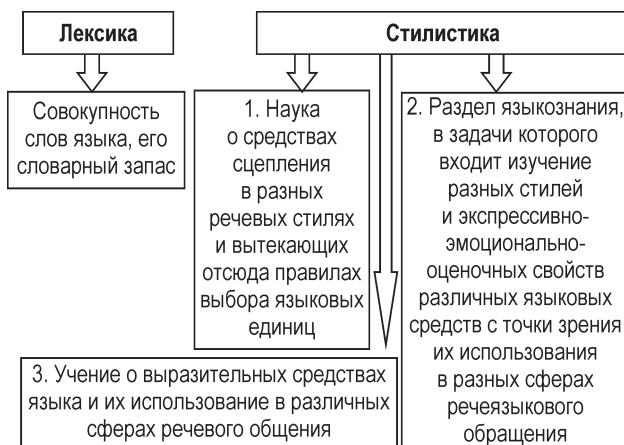

Рис. 1 — Определения терминов «лексика» и «стилистика» в соответствии с Толковым переводоведческим словарем Л.Л. Нелюбина (схема автора) [11, с. 265].

В. Н. Ярцева представила определения лексики и стилистики следующим образом (рис. 2). Как видим, в определении лексики она полностью согласна с мнением Л. Л. Нелюбина, а в отношении определения стилистики, считает, что — это раздел языкознания, имеющий основным предметом стиль во всех языковедческих значениях этого термина — как индивидуальную манеру исполнения актов, как функциональный стиль речи, как стиль языка и т.д. [8, с. 265].

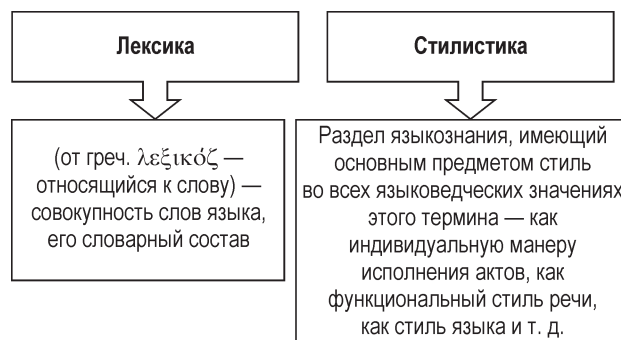

Рис. 2 — Определения терминов «лексика» и «стилистика» в соответствии с Лингвистическим энциклопедическим словарем под редакцией В. Н. Ярцевой (схема автора) [8, с. 265]

Определения терминов «лексика» и «стилистика» из издания Большой российской энциклопедии (рис. 3) практически совпадают с определениями Л.Л. Нелюбина и В.Н. Ярцевой. Причем в отношении «стилистики» совпадает во мнении, что это раздел языкознания.

Коллектив авторов веб-сайта «Русский на 5» в теме «Лексика: характеристика, разновидности, понятия» дали пять определений термину «лексика» с одновременной их классификацией по областям использования; по происхождению; по соответствию; по стилистическому разделу; по литературному направлению (рис. 4) [6].

Профессор Жеребило Татьяна Васильевна в своем пятом издании «Словарь лингвистических терминов» дала четыре определения термину «лексика» (рис. 5), которыми она расширила зону терминологического поля, зону экстралингвистических факторов,

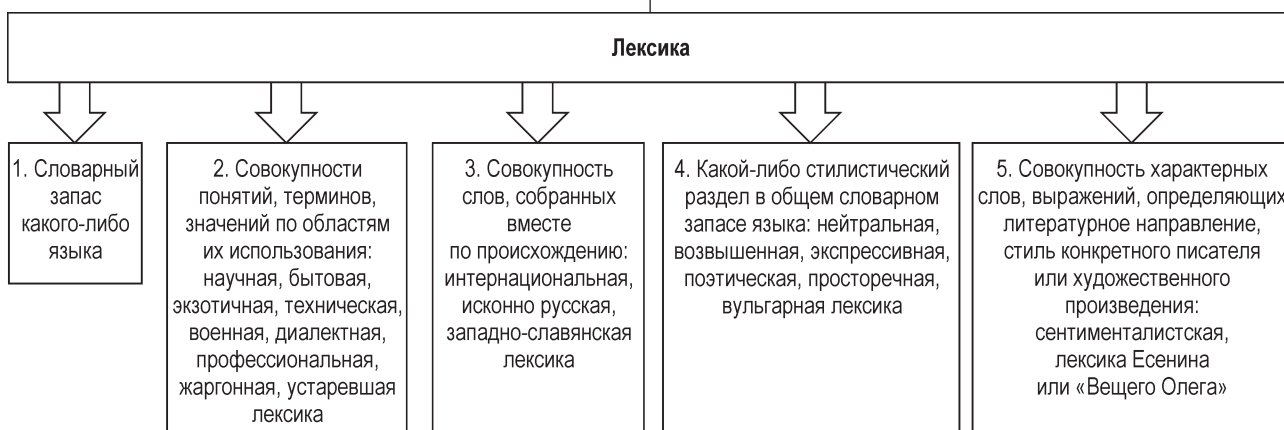

Рис. 3 — Определения терминов «лексика» и «стилистика» в соответствии с Большой российской энциклопедией (схема автора) [2, с. 265].

лексическую информацию о ситуации общения [5]. Так, по её мнению, следует классифицировать лексику в зависимости от сферы применения (бытовая, военная, деловая и т.д.), и от принадлежности к стилистическому пласту (абстрактная, аффективная, возвышенная и т.д.).

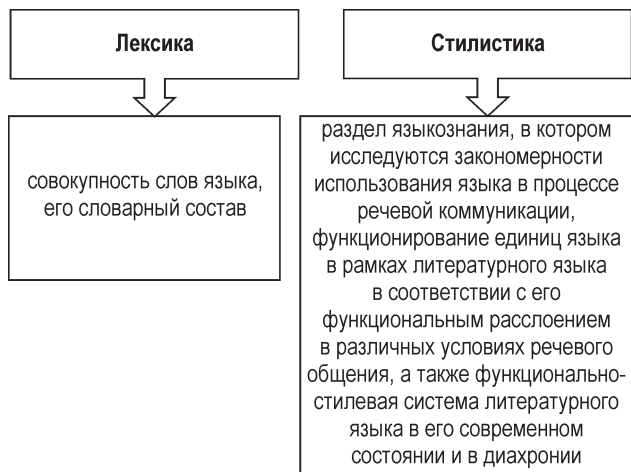

Рис. 4 — Трактовки термина «лексика» с одновременной классификацией лексики коллективом авторов веб-сайта «Русский язык на 5» (схема автора) [6]

Арнольд Ирина Владимировна в своем учебном пособии «Лексикология современного языка» написала: «Лексикой называется совокупность слов, на-

пример, словарный состав языка или какая-нибудь его часть...» [1, с. 8]. Как видим, ее определение — лаконично и отчасти совпадает с определением предыдущих авторов. Причем необходимо отметить, что она классифицировала лексику на книжную и разговорную (рис. 6), в которых тоже выделила их виды. В книжной лексике — научную, специальную и поэтическую. В разговорной — литературно-разговорную, фамильно-разговорную, профессиональную и сленг.

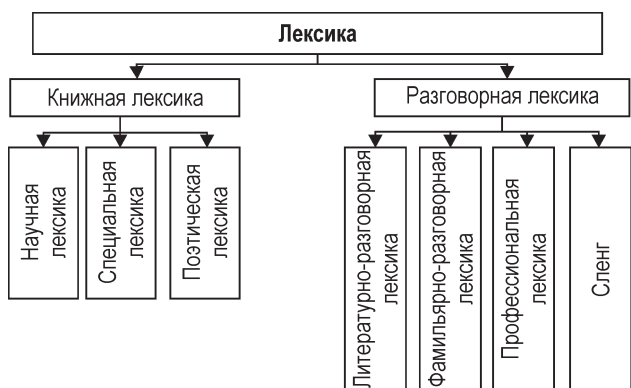

Рис. 6 — Классификация лексики, предложенная Арнольд И. В. (схема автора) [1, с. 265]

Профессор Дитмар Эльяшевич Розенталь и Маргарита Алексеевна Теленкова в своем издании «Словарь-справочник лингвистических терминов» [15]

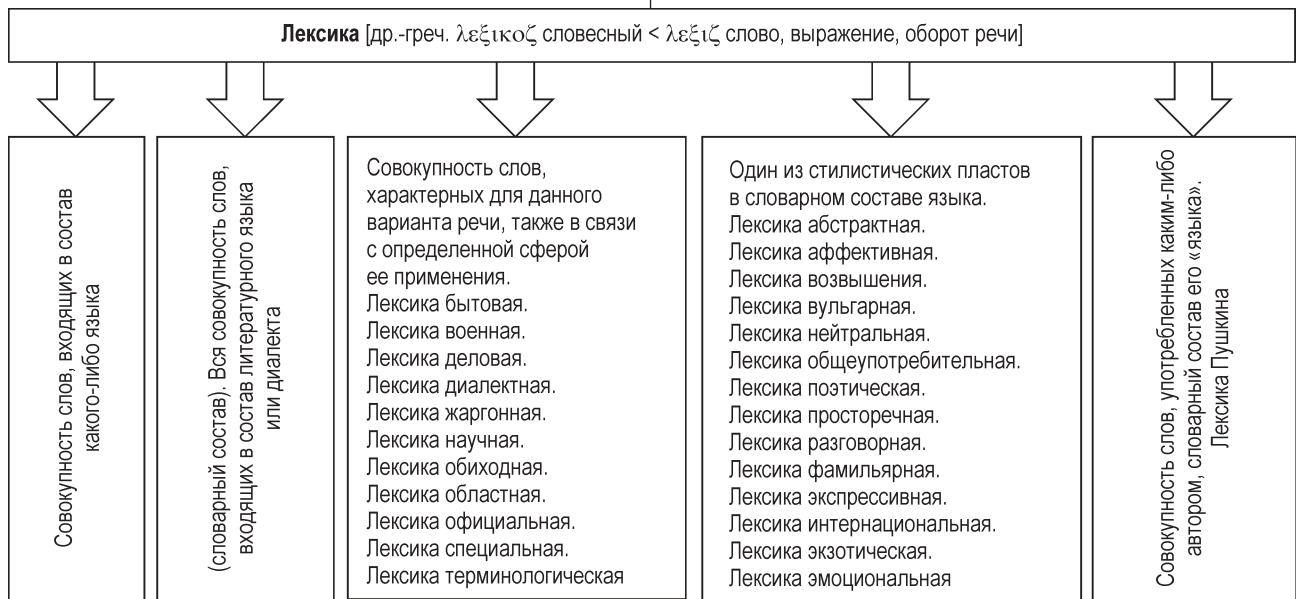

Рис. 5 — Трактовки термина «лексика» и его классификация предложенные профессором Жеребило Т.В. (схема автора) [5, с. 171].

К вопросу определения лексики и стилистики

дали пять широкоупотребительных толкований термину «лексика» в качестве справок (рис. 7), и к четырем определениям подвели классификации видов лексики. Причем первое определение лексики аналогично определениям Л. Л. Нелюбина, В. Н. Ярцевой, Большой российской энциклопедии, Т. В. Жеребило, И. В. Арнольд.

Как видно из рис. 7 Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова классифицировали лексику по сфере использования; по происхождению; по использованию в стилистических пластах; по литературному направлению.

По поводу определения лексики, хотелось бы отметить, что многие ученые-лингвисты еще работают над ним, уточняя и дополняя его. Большинство исследуемых источников определяют один в один, что лексика — это совокупность слов языка, его словарный запас. Мы разделяем мнения лингвистов, но в тоже время, хотели бы подчеркнуть, что так как лексика является одной из языковых универсалий, которую следует рассматривать только со стилистикой, в которой она находится. В связи с этим хотелось бы разделить высказывание Дж. Гринберга, Ч. Осгуда, Дж. Дженкинса в «Меморандуме о языковых универ-

салиях» [4], что «за бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех них свойства. При всем безграничном несхождении оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу». Лексика и стилистика выступают в современных условиях языковыми универсалиями, которые пандемия коронавируса обогатила в медицинской, образовательной сферах, а также в процессе общения в социальных сетях.

Исследования определения термина «стилистика», по нашему мнению, нельзя производить без истории понимания откуда оно к нам пришло. Об этом написала в своем учебном пособии «Стилистика французского языка» профессор И. Ю. Моисеева: «Le terme stylistique est un derive du mot français «style» venant du latin stiles. Ce mot latin avait plusieurs acceptios. Il signifiait d'adord «poinçon», baguette dont un bout était pointu et l'autre plat, qui servait a écrire sur des tablettes enduites de cire. Du bout pointu on traçait les lettres, du bout plat on les effaçait au besoin. Ainsi cette baguette avait une double fonction: on s'en servait non seulement pour écrire mais aussi pour apporter des corrections das l'écrit. De la, les autres acceptios du mot stilus: «action d'écrire» (nom d'action), «exercice

Рис. 7 — Трактовки термина «лексика» и классификация его видов профессором Д. Э. Розенталь и М. А. Теленковой (схема автора) [1, с. 117].

К вопросу определения лексики и стилистики

par écrit», enfin «manière d'écrire», «art d'écrire»». [10, с. 6] [Перевод автора Егоровой А. А.: Термин стилистика получился от французского слова «стиль», происходящего от латинского stiles. Это латинское слово имело несколько значений. Происходит оно от слова «шило», жезл, один конец которого был заострен, а другой плоский, служивший для письма на покрытых воском дощечках. Острым концом чертили буквы, плоским концом стирали их по мере необходимости. Таким образом, эта палочка выполняла двойную функцию: ее использовали не только для написания, но и для внесения исправлений в написанное. Отсюда и другие приемы слова stilus: «действие писать» (название действия), «упражнение в написании», наконец, «манера писать», «искусство писать»].

Большое внимание стилистике уделила профессор Жеребило Татьяна Васильевна, которая занималась проработкой этой темы в процессе написания своей кандидатской диссертации «Проблемы стилистической работы (на материале словообразования

в 5–7 кл. кабардинской школы)» (1988), позже в своей докторской диссертации «Функционально–стилистический инвариант языковой системы как основа составления и использования словарей» (1995). [15, с. 81]. В своем пятом издании «Словарь лингвистических терминов» она семь видов стилистики, среди которых «стилистика декодирования», «стилистика как наука», «стилистика парадигматическая», «стилистика синтагматическая», «стилистика текста», «стилистика узуальная», «стилистика художественной литературы» (рис. 8), и каждому виду дала определение.

От определения термина просто «стилистика» профессор Т. В. Жеребило уходит, и в своем словаре лингвистических терминов, указывает его, но пишет о направлениях, входящих в стилистику, как составных частях (рис. 9).

Вместе с тем хотелось бы также отметить, что коллектив авторов Большой российской энциклопедии классифицирует в определении стилистики четыре структурных раздела (рис. 10).

Рис. 9 — Три направления стилистики, выделенные в определении профессором Т. В. Жеребило в своем словаре лингвистических терминов (схема автора) [5, с. 371]

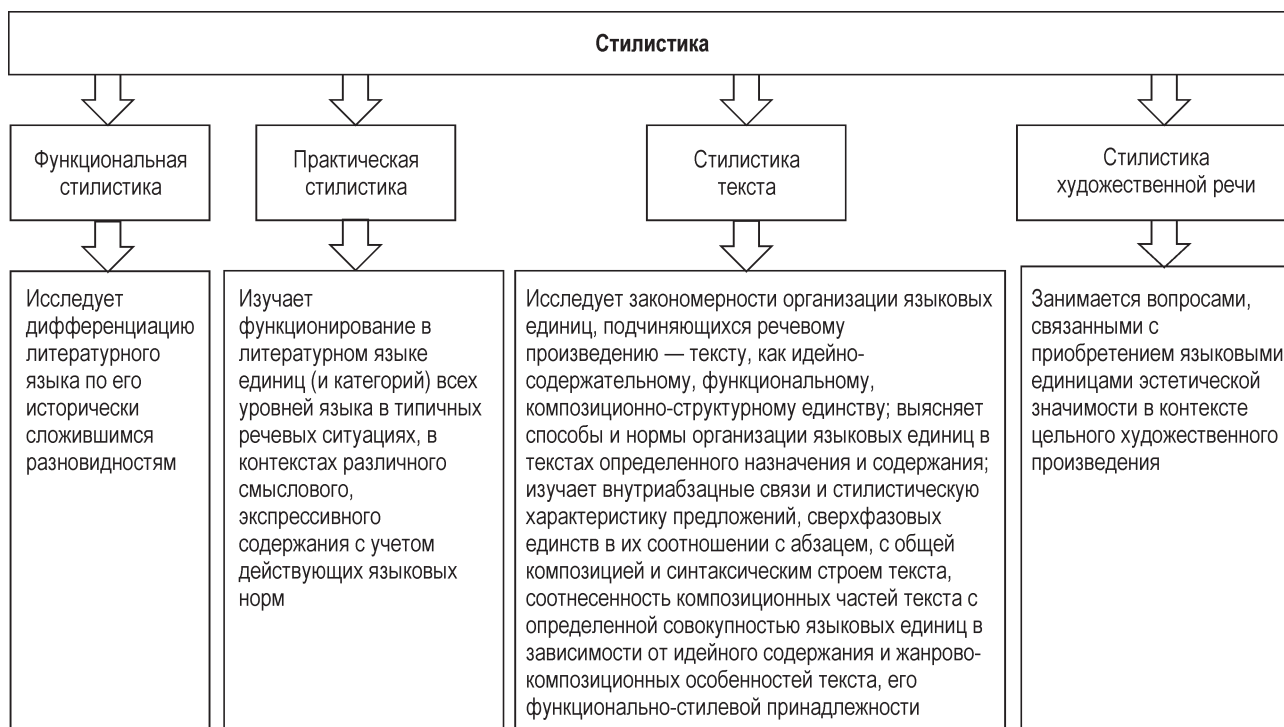

Рис. 10 — Классификация разделов стилистики, выделенных Большой российской энциклопедией [2]

Таблица 1 — Функциональные стили лексики

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК					НЕНОРМИРОВАННЫЙ ЯЗЫК		
ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА (межстилевая)	ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ						
	Книжная лексика				Разговорная лексика	Просторечно-разговорная лексика	
	Научный стиль	Публицистический стиль	Официально-деловой стиль	Художественная речь		Профессионализмы	homesteading (крестьянские дворы), окно (интервал между учебными часами)
Мост (the bridge), горы (mountains), pastures (пастбища), высокий, глубокий, ходить, один, я, но, уже, и	Термины	Высокая лексика	Деловая лексика	Поэтическая лексика	Дележ, зазнайка, копеечка, распрекрасный, понавыписывать	Диалектизмы	Barbarous (женщина-варвар), mujer of Pablo (женщина Пабло), let him cover himself with mierda (пусть прикрывается собственным дерьмом)
	Inheritance tax (налог на наследство), a rebel (повстанец)	Отчизна (my state), manhood (мужество)	An agrarian reform (аграрная реформа), a communism (коммунизм), the Republic (Республика)	Рдеть, лазурь, стезя, очи, сонм, краса		Жаргонизмы	Lazy drunken obscene unsayable son (ленивое пьяное непотребное отродье), the fascists (фашисты)
						Арготизмы	A drunkard and a coward (пьяница и трус), negro (негр)
						Просторечие	Ложить, ихней, лопать

К вопросу определения лексики и стилистики

С функциональной точки зрения стили любого языка можно сгруппировать следующим образом (таблица 1).

Интересным представляется толкование термина «стилистика», данное в Словаре-справочнике лингвистических терминов Дитмаром Эльяшевичем Розенталем и Маргаритой Алексеевной Теленковой (рис. 11), как раздел языкознания и как учение о выразительных средствах языка.

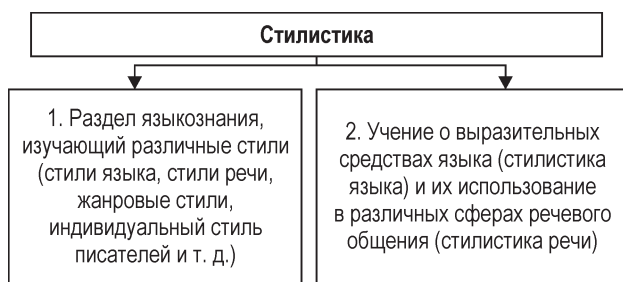

Рис. 11 — Толкование термина «стилистика», включенное в Словарь-справочник лингвистических терминов Розенталь Д. Э., Теленковой М. А. (схема автора) [16, с. 343]

Профессор Л. Л. Нелюбин в учебном пособии «Лингвостилистика современного английского языка» показал особенности определения «стилистики» (рис. 12), начиная с определения стиля и заканчивая стилистикой.

Мы разделяем мнение академика Л. Л. Нелюбина, о том, что стилистика выступает вершиной исследования языка, теоретической основой национальной речевой культуры.

Считаем, что, конечно, неблагоприятное дело уточнять определения лексики и стилистики после лин-

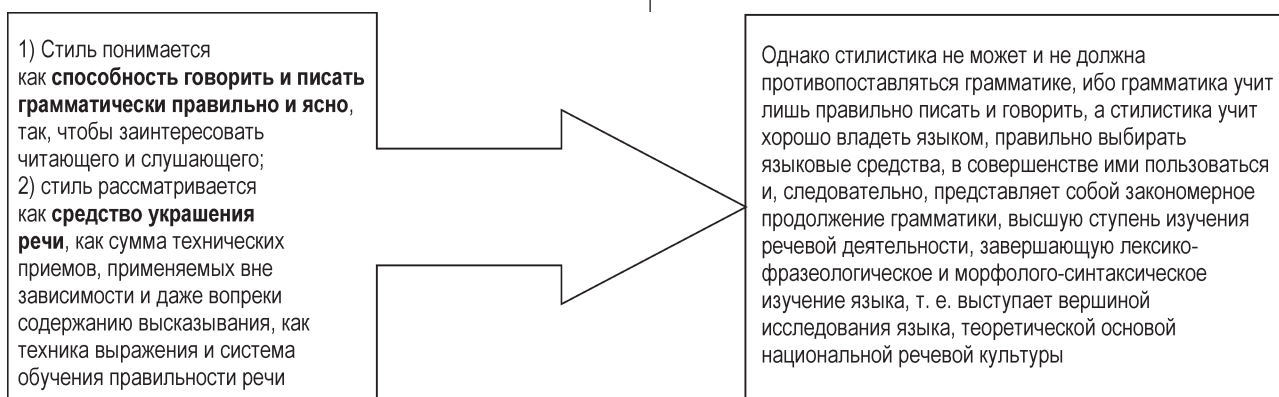

Рис. 12 — Определение термина «стилистика», данное Нелюбиным Л. Л. в учебном пособии «Лингвостилистика современного английского языка» (схема автора) [11, с. 5]

гвистов-корифеев науки, однако, считаем, что в современных условиях в этом назрела необходимость. (рис. 13). Мы видим, в определении лексики необходимость раскрытия его языковой универсалии, а в отношении определения стилистики, подчеркнуть функциональный стиль речи и стиль языка, обеспечивающих выразительное представление лексики.

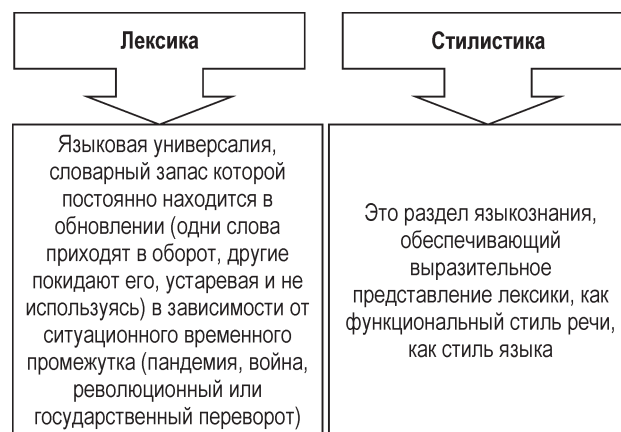

Рис. 13 — Предлагаемые определения терминов «лексика» и «стилистика» (схема автора)

Выводы. Анализ определений «лексика» и «стилистика» известных лингвистов-корифеев, показал единообразие подходов к этим определениям. По нашему мнению, лексика представляет собой языковую универсалию, словарный запас которой постоянно находится в зависимости от ситуационного временного промежутка (пандемия, война, революционный или государственный переворот), а стилистика — раздел языкознания, обеспечивающий выразительное представление лексики, как функциональный стиль речи, как стиль языка.

В процессе исследования определений «лексика» и «стилистика» такими учеными как: И. В. Арнольд, Д. Э. Розенталь совместно с М. А. Теленковой, Т. В. Жеребило, и коллективами Большой российской

энциклопедии и веб-сайта «Русский на 5», мы постарались графически оформить их определения разных видов (классификации) для наглядного представления.

Список литературы

1. Арнольд. И. В. Лексикология современного английского языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие / И. В. Арнольд. — 2-е изд., перераб. — Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 376 с. — ISBN 978-5-9765-1041-8 (ФЛИНТА), ISBN 978-5-02-037352-5 (Наука). — Текст: электронный. — URL: <http://docplayer.ru/56668362-Leksikologiya-sovremennogo-angliyskogo-yazyka.html> (дата обращения: 08.01.2021).
2. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]: URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4166508> (дата обращения: 08.01.2021)
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. Издательство литературы на иностранных языках. — Москва: 1958. — 458 с. URL: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/GalperinIR/GalperinIR.pdf> (дата обращения: 09.01.2021)
4. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях (Новое в лингвистике). — Вып. 5. — М., 1970. — С. 31-44. / Русский филологический портал: Philology.ru. URL: <http://philology.ru/linguistics1/grinberg-osgud-dzhenkins-70.htm> (дата обращения: 10.01.2021)
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486с.
6. Лексика: характеристика, разновидности, понятия [Электронный ресурс] // Веб-сайт: Русский язык на 5. URL: <https://ruskiy-pravilno.ru/leksika-harakteristika-raznovidnosti-ponyatiya/> дата обращения 02.06.2020
7. Лексикология русского языка [Электронный ресурс] // Веб-сайт: Образование на русском. URL https://pushkininstitute.ru/external_courses/112 (дата обращения 08.01.2021)
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Под редакцией В. Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. — Москва: «Советская энциклопедия», 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/492e.html> (дата обращения: 08.01.2021)
9. Манерко Л. А., Новодранова В. Ф. Концептуальные универсалии языка и их понимание в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2017. — № 29. — С. 132-139.
10. Моисеева И. Ю. Стилистика французского языка: учебное пособие / И. Ю. Моисеева. — Оренбург: ГОУ ОГУ, 2009. — 116 с.
11. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
12. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин. — 6-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2013. — 128 с.
13. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Электронный ресурс]. URL: <http://nashol.com/2014042577023/literaturnaya-enciklopediya-terminov-i-ponyatii-nikulukin-a-n-2001>. — 02.06.2020.
14. Онлайн-словарь, тезаурус и справочные материалы Collins [Веб-сайт толкового словаря]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 10.01.2021)
15. Овхадов М. Р. Жеребило Татьяна Васильевна // Рефлексия. — 2007. — № 2. — С. 81-86.
16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ/ LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

УДК 811.111; 811.161.1; 81.276.5
DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10209

Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве: их особенности и влияние на русский язык

МЕЛЬНИКОВ Роман Александрович

Студент 4 курса Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: roma.melnikov@gmail.com

ДМИТРИЕВ Александр Владиславович

к. ф. н. доцент Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: avd84@list.ru

Аннотация: Статья посвящена разбору англоязычных жаргонных лексических единиц в Интернет-пространстве с помощью описательного и сравнительного методов анализа. Была рассмотрена роль Интернет-стиля, а также измененное понятие жаргонизма в современной лингвистике. В работе был проведен анализ распространенных в Интернет-общении неологизмов, таких, как аббревиатура, акроним, нумеративный неологизм. Материал был взят напрямую из живого английского языка. Здесь также разобраны наиболее популярные примеры, как больше всего известные среди молодёжи (LOL, IMHO) и среди пользователей социальных сетей, мессенджеров и других Интернет-платформ. Исходя из анализа, были выявлены определенные особенности и различия при их переводе на русский язык. Например, передача англицизмов в русском языке может осуществляться разными способами, не ограничиваясь лишь одним калькированием (GLHF, BRB, YOLO). Из других способов можно выделить семантическое заимствование (BS) и эвфемизмы (FAQ — ЧАВО). Примечателен тот факт, что многие английские жаргонизмы в русском языке могут развиваться самостоятельно и создавать новые слова, корнем которых будет определенный жаргонизм и которые способны приобретать соответствующие грамматические категории. Иными словами, англицизмы стараются адаптироваться под правила русского языка. Тем не менее остаются жаргонизмы, которые не имеют аналогов в русском. В ходе анализа было отмечено различие жаргонизмов по отношению к их коммуникативной направленности. Некоторые направлены на самого отправителя, другие на получателя, остальные непосредственно на ситуацию или новость. Среди рассмотренных жаргонизмов фигурируют аббревиации, составляющие определенную семантическую подгруппу, за счет совместного опорного слова. Рассмотрены возможные способы, варианты передачи англицизмов на русский язык, их различия. Также в работе были сделаны выводы, касающиеся их дальнейшего развития в русском языке и того, может ли русский язык предоставить свои собственные аналоги к уже известным заимствованиям.

Ключевые слова: жаргонизм; аббревиатура; акроним; нумеративный неологизм; функциональная стилистика; Интернет; текстинг; пользователь

Для цитирования: Мельников Р.А., Дмитриев А.В. Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве: их особенности и влияние на русский язык // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 73–84. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10209

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Jargons of English origin on the internet: their features and influence on the Russian language

Roman MELNIKOV

The 4th year student of Peter the Great Saint–Petersburg Polytechnic University,
Russia, Saint–Petersburg

Alexander DMITRIEV

Candidate of Philology, the Assistant Professor of Peter the Great Saint–Petersburg Polytechnic University,
Russia, Saint–Petersburg

Abstract: The article is dedicated to examination of online jargons. The article uses the following methods of jargon analysis: descriptive, comparative. The role of Internet–style was discovered and a new interpretation of jargon in modern linguistics. There were analyzed widespread neologisms including abbreviation, acronym, digital neologism. All materials were taken directly from live English with such well–known abbreviations as the most famous ones: LOL, IMHO, etc. On the basis of analysis, there were discovered certain features and differences of their translation to Russian. For instance, the transfer of anglicisms to the Russian language can be done through various ways, not limited only by replication (GLHF, BRB, YOLO). One of the other ways is semantic loanword (BS) and euphemisms (FAQ — ЧАБО). It is noted that many English jargons in Russian can evolve on its own and can create new words, roots of which will be a certain jargon, and which can obtain certain grammatical categories. It means anglicisms are trying to adapt to the rules of the Russian language. Nonetheless, there are jargons left that do not have any analogues in Russian. During the analysis of jargons, the difference was stated in their communicative approach. Some jargons are aimed at a sender, others at a receiver, the rest at a situation or news specifically. Among the jargons reviewed appear abbreviations which components create a certain semantic subgroup by using a joint word. There were possible ways of anglicisms' interpretation examined and their differences in translation. In this research there were also conclusions made regarding to the impact of such anglicisms: their future development in the Russian language and the possibility of Russian to create its own analogues to well–known loanwords.

Keywords: jargon; abbreviation; acronym; digital neologism; functional stylistics; Internet; texting; user

For citation: Melnikov R.A., Dmitriev A.V. (2021) Jargons of English origin on the internet: their features and influence on the Russian language. Service plus, 15 (2), 73–84. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10209 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Общение в Интернете имеет свои особенности как в профессиональных, так и непрофессиональных кругах человеческого общения. В наши дни экспрессивная общеупотребительная интернет-лексика английского языка стремительно распространяется в мире, тем самым расширяя словарный запас участников интернет-коммуникации на форумах, в мессенджерах и социальных сетях. Виртуальное пространство привнесло значительные перемены в структуру речи современных людей. В бытовом об-

щении появляется всё больше и больше неологизмов (чаще всего англицизмов), а это, в свою очередь, влечёт за собой разнообразные изменения с точки зрения лексической и стилистической ценности языка.

Феномен сленга в языке существовал всегда, но длительное время не получал должного внимания среди ученых-лингвистов. Однако за последние несколько десятилетий интерес к этому пласту лексики значительно вырос, в частности к так называемому сетевому жаргону. И теперь актуальной повесткой

Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве: их особенности и влияние на русский язык

дня у исследователей стали такие разновидности сетевого жаргона как *Internet short-hand*, *Cyber-slang*, *SMS speak*, *Netspeak* или *Chatspeak*. Каждая из перечисленных обладает своими особыми узнаваемыми средствами письма, а также специфической лексикой. Всех их можно встретить в повседневной речи среди различных социальных групп в сети, прежде всего молодёжных. Ценимые одними и презираемые другими, жаргонные лексемы остаются значительными компонентами языка в Интернете и по сей день. Сленг создаёт, мотивирует и поддерживает онлайн-сообщества. Интернет-жаргонизмы предоставляют канал, который способствует общению иными способами, фундаментально отличными от тех, к которым мы все привыкли раньше. Само Интернет-пространство является идеальным плацдармом для появления новообразований благодаря коммуникационному изобилию и общедоступности источников информации.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами.

Современные информационные технологии привели к изменению категоризации языковой системы в сегодняшней лингвистике. Эти категории (понятия) остро нуждаются в пристальном внимании со стороны учёных-исследователей. В рамках Интернета человеческая коммуникация постепенно прекращает придерживаться какой-то определенной нормы, поскольку эти нормы начинают смешиваться друг с другом и, в конечном итоге, нивелироваться. Возрастает роль фамильярно-разговорного стиля общения. Всё отчётливее становится растущая тенденция к анти-нормализаторству. Этому способствует, в частности, возникновение различных жаргонизмов, заимствованных из английского языка, которые находят свое отражение в функциональных стилях русского языка.

Анализ последних исследований. Согласно исследованиям Г. К. Исмагиловой и В. Ю. Шашарина, язык писателей-классиков 16–18 века теряет свою универсальность: люди стремятся сжать свое восприятие для того, чтобы исследовать просторы Сети дальше. Разнообразные метафоры и речевые обороты литературного языка не способны передать разноплановые эмоции кратко и лаконично, поэтому на смену им создают разного рода «шифровки», которые способны понять другие коммуниканты и при этом сэкономить своё время [6, с. 76]. Пользователь

нуждается в новых словах и терминах, которые позволят ему обозначить тот или иной предмет действия, и главным источником, который удовлетворил бы такую потребность, становятся англицизмы.

Дэвид Кристал, в свою очередь, отмечал, что сленг обновляется довольно быстро, и слова, что были актуальны сегодня, могут устареть или поменяться на новые уже завтра. В качестве примера он приводил список слов, которые были популярны в 60ых–70ых годах XX столетия и сейчас их уже никто не использует (примеры: *pad — house*; *blast — great time*; *far out — excellent*). Как правило, сленг использовался определенными возрастными группами и был своего рода «секретным» языком для них, чтобы они могли идентифицировать «своего». Однако при этом жаргонная «профессиональная» лексика могла свободно выходить за пределы определенной группы и использоваться в речи обычных людей [11, с. 155].

Модератор сайта Global Language Monitor, П. Пейэк, рассматривает несколько вариантов эволюции английского языка в мире, в частности появление так называемого «киберанглийского языка» («CyberEnglish»). В данном сценарии развитие обусловлено дальнейшей компьютеризацией общества, где большое распространение приобретут слова, образованные на основе символов, букв и цифр, а роботы начнут определять языковые нормы, которое станут простыми, краткими и чёткими. Пейэк подмечает, что многие слова будут иметь по несколько вариантов написания, вследствие большего распространения разновидностей сетевого жаргона. В Интернете всё больше и больше получают распространение жаргонные сокращения, в которых некоторые морфемы пользователи спокойно заменяют, например, числами [13]. Поскольку английский является основным языком Интернета, то такую тенденцию подхватят и другие языки, включая русский, с поправкой на то, что языки могут создать свои сокращения, понятные для их пользователей. Со временем сетевое общение станет неотъемлемой частью живого общения, то есть употребление компьютерной лексики, жаргонизмов будет всё более и более распространённым и совсем перестанет вызывать непонимание среди собеседников.

Кроме этих исследователей, работы сленгу и жаргонизмам посвящали Н. В. Виноградова, Ю. А. Шепель, Русакова Е. Б., Тюрина Н. С., Гальперин И. Р.,

А. В. Алексеев, Н. В. Кушнарёва, Е. А. Селиванова и другие.

Цель и задачи статьи. Цель исследования — выявление и описание особенностей некоторых англоязычных жаргонных лексических единиц в Интернет-пространстве.

Для этого необходимо определить и решить следующие задачи:

- выявить стилевые черты функционального стиля в современной лингвистике;
- дать определение Интернет-жаргонизмам и выявить их отличия от стандартных;
- проанализировать варианты передачи англицизмов на русский язык.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. В рамках этой статьи были собраны и проанализированы работы исследователей, которые изучали характерные изменения в роли жаргонизмов в повседневной жизни человека, произошедшим благодаря приходу современных Интернет-технологий. Нами были отобраны различные языковые единицы с таких популярных Интернет-платформ, как Twitter и Reddit. Параллельно широко использовался электронный онлайн словарь Netlingo.com для помощи в расшифровке отдельных лексических единиц [12]. Преимущество выбранного словаря состоит в том, что он регулярно обновляется создателями: в него добавляются новые актуальные жаргонизмы, а также вносятся правки в уже существующие.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Возникновение блогов и различных Интернет-платформ сформировало в обществе некоторое количество экстралингвистических факторов, влияющих на повседневный стиль речи. Они, в свою очередь, привели к появлению нового функционального стиля, получившего термин «*Интернет-стиль*». Его часто понимают как некоторый подъязык и изучают в рамках использования интернет-социолектов (жаргонизмы, сленг, неологизмы и пр.) Причем в это определение входит не только язык Интернета, но и язык текстовых сообщений из SMS, Telegram и прочих мессенджеров [5, с. 791]. Иными словами, получилось одновременно объединить и книжный, и разговорный стили, что в конечном итоге сформировало

целый комплекс таких свойств, как лаконичность, обезличенность, логичность и эмоциональность совместно с комплексом языковых и графических средств [2, с. 35]. Интернет-стиль способен ассимилировать практически любую жаргонную лексику из разного рода дискурсов (политических, деловых, социальных и прочих). Однако важно не забывать — понимание того, что есть функциональный стиль в Интернет-дискурсе крайне нестабильно, ибо оно всё время мутирует, перманентно подвергаясь изменениям по мере развития социума.

Вслед за появлением нового функционального стиля изменилось и само понятие жаргонизма. Ранее жаргонизм трактовался как отдельное слово или выражение, характерное для небольших социальных групп, объединенных общим родом деятельности [4, с. 243]. Жаргонизмы, как правило фиксировались в толковых словарях и использовались достаточно узкой группой людей (чаще профессионалов) в живом общении, реже — в письме.

С интенсивным развитием видов виртуальной коммуникации, а также появлением Интернет-стиля, различные термины в речи непрофессионалов приобрели специфичное жаргонное наименование, что объясняется их широким распространением среди обычных пользователей-любителей. Это в свою очередь привело к тому, что жаргонная лексика стала постоянно обновляться, старые слова сменяются на новообразованные, а словари не успевают фиксировать новые значения. Что в конечном результате приводит к так называемым лакунам — словам или понятиям, к которым практически невозможно привести аналоги в других языках. Суммируя сказанное выше, жаргонизм в современной лингвистике является вариацией национального языка, вынесенной за скобки литературных правил и употребляемой сравнительно устойчивой социальной группой [9, с. 80].

Сам по себе Интернет-сленг не является однородной группой языка. Наоборот, он различается в зависимости от пользователя и коммуникативной ситуации в сети. Беря своё начало прямо из языка СМС-сообщений (текстинга), пользователи приспособились сокращать слова, заменяя лексические единицы на цифры или символы. Изначальной мотивацией использования жаргонной лексики в Интернете является упрощение общения, а также способность не менее ярко выразить свое мнение,

Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве: их особенности и влияние на русский язык

позицию по какому-либо вопросу, как если бы это происходило в живом общении. Однако, в то время как сетевой жаргон призван сберечь время отправителю, получателю может потребоваться раза в два больше времени, чтобы его расшифровать и понять. С другой стороны, аналогично традиционным жаргонизмам в речи и письме, сленгизмы в Интернете все ещё могут указывать на принадлежность к соответствующей социальной группе. Например, существуют жаргонизмы, присущие пользователям определённых социальных сетей, например, в Twitter: *retweet* (ретвитить), *tweeps* (твипперы) и так далее.

Заводя речь о жаргонизмах, сразу встаёт вопрос о корректной передаче их смысла на разные языки. Самое важное при переводе нелитературного языка — постараться не исказить семантику, стилистику и подтекст, которые присутствуют в речи или тексте. Для этого нужно выделить основные моменты для их последующей правильной передачи в переводе. Кроме того, необходимо помнить, что границы социальных групп, присутствующих в Интернет-пространстве, весьма размыты. Довольно трудно выявить точный контекст (например, социальное положение человека, образование) из-за анонимности, то есть информация, данная пользователями, может быть недостоверна. При переводе различных сокращений контекст как правило отсутствует, поскольку в аббревиатуре уже закодирована определенная фраза. В этом случае контекстом выступает сам чат или переписка, однако зачастую и этого недостаточно, так как словообразовательные механизмы у каждого жаргона отличаются, и, соответственно каждый ведёт себя при переводе по-своему. Это значит, что далеко не все английские сленгизмы заимствуются на другой язык в полной мере. То есть позволяет сказать, что русский язык вполне способен найти иные способы передачи смысла иноязычных жаргонизмов, не используя лишь какой-то один приём перевода.

В качестве иллюстрации вышесказанного нами были отобраны следующие жаргонные единицы, представленные в таблице 1.

Подавляющее большинство рассмотренных жаргонизмов-сокращений калькируются (GLHF, BRB, YOLO). Более того, калькированные акронимы как правило появляются и при живом общении за счет того, что их оказывается удобно произнести как единое слово, например: *LOL* (laughing out loud), *ASAP* (as fast as possible), *IMHO* (in my humble opinion), *AFK*

(away from keyboard), *ROFL* (rolling on floor laughing). Примечательно, что вошедшие в устную речь акронимы способны развиваться самостоятельно и создавать новые слова, корнем которых будет определенный акроним. Иными словами, виртуальные акронимы могут обладать такими грамматическими категориями, как число и падеж, а также иметь частичную принадлежность: *лолировать* (посмеиваться над кем-то, подшучивать), *имховать* (выражать свое личное мнение), *рофлить* (подшучивать, подкалывать), *афкшить* (отсутствовать), *имхи*, *лолзы* (мн. ч. им. падеж). Хотелось бы также отдельно отметить, что есть принципиальная разница между обычными и виртуальными аббревиациями: первые — это в основном имена существительные (*WHO* — *World Health Organization*, *NATO* — *North Atlantic Treaty Organization*), в то время как вторые содержат в себе полноценную фразу, обращение или эмоцию (*I/Will* — *it is what it is*, *HWTH* — *hate when that happens*).

В передаче англицизмов на русский язык иногда участвует и семантическое значение, приближенное к кальке. Акроним *ASAP* (as fast as possible) может быть передан как калькой («*асап*», полным переводом («*Как можно скорее*»), так и словом «*фастом*» (от англ. «*fast*» — *быстрый*). В последнем случае значение срочности, безотлагательного действия исчезает и слово просто передает необходимость принятия какого-либо действия/решения оперативно, быстро. Семантические заимствования также происходят по социальной и эвфемистической причинам: под социальной имеется в виду возможность указать на социальную среду, к которой человек принадлежит. По эвфемистической причине некоторые табуированные лексемы в русском языке можно заменить англицизмами [7, с. 59]. Например, *BS* — «*буллшит*», русская же версия может быть гораздо грубее и вульгарнее. То же самое работает и наоборот: русский перевод может быть значительно «мягче» английского оригинала (*FFS* — *for f*** sake* — *да твою ж мать*).

Однако не все англицизмы передаются лишь одним калькированием. Благодаря креативности русскоязычных пользователей, английские акронимы были адаптированы на русский манер, то есть стали эвфемизмами. Причиной тому может быть использование определенных приемов в процессе словообразования, например паронимазия. Эффект паронимазии происходит при звуковом сходстве разных по смыслу слов, что приводит к довольно необычным

**Jargons of English origin on the internet:
their features and influence on the Russian language**

Английские жаргонизмы в русском языке (Таблица 1)

Английское сокращение	Расшифровка	Варианты перевода на русский язык
86	Out of, get rid of	Избавляться
10q	Thank you	Спасибо
121	One to one	Один на один/«1 на 1»
143	I love you	Я люблю тебя
182	I hate you	Я ненавижу тебя
24/7	Twenty four seven (in all the time)	Постоянно/ двадцать четыре на семь
404	I haven't a clue	Хз («хрен знает») / без понятия / «четыреста четыре»
2B or not 2B	To be or not to be	Быть или не быть
4GM	Forgive me	Прости меня
4YEO	For your eyes only	Только для твоих глаз / только для тебя / лично для тебя / не для лишних глаз / предназначено лично тебе
AATK	Always at the keyboard	Всегда у компа/всегда онлайн
AFAIK	As far as I know	Насколько я знаю/ насколько мне известно
AFK	Away from keyboard	Отошёл от компа/ отошёл от клавиатуры/«афк»
ASAP	As soon as possible	Как можно скорее/ «фастом»/«асап»
BAK	Back at keyboard	Снова у компа/снова онлайн
BBIAB	Be back in a bit	Скоро вернусь
BRB	Be right back	Сейчас вернусь/ «брб»
BTN	Better than nothing	Лучше, чем ничего
CB	Coffee break, call back	Перерыв, «перезвоню»
CUL8R	See you later	Увидимся
DSH	Desperately seeking help	Отчаянно ищу помощи
FAQ	Frequently asked questions	ЧАВО (Часто задаваемые вопросы)/ ФАК
FFS	For f*** sake	Да твою ж мать!
G2G	Got to go	Мне надо идти
GL	Good luck, get lost	Удачи, пошел ты
GLHF	Good luck have fun	Удачи в игре, веселись/ «гл хф» (гуд лак хэв фан)
Gr8	Great	Великолепно
HIWTH	Hate it when that happens	Ненавижу когда это происходит
IIWII	It is what it is	Это то, что есть
IMHO	In my humble opinion	По моему скромному мнению/«имхо»/«истинное мнение, хрен оспоришь»
K4U	Kiss for you	Поцелую тебя
kek	kekeke	«кек», «ахахаха»
KIT	Keep in touch	Оставайся на связи
KMP	Keep me posted	Держи меня в курсе
Kthxbye	Ok, thanks, bye	«Ясноспасибодосвидания»
LFMAO	Laughing my freaking *a* off	Помру со смеху!/Со смеху умереть можно!
LOL	Laughing out loud	«Ржунимагу»/ «лол»/ очень смешно
Love u 3000	Love you tons	Целую 3000 раз
MAAN	Much ado about nothing	Много шума из ничего
MTFBWU	May the force be with you	Да придёт с тобой сила
PITA	Pain in the ass	Заноза в заднице
POTATO	Person over thirty acting twenty one	Взрослый, ведущий себя как подросток

**Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве:
их особенности и влияние на русский язык**

Продолжение таблицы 1

Английское сокращение	Расшифровка	Варианты перевода на русский язык
PS	Post scriptum	Послесловие, «ЗЫ»
ROFL	Rolling on the floor laughing	Валяюсь по полу от смеха
Rec	Recommendations	Рекомендации, «рек», «река»
Rep	Reputation	Репутация, «репа»
RU/18	Are you 18?	Тебе есть 18?
TMI	Too much information	Слишком много инфы/Слишком много информации
U2	You too	Тебе тоже
VBS	Very big smile	*широко улыбается*
WEG	Wicked evil grin	*злобно ухмыляется*
XOXO	Kisses & hugs	Целую & обнимаю, «чмоки и обнимашки»
YOLO	You live only once	Живем только раз/ живем всего лишь один раз

и привлекающим внимание новообразованиям [8, с. 89]. К примеру, у акронима *FAQ* (*Frequently Asked Questions*) есть вариант перевода калькой (ФАК), однако большее распространение получила русская версия (ЧАВО — *Часто задаваемые вопросы*). Такая версия акронима созвучна с русским словом «чего» в вопросах, что, в данном случае, совпадает по смыслу с акронимом. Другим примером паронимазии можно назвать слово «*Rep*» (*Reputation*), которое в русском игровом сообществе закрепилось как «репа», поскольку оригинальное сокращение созвучно в русском языке именно с этим словом. «*Качать репу*» в игровом сообществе можно интерпретировать как «улучшать какую-либо ситуацию в игре, включая характеристики игрового персонажа». Сокращение «*Rec*» (*Recommendations*) в русской интерпретации стала «рекой» и распространено преимущественно среди пользователей TikTok. Выражение «*попасть в реку*» означает «попасть в тренды, быть одним из самых просматриваемых в виртуальном пространстве». Акроним *IMHO* (*in my humble opinion*) также получил русский вариант перевода несмотря на существование калькированного варианта (*Истинное мнение, хрен оспоришь*). При такой адаптации *IMHO* становится бэкронимом — акронимом, который образуется из уже существующего слова или сокращения с абсолютно другим значением, то есть он ссылается сам на себя. Кроме того, поменялось значение, добавилось больше эмоциональной окраски (иронии, сарказма — зависит от контекста).

Другим частым приемом при словообразовании может стать антономасия — использование имени собственного в качестве нарицательного. Такой

приём характерен, например, для сленгизма *LOL*: *Лолик, Лолита, Лолка Лола*; так именуют человека с глупым, нелепым, несуразным поведением, постоянно вызывающем смех у окружающих людей. Эти лексемы обусловлены частым и неуместным применением реплики *ЛОЛ* («*ржунимагу*»). Также самое можно сказать и про слово «*Имхоша*» — человек, злоупотребляющий акронимом *IMHO* (*IMHO*) во время общения. Приём антономасии, в целом, довольно частое явление среди компьютерного дискурса, именно из него в язык попадают разного рода эвфемизмы к названиям приложений или программных обеспечений, которые, впоследствии, употребляются чаще именно в таком виде. Приведём общеизвестные примеры: *Аська* — *ICQ*, *Рома* — *ROM*, *Егор* — *Error*, *Емеля* — *E-mail*.

Среди сетевых жаргонизмов можно также увидеть, как становятся популярными различные ономапоеические произношения. Жаргонизм «*kek*» не имеет какой-то конкретной расшифровки, это скорее имитация смеха, по смыслу схожего с акронимом *LOL*. Так же, как и многие другие акронимы, «*kek*» приобрел свои грамматические категории: *кекать* — смеяться, посмеиваться, *кекнутий* — смешной, нелепый.

Различные грамматические, орфографические или синтаксические ошибки, сделанные случайно или намеренно, могут влиять на эмоциональную окраску слова или же целой фразы. Например, *Kthxbye* (*ясно-спасибодосвидания*). Данное слово состоит из трех компонентов (*Ok, thanks, goodbye*), но при этом сокращённых и написанных слитно. Однако написание данного слова по всем правилам орфографии при-

ведет к потере смыслового оттенка: такое сокращение фразы обусловлено скорее не техническими ограничениями цифровых сообщений, а отсутствием желания продолжать разговор с собеседником ввиду определенных причин.

Следует также отметить, что аналогами английских неологизмов–сокращений в русском могут стать обычные опечатки при письме по причине того, что пользователь забыл сменить регистр клавиатуры с английского на русский. Большое количество русскоязычных пользователей общаются в иноязычных социальных группах, поэтому такая ошибка достаточно распространённая. Однако именно такие «случайности» обычно и становятся уникальными аналогами в русском языке к английским словам. Так, совершенно уникален перевод аббревиатуры *PS* — *Post scriptum* — *ЗЫ*. Это сокращение возникло потому, что буквы «З», «Ы» расположены на клавиатуре ровно на тех же местах, что и P, S в английской раскладке.

Большое количество акронимов/аббревиаций может привести к совпадению их написания (*GL* — «*good luck*» или «*get lost*», *GB* — «*coffee break*» или «*call back*»). Другими словами, это может привести к омонимии, и смысл можно различить только исходя из контекста. Однако при этом некоторые пользователи Интернета применяют такие совпадения для создания каламбура, за счёт игры слов, как, например, в следующем комментарии: «*Couple of years ago I would wish GL to him. Now I should wish GL and spit to his face.*» — «Пару лет назад я бы ему удачи пожелал. Сейчас я бы его послал куда подальше и плюнул в лицо».

Говоря об омонимии, нельзя не упомянуть о так называемых омоакронимах — акронимах, полностью совпадающих по буквенному и звуковому составу с общеупотребительными словами. В отличие от привычного инициального сокращения словосочетаний (оно приводит к появлению омонимов лишь случайно), здесь омонимы создаются сознательно: для обозначения новой сущности или явления используется некоторое слово, которое осмысливается как акроним. Затем в дополнение к нему конструируется соответствующее коррелят–словосочетание, характеризующее данное явление описательно. Например, представленный в таблице акроним *POTATO* (*Person over thirty acting twenty one*). Само слово «*potato*» — «картошка», комический эффект акронима достигается привнесением дополнительной

коннотации, характеризующей взрослого человека, ведущего себя как подросток: к примеру, использует молодежный сленг, при этом слабо представляя, как и где его нужно применять, что со стороны выглядит нелепо. Омоакроним является достаточно сложной единицей для перевода, поскольку нужно очень внимательно изучить контекст, для того чтобы понять, какое значение находится перед нами. При их передаче на русский язык омонимия исчезает, тем самым эффект таких слов в переводе становится гораздо слабее первоначального варианта.

Говоря о коммуникативной направленности, приведенные жаргонизмы можно разделить на три группы: 1) ориентированные на отправителя; 2) на получателя; 3) на событие/новость. К примеру, такие аббревиатуры как *IMHO* (*in my humble opinion*), *LOL* (*laughing out loud*), *LFMAO* (*laughing my freaking *a* off*), *ROFL* (*rolling on the floor laughing*), *FFS* (*for f*** sake*) ориентированы на отправителя в том плане, что они касаются ситуации, деятельности, выражением мнения, а также чувств автора. Сокращения *K4U* (*kiss for you*), *4YEO* (*for your eyes only*), *GLHF* (*good luck, have fun*), *DSH* (*desperately seeking help*), *CUL8R* (*see you later*), *4GM* (*forgive me*) ориентированы на получателя сообщения, на его побуждение к определенному образу мышления, оценке, действию или отказу от действия. Некоторые жаргонизмы направлены на получателя с целью получить от него ответ на вопрос, например, *RU/18* (*Are you 18?*). И, наконец, аббревиатуры *PITA* (*pain in the ass*), *IIWII* (*it is what it is*), *BTN* (*better than nothing*), *MAAN* (*much ado about nothing*), *HIWTH* (*hate when it happens*) применяются как способ кратко и емко прокомментировать какую-либо ситуацию. Такие аббревиатуры можно назвать «ассертивами», то есть их цель — фиксация ответственности говорящего за предоставляемую информацию или сообщение [1, с. 182].

Касательно высказываний, ориентированных на получателя, примечателен тот факт, что большая их часть являются директивами или декларативами, то есть намерение говорящего, закрепленное положением или выражение необходимости определённого действия со стороны получателя. Подтверждением этого наблюдения являются аббревиатуры/акронимы *KMP* (*keep me posted*), *KIT* (*keep in touch*), *G2G* (*got to go*).

Аббревиатуры *AATK* (*always at the keyboard*), *AFK* (*away from the keyboard*), *BAK* (*back at keyboard*) ори-

Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве: их особенности и влияние на русский язык

ентированы на отправителя и составляют семантическую подгруппу, так как их совместное опорное слово *keyboard* («клавиатура») обозначает не только место или инструмент работы пишущего, но, скорее всего, его личную ситуацию: принимает ли он участие в сообщении или нет [3, с. 380]. Клавиатура является не только главным рабочим инструментом программиста и всякого человека, использующего компьютер, но символизирует здесь мир цифрового общения. Подобное можно увидеть в аббревиатурах/акронимах *BRB* (*be right back*), *BBIAB* (*be back in a bit*) и *CB* (*call back*): их опорным словом является *back* («возвращаться»). Для акронимов *LOL*, *LFMAO*, *ROFL* опорным словом является *laugh* («смех», «смеяться»), причем в них обозначается не просто реакция коммуниканта, а степень экспрессивности, что можно отследить в расшифровке и переводе соответственно («*ржунимагу*», «*помру со смеху*», «*валяюсь по полу от смеха*»).

Другой интересной особенностью этих Интернет-жаргонизмов является то, что многие разговорные высказывания берут своё начало в литературном языке или же из культовых фильмов. В сетевом общении они адаптируются под компьютерный язык, становятся сокращениями, некоторые морфемы заменяются цифрами. Как правило, аббревиациями становятся популярные цитаты, которые известны по всему миру и чей перевод канонизирован: *2B or not 2B* («*to be or not to be*») и *MAAN* («*much ado about nothing*») из пьес «Гамлет» и «Много шума из ничего» У. Шекспира; *MTFBWU* («*May the force be with you*») из кинофраншизы «Звездные войны»; «*I love u 3000*» из фильма киностудии Marvel «Мстители: Финал». Существование таких сокращений позволяет сделать вывод о том, что доминирование разговорной речи в Интернете вовсе не означает, что все слова происходят из молодёжной культуры. Некоторые слова/словосочетания могут брать своё начало из классической литературы и кино.

В Интернет-стиле характерно используют различные «эмодзи» или «смайлы» — графическая анимация, которая позволяет заменить целое слово или фразу. Однако и среди рассмотренных жаргонизмов есть сокращения, призванные выражать эмоцию собеседника, направленную зачастую на получателя: *WEG* (*wicked evil grin*), *VBS* (*very big smile*). На такие сленгизмы у русского языка есть свой ответ. Русскоязычные пользователи, помимо смайликов,

выражают свои эмоции используя всё тот же символ «*», только на этот раз для выражения своих чувств, действий или эмоций в третьем лице, например, «*злбно ухмыляется**», «*широко улыбается**» и таких вариаций может быть довольно много. Примечательно, что такое общение в сети иногда появляется и в реальном разговоре, и также направлена на реакцию собеседника.

Следует также отдельно выделить аббревиатуру *XOXO* (читается как «экс-оу-экс-оу»). Фактически, это даже не аббревиатура, а символическое написание, которое расшифровывается как *hugs & kisses*. Буква «X» обозначает поцелуй, в то время как «O» — объятия. Эффект этого жаргонизма достигается за счёт графической визуальной составляющей. В русском языке у него имеется свой прямой аналог, а именно «чмоки и обнимашки». Однако и оригинал тоже встречается в речи достаточно часто: в русской интерпретации к «хохо» добавляется ещё и фонетическая окраска, поскольку слово по своему звучанию и виду напоминает фразу с абсолютно другим значением (*хо-хо* — смех), тем самым в русском языке эта аббревиатура становится омоакронимом, то есть читается как одно слово и в то же время его легко спутать со стандартной дефиницией слова.

Отдельного внимания требует рассмотрение логографических написаний. Их использование в сетевом общении за последнее десятилетие значительно возросло. То, что ранее применялось в рекламе, стало постепенно завоевывать социальные сети, форумы и пр. К примеру, в Интернет стали больше проникать слова, в которых морфемы заменяются цифрами, произношение которых совпадает с другими слогами. Преимущественно в таких словах фигурируют цифры 1, 2, 4, 8 и в некоторых случаях они могут состоять полностью из них (143 — «*I love you*», 182 — «*I hate you*», 10q — «*thank you*», 121 — «*one to one*», 4GM — «*Forgive me*», U2 — «*you too*»). Такие слова встречаются в основном в текстинге и геймификации, реже — в чатах и в комментариях. В обоих языках подмена морфем на цифры или символы часто используется в вульгарной и грубой лексике (например, «*ASSH01E*», «*\$ука*»).

Подобные единицы используются с целью обойти цензуру, например, в сетевых играх, где написание ненормативной лексики — табу и маскируется чатом при помощи символа «*». Использование таких логографических написаний позволяет пользователю

точно донести свою мысль или отношение к игроку/ собеседнику. Подобные жаргонизмы в живом общении встретить невозможно, поскольку их эффект достигается за счет сочетания фонетической и графической составляющей слова. Иначе говоря, эффект таких нумеративных неологизмов появляется, когда мы видим это слово перед собой. Кроме того, использование таких написаний на письме также обуславливается техническими ограничениями цифровых сообщений в различных каналах (SMS, Twitter), поэтому пользователям приходится писать коротко, ясно и лаконично. Однако есть и другая причина использования таких символов: заключается она в виде Интернет-общения, носящего название *leetspeak*, что можно перевести как «язык для элиты». Суть такого сетевого общения заключается в использовании логографических написаний для того, чтобы привлечь к себе внимание. Как правило, *leetspeak* распространен преимущественно среди молодёжи, в частности среди любителей компьютерных игр. Особой ценностью с точки зрения смысла это в себе не несёт: просто красивая или необычная репрезентация общеизвестных слов. Однако такой вид общения даёт неограниченные возможности в кодировании информации, поскольку человек может зашифровать слово как ему вздумается и при этом найдутся те, кто сможет понять написанное.

Нумеративные неологизмы, как правило, расшифровать на другой язык невозможно, можно лишь объяснить или перевести дословно (например, *CUL8R — See you later — увидимся*). Кроме того, калькировать такие слова тоже не получается. Например, цифра 4 (*four*) в английских нумеративных неологизмах имеет звуковое сходство, например, с предлогом *for*. В русском языке данная цифра имеет скорее графическое сходство. Цифра внешне похожа на букву «ч», что можно видеть из комментариев русскоязычных пользователей: *4то, 4его, дево4ка* и прочие. Это написание выражает категорию экспрессивности, то есть имеет специальную оценочную окраску, придающую слову новизну и яркость [10, с. 184]. Как мы видим, передать подобную номинацию на другой язык, сохранив при этом переданную экспрессию, становится очень сложной задачей.

Однако в таблице можно найти такие нумеративные неологизмы-акронимы, которые сумели проникнуть в устную коммуникацию. Слова «24/7» («постоянно») и «404» («без понятия») состоят полностью

из цифр, но при этом используются как в сетевом, так и живом общении. Смысл в том, что эти слова не заменяют собой никаких морфем, тем самым произносятся как обычное число, но при этом передают своё значение. «404», вдобавок, делает отсылку на компьютерный подязык, поскольку это лишь часть термина «*Ошибка 404*» — кода ответа HTTP о том, что запрошенный ресурс не найден. Вообще, нумеративные неологизмы как раз берут своё начало из разного рода кодов или ошибок, становясь впоследствии общеупотребительными. К примеру, слово «86» («избавляться») — это код, обозначающий отсутствие того или иного блюда в ресторане, то есть оно недоступно в наличии. По отношению к человеку же это приобрело значение как избавляться от чего-то, например, от преследования.

Выводы. Подводя итоги, мы можем сказать, что английский сленг охватывает немалую семантическую составляющую современного лексического мира, и достаточно прочно осел в нашем сознании. В ходе рассмотрения различных неологизмов-сокращений становится заметно, как язык начинает постепенно «оцифровываться». Пока что такая тенденция заметна лишь в чатах и переписках в определенных сферах (например, в текстинге и геймификации), но уже можно предположить, что в будущем тенденция использовать цифры в словах перейдет на более объемные тексты. Причем языки будут создавать собственные нумеративные неологизмы, передачу которых на другой язык можно будет осуществить лишь полной расшифровкой. Многие из наблюдаемых лингвистических форм имеют разговорный, близкий к устному языку характер и, кроме того, часто проявляют определенные стилистические нюансы, такие как юмористический, иронический, саркастический, снисходительный.

Из рассмотренных Интернет-жаргонизмов есть многие, носящие по большей части «маскарадный» характер. Их эффект сугубо визуальный, что можно отследить лишь в общении в сети. Такие слова не могут попасть в живую речь, если они не имеют под собой смыслообразующей или фонетической составляющей. Это как правило сокращения, чья функция совпадает с функцией обычных смайликов или аббревиации, не имеющие под собой расшифровки, так как их эффект полностью строится на схожести букв с какими-то действиями.

Жаргонизмы англоязычного происхождения в интернет-пространстве: их особенности и влияние на русский язык

Наблюдается влияние известных нам функциональных стилей в большей и меньшей степени. Несмотря на то, что в сетевом общении, как правило, доминирует разговорный стиль общения, Интернет-жаргонизмы могут отсылаться на книжный стиль речи. Это могут быть цитаты из известных произведений или известные литературные персонажи. Кроме того, высказывания из фильмов, комиксов или иной культуры могут также сподвигнуть пользователей создать неологизмы, которые войдут в речевой оборот в сетевом и даже в живом общении.

Английский язык и его разновидности по-прежнему диктуют тенденцию развития языка, в частности русского. Многие из рассмотренных жаргонизмов переходят в русский при помощи калькирования и обретают там свои грамматические категории. Русский язык достаточно «ленив», чтобы создавать свои аналоги, поскольку гораздо проще ассимилировать в речь то, что уже существует. Однако это не значит, что английские акронимы на русском языке являются всего лишь копиями. Не все английские новообразования передаются точно и при передаче может произойти сдвиг в значении, эмоциональной окраске или же вовсе не иметь даже калькированного аналога в русском языке. В этом случае англоязычную аббревиацию можно передать лишь полным переводом. Редко, но смысл и роль английского жаргонизма может измениться при переводе. Некоторые лексемы могут из аббревиатуры перейти в акроним, а акроним, в свою очередь, может после интерпретации стать бэкронимом.

Некоторые жаргонизмы, благодаря креативности русскоязычных пользователей, имеют аналоги, которые успешно находят место в русскоговорящем сообществе, оттесняя английскую версию. Пока это происходит в IT-сфере, но со временем объем языкового творчества может увеличиться, что приведет к созданию собственных русскоязычных жаргонизмов. Сви-

детельством этого могут стать русские эвфемизмы к оригинальным англоязычным словам: им отдаётся большее предпочтение в речи. Причинами этого является использование определенных приемов при создании слов, делающие слово ярким и броским. Развитие и распространение таких языковых явлений как паронимазия, антонимазия объясняется внедрением разноплановой вычислительной техники. Жаргонизмы, известные ранее для определенного круга специалистов, становятся широко употребляемыми в разговоре, то есть применяются людьми, не связанными определенной социальной группой. Исходя из этого, стоит ожидать, что термины, известные пока что только среди небольшой группы людей, получат широкую огласку.

Исходя из рассмотренных жаргонизмов можно сделать вывод, что язык является вполне самостоятельной единицей. Каким-либо способом намеренно контролировать поток создания новых слов мало того, что невозможно, но ещё и бессмысленно. Интернет стал «экспериментальной площадкой» для языка, на которой обычные пользователи-любители создают и изменяют слова, добавляют новые коннотации или эмоциональные оттенки и применяют различные словообразовательные приёмы для оказания определенного эффекта на читателей. И совершенно необязательно, что все сотворённое сможет прижиться даже в сетевом общении. Язык отбирает то, что удобнее всего использовать в определенных речевых ситуациях. Так, по-прежнему мало сокращений, которые находят своё место в живом общении, поскольку большинство из рассмотренных жаргонизмов реализуют свой наибольший эффект именно в сетевом общении. Тем не менее, такие сленгизмы могут по-прежнему появляться в разговоре: в случае если они будут удобны в ситуациях общения и за рамками Интернет-коммуникации, то их использование сумеет стать широко распространённым.

Список литературы

1. Алексеев А. В. Кодирование информации с помощью аббревиации в виртуальном пространстве (на примере англоязычного и немецкого текстинга) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2016. — №4. — С. 180–183.
2. Антонов В. П. О стилевых чертах Интернет-стиля / В. П. Антонов, Е. В. Вересова // Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра / под ред. Р. С. Сакиевой. — Армавир: Изд-во Армавирского лингвистического университета, 2005. — С. 30–39.
3. Брунс Т. Роль интернета в узуализации новых акронимов в русском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — № 17 (3). — С. 373–387.

4. Вахитова Г. А. Элементы жаргонной лексики в английском языке и особенности её перевода на русский язык // Наука и новые технологии. — 2013. — № 7. — С. 243–245.
5. Иванов Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 800 С.
6. Исмагилова Г. К., Шашарин В. Ю. Английские жаргонизмы в интернете // Казанский лингвистический журнал. — 2018. — № 1(1). — С. 75–82.
7. Кушнарёва Н. В. Влияние англицизмов на развитие русского языка в современной культуре // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2016. — № 1. — С. 58–64.
8. Русакова Е. Б. Языковое творчество обитателей всемирной паутины // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2010. — № 1–2. — С. 86–92.
9. Самотик Л. Г. Лексика современного русского языка: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2012. — 510 С.
10. Тюрина Н. С. Передача английских жаргонизмов с английского языка на русский в области информационных технологий. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2019. — № 2(22). — С. 183–186.
11. Crystal D. A Little Book of Language. — USA: Yale University Press, 2010. — 260 P.
12. Netlingo The Internet dictionary [Electronic resource]. URL: www.netlingo.com (date of access: 30.12.20).
13. Payack P. The future of Global English (400 years in the Future) [Electronic resource] // The Global Language Monitor. At the Intersection of Technology and the Word. 2017. November 4th. URL: <http://languagemonitor.com> (date of access: 30.12.20).

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ/ LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

УДК 81.161.1; 81.373.612.2; 81.276.5
DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10210

Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания (на примере английской нефтегазовой терминосистемы)

КАЛИНИНА Светлана Валентиновна

аспирант Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина,
Россия, г. Санкт-Петербург,
начальник отдела по работе с иностранными специалистами и переводческой деятельности ООО «КИНЕФ»,
Россия, г. Кириши, Ленинградская область,
E-mail: movable@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4175-3143
Личный идентификатор РИНЦ: 1011769

Аннотация: Отраслевая терминология, активно пополняемая лексическими единицами как результат развития нефтегазовой промышленности, рассматривается в статье с позиции лингвистической и когнитивной деятельности, что доказывает подчинение терминосистемы универсальным законам философии, психологии, лингвистики. В фокусе внимания находятся узкоспециальные лексические единицы из отраслевого периодического издания 2019–2020 гг., большая часть которых еще не зафиксирована в лексикографических источниках, что подтверждает актуальность исследования. Явление метонимии рассмотрено, помимо традиционного подхода, с позиции идеализированной когнитивной модели (ИКМ). Показана целесообразность совмещения лингвистического и когнитивного подходов к исследованию метонимического переноса, семантического способа терминообразования. Метонимия определена когнитивным феноменом, лежащим в основе повседневного мышления человека, равно как и важным механизмом структурирования понятийной системы. Цель настоящего исследования — исследовать метонимический перенос, семантический способ терминообразования, апеллирующий к абстрактному мышлению, как языковое средство организации, обработки и передачи информации, служащее познанию действительности и репрезентирующее усложняющееся техническое знание. Методологическим инструментарием изучения метонимии выступают как общенаучные, так и собственно лингвистические методы, также привлекаются данные смежных наук. В ходе выполненного анализа в структуре ИКМ «Нефтепереработка» определены преобладающие концепты технического знания и выделены базовые модели метонимического переноса как отражения данной области знания языковыми средствами. Выявлены мотивационные признаки терминообразования посредством метонимического переноса. Полученные результаты представляют интерес в ракурсе дальнейшего исследования актуальных единиц специальной лексики в целях упорядочения отраслевой терминосистемы и гармонизации языка для специальных целей. Делается вывод о том, что традиционный и когнитивный ракурс изучения метонимии не противоречат, а дополняют друг друга для понимания метонимии как способа познания окружающей действительности и организации знаний о мире, равно как и средства вербализации отраслевого технического знания.

Ключевые слова: метонимия; идеализированная когнитивная модель (ИКМ); концепт; категоризация; узкоспециальная лексика; периодика подъязыка; традиционный и когнитивный подходы

Для цитирования: Калинина С.В. Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания (на примере английской нефтегазовой терминосистемы) // Сервис Plus. 2021. Т.15. № 2. С. 85–96. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10210

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Metonymy as a linguistic representation of the industry knowledge concepts (on the example of English oil and gas term systems)

KALININA Svetlana Valentinovna

post-graduate student of the Leningradskii State University named after A. S.Pushkin,

Russia, St. Petersburg,

Head of Foreign Specialists Support and Translation Activity Department,

LLC KINEF

Russia, Kirishi, Leningradskaya oblast

E-mail: movable@yandex.ru

ORCID: 0000–0002–4175–3143

Personal ID: 1011769

Abstract: Industry terminology, which is actively replenished with lexical units as a result of oil and gas industry development, is considered in the article from the position of linguistic and cognitive activity, which proves the subordination of the term system to the universal laws of philosophy, psychology, and linguistics. The focus of attention is on highly specialized lexical units from the industry periodical dated 2019–2020, most of which have not yet been recorded in lexicographic sources, which confirms the study relevance. The phenomenon of metonymy is considered, in addition to the traditional approach, from the position of an idealized cognitive model (ICM). The expediency of combining linguistic and cognitive approaches to the study of metonymic transfer, semantic method of term formation is shown. Metonymy is defined as a cognitive phenomenon underlying everyday human thinking, as well as an important mechanism for conceptual system structuring. The purpose of this research is to study metonymic transfer, a semantic way of term formation that appeals to abstract thinking, as a linguistic means of organizing, processing and transmitting information, serving to cognize reality and represent the growing complexity of technical knowledge. Methodological tools for the study of metonymy are both general scientific and linguistic methods, as well as data from related sciences. In the course of the analysis within the structure of ICM «Refining» the prevailing technical knowledge concepts as well as basic models of metonymic transfer are defined as this knowledge area reflection by linguistic tools. Motivational signs of term formation by means of metonymic transfer are revealed. The results obtained are of interest in the perspective of further research of special vocabulary actual units in order to streamline the industry term system and harmonize the language for special purposes. It is concluded that the traditional and cognitive perspectives of the study of metonymy do not contradict, but complement each other for understanding metonymy as a way of knowing the surrounding reality and organizing knowledge about the world, as well as a means of verbalization of industrial technical knowledge.

Keywords: metonymy; idealized cognitive model (ICM); concept; categorization; highly specialized vocabulary; sublanguage periodicals; traditional and cognitive approaches

For citation: Kalinina S.V. (2021) Metonymy as a linguistic representation of the industry knowledge concepts (on the example of English oil and gas term systems). Service plus, 15 (2), 85–96. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10210 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

**Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания
(на примере английской нефтегазовой терминосистемы)**

Введение. Постнеоклассическому этапу развития науки присущи междисциплинарные связи. Лингвистика антропоцентрической парадигмы, ставя в центр исследований взаимоотношения человека и языка, обращается к исследованиям и в области психологии. Познавая объекты действительности, личность осуществляет деятельность по осмыслению поступающей информации, в результате чего образуются определённые представления о мире в виде концептов, «фиксированных в сознании человека смыслов» [3, с. 22]. Воспроизведенный в человеческой памяти образ объективируется и фиксируется словесно. «Воспроизведение предполагает соответствие воспроизведенного образа реальному предмету. Для того чтобы установить наличие этого соответствия <...>, необходимо объективизировать воспроизведенный образ, выявить его вовне, зафиксировать словесно и создать возможность проверки этого соответствия в определенных условиях, доступных реальному контролю» [30, с. 31]. Концепты отражаются в языке значениями слов, таким образом осуществляется хранение и, что наиболее значимо, передача знаний через поколения. Очевидна взаимосвязь познания, деятельности и языка [30, с. 9, 53]. Язык выступает инструментом концептуализации мира, поскольку посредством языкового общения и текстов к человеку поступает информация. В то же самое время именно язык обобщает всю информацию, которая поступает к человеку по иным каналам, через органы чувств, в результате мыслительных операций или деятельности. Таким образом «язык обеспечивает доступ ко всем концептам» вне зависимости от способа их образования» [3, с. 27].

Человек осуществляет преобразование окружающей действительности, что приводит к техническому прогрессу. Следствием усложнения технического знания неизбежно является образование новых лексических единиц, вербализирующих эти понятия. В данном случае речь идёт о термине, «основном понятийном элементе языка для специальных целей» [33, с. 14]. Поскольку восприятие окружающего мира осуществляется в виде целостных образов, особая роль отводится изучению семантических способов терминообразования, затрагивающих механизмы абстрактного мышления.

Постановка проблемы. В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы проблемы

семантики приобрели первостепенное значение. На данном этапе лингвистической науки рассматриваются содержательные, семантико-прагматические категории языковых единиц, раскрывающие смысл текста. Содержательный анализ дискурса включает в себя семантический и исторический аспекты. Язык изучается не только в отношении его внутренних закономерностей, но и в отношении живого функционирования в человеческой коммуникации, а это апеллирует к изучению значащей стороны языкового знака, которая и формирует наполненные смыслом высказывания.

Актуальной задачей лингвистических исследований современности является не исключение семантики, а нахождение адекватных способов описания системы и структуры языка, учитывающей неразрывное единство формы и содержания. «Семантика, без сомнения, самый закрытый из всех уровней языка, но каждый из них, в конечном счете, подчинен ей, поскольку любое речевое произведение, составленное по законам синтаксиса, морфологии и фонетики, строится лишь только для того, чтобы быть значимым. То, что не имеет значения, в языке — бессмысленно» [37, с. 103]. Очевидно то, что, несмотря на сложность и многоаспектность семантики, без обращения к ней не обходится ни одно лингвистическое исследование.

При всем многообразии подходов к изучению семантики основной интерес связан с категоризацией реального. Слова передают понятия, позволяя получить знание об окружающей действительности. Слова, языковые знаки, имеющие план выражения и план содержания, предстают промежуточными категориями мышления.

При логическом подходе, в рамках так называемой «сильной» семантики объектом изучения является значение предложения, которое выводится из значений составляющих его слов. В данном направлении проводятся исследования о соотносительности значения языковых выражений с действительностью, внеязыковой сущностью. «Слабая» семантика считает значения языковых выражений «ментальными сущностями, принадлежащими не описываемому миру, а сознанию человека» [15, с. 26]. При данном подходе достаточным является изучение внутриязыковых отношений, поскольку языковые выражения соотносятся не с миром, а с другими выражениями и их смысловая составляющая определяется как инвариант лингвистических преобразований.

Подход когнитивной семантики стремится к объяснению способов структурирования различных видов знания в процессе понимания и построения языковых сообщений. В этом случае языковое значение слова коррелируется со связанным с этим словом мыслительным содержанием — понятием. Когнитивная семантика, занимаясь проблемами отношения языка и мышления, «призвана объяснить, какими знаниями руководствуются в речевой деятельности говорящие и как вообще структурируются разные виды знания в процессе понимания и построения языковых сообщений» [4, с. 211]. Анализируемые языковые единицы в рамках когнитивной семантики подгоняются под определенные модели понимания знания: слова могут соотноситься с прототипами, стереотипами, концептами, фреймами.

При всем многообразии подходов бесспорно одно: «нынешняя эпоха развития лингвистики — это эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, кодирования и декодирования определенной информации» [15, с. 25].

Благодаря тому, что когнитивно-ориентированные лингвистические исследования фокусируются на семантике языковых единиц, становится возможным получить доступ к содержанию концептов, лежащих в основе соответствующих языковых категорий и узнать о принципах организации этих категорий, равно как и о взаимодействии когнитивных и языковых структур в процессе формирования смысла высказывания.

В недрах полипарадигмальной лингвистики [19, с. 5, 15], благодаря смене методологических установок, в исследовании терминологии определено когнитивное направление [2, 3, 5, 6, 7, 22, 24, 25, 28]. Когнитивная лингвистика предлагает новый методологический инструментарий, применение которого придает терминоведению «не только описательный, но и объяснительный характер» [7, с. 13–14]. По мнению В. А. Масловой, только метафорический анализ, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, может быть отнесён к когнитивным методам исследования. Вместе с тем, ряд исследователей упоминают в их числе фреймовый и концептуальный анализ [цит. по 39, с. 5, 8].

Соглашаемся с тем, что в рамках традиционного терминоведения многие аспекты, затрагиваемые ког-

нитивным терминоведением, уже были исследованы [39, с. 31]. Поэтому в исследовании языка наиболее уместным и результативным считаем взаимодействие традиционного и когнитивного подходов [3, с. 7; 39, с. 4].

Специфика когнитивного подхода справедливо видится в изучении процессов категоризации и концептуализации человеческого опыта [3, 28, 18, 17]. Категоризация, будучи важнейшим элементом человеческого опыта, лежит в основе мыслительных и перцептивных процессов человека [34, с. 87]. «Системы понятий, репрезентируемые системами терминов, формируют соответствующую картину мира, которая может быть структурирована <...> для целей упорядочения терминосистем, выявления имплицитных связей между научными отраслями и изучению научной метафоры / метонимии как явления, способствующего научному мышлению <...>» [39, с. 32]. Действительно, метафорический / метонимический перенос являются важным инструментом процесса познания, средством кодирования научной картины мира. «Такие переносы в терминосистемах опосредованы концептуальным пространством каждого человека, который, приобретая жизненный опыт и знания, трансформирует их в определённые концепты <...>» [39, с. 49].

Изучение метонимического переноса с позиций не только традиционной, но и когнитивной лингвистики позволяет заглянуть вглубь мыслительных процессов человека, использующего средства языка для вербализации понятий окружающей его действительности. Доступ к исследованию особенностей категоризации мира человеком обеспечивается через исследование метонимии и благодаря обращению к следующим фундаментальным принципам когнитивной лингвистики: «моделированию языкового знания человека и функционализму как изучению языка в действии» [35, с. 42].

Анализ исследований и публикаций. Лингвисты-когнитологи сходятся во мнении, что процессы концептуализации и категоризации воспринимаемого мира метафоричны и метонимичны. Это объясняет тот факт, что метафора и метонимия, языковые средства, апеллирующие к абстрактному мышлению, постоянно привлекают внимание исследователей.

Следует отметить, что метафора в достаточной степени исследована в различных терминосистемах:

**Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания
(на примере английской нефтегазовой терминосистемы)**

трубопроводного транспорта [8], нефтегазовой промышленности [10, 12], бизнеса и политики [16, 23], медицины [31], архитектуры [32], равно как и в научном и техническом дискурсе [14, 42].

Метонимия, напротив, исследована в меньшей степени: в свете когнитивного подхода [29, 21], в рамках ИКМ [38, 27, 45], в отраслевых терминосистемах [8, 40].

Данное исследование выполнено в симбиозе традиционного и когнитивного подходов и исследует метонимию, семантическую деривацию, на примере лексических единиц языка для специальных целей, функционирующих в периодическом отраслевом издании 2019–2020 гг., что свидетельствует о его актуальности.

Разделяем антиномический подход А. Е. Бочкарева [4], нацеленный на построение интеграционной модели значения, объединяющей в единстве многообразие разные подходы к значению. Синтезирование подходов лингвистической и когнитивной семантики целесообразно, поскольку значение слова определяется не только соотносительностью с обозначаемым им понятием, но и соотносительностью данного слова с другими словами в системе языка.

Цели и задачи статьи. Цель статьи — исследовать метонимический перенос, семантический способ терминообразования, апеллирующий к абстрактному мышлению, как языковое средство организации, обработки и передачи информации, служащее познанию действительности и репрезентирующее усложняющееся техническое знание. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: рассмотрение метонимических отношений актуальной узкоспециализированной лексики в структуре идеализированной когнитивной модели (ИКМ) «Нефтепереработка», выявление базовых когнитивных метонимических моделей, языковой репрезентации концептов технического знания и тех концептуальных признаков, на основании которых данные лексические модели формируются.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Методология данного исследования включает в себя наблюдение, описание, дефиниционный анализ, количественную обработку материала, концептуальное моделирование.

Поскольку, помимо термина, к специальной лексике можно отнести «терминоиды, предтермины,

квазитермины, прототермины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы», именуем материал исследования единицами специальной лексики [9, с. 21].

По причине того, что корпуса текстов дают возможность исследовать явление метонимии на большем объеме примеров, из отраслевой периодики [46] отобраны 848 узкоспециализированные единицы, вербализирующие понятия нефтегазового знания. Из них — 34 единицы с метонимическим переносом, что составляет немногочисленные 4%. «Выборка единиц, подлежащих анализу, репрезентативна не только тогда, когда она достаточно объемна, но и тогда, когда она базируется на результатах обследования материала в двух планах: словарном и текстовом. Первое обеспечивает отбор нормативных единиц, закрепленных узусом, второе позволяет уточнить синхронный статус изучаемых моделей во всех деталях их функционирования» [26 с. 204].

Разделяем точку зрения В. И. Литовченко: «изучение семантики термина должно включать изучение его функциональной области, поскольку именно в процессе актуализации термина происходят контекстуальные модификации сем» [20, с. 186].

В основном метонимия представлена многокомпонентными словосочетаниями и инициальными аббревиатурами, что свидетельствует об усложнении понятий отраслевого знания и о неспособности однокомпонентных единиц вербализировать все оттенки нового знания. Поскольку материал исследования статьи, в основной массе, еще не зафиксирован в лексикографическом источнике [13] автором, в некоторых случаях, на основании контекста, фоновых знаний и переводческого опыта в предметной области, представлены дефиниции единиц специальной лексики.

Обоснование научных результатов. В традиционном понимании языкознания метонимия трактуется как «троп, состоящий в том, что вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении «ассоциации по смежности» [1, с. 234]. Отношения между категориями действительности и отражению действительности в сознании человека при метонимии могут быть «пространственными, событийными, понятийными, синтагматическими и логическими». При этом, название может быть перенесено «с вместилища на его содержимое,

с материала на изделие из него, с места на совокупность его жителей/связанное с местом событие, с действия на результат, с формы выражения содержания на само содержание, с отрасли науки на предмет науки, с события на его участников, с организации на совокупность сотрудников, с целого на часть и наоборот, с эмоционального состояния на причину, с имени автора произведения на сами произведения» [41, с. 300].

С позиций когнитивной лингвистики метонимия является отражением мыслительной деятельности, участвует в когнитивных процессах концептуализации и категоризации познания [45, с. 17]. Когнитивное понимание метонимии открывает путь к более глубокому пониманию процессов, лежащих в её основе и к сути метонимических отношений, существующих внутри идеализированных когнитивных моделей.

В основе метонимического переноса лежит процесс перекатегоризации, один концепт воспринимается посредством другого. При образовании термина путем метонимического переноса происходит «наращение семантики, в основе которого лежит определенный семантический мотивационный признак» [36, с. 206]. В случае с метонимией этим признаком является *пространственная, временная или причинно-следственная смежность понятий*.

Многие исследователи сходятся во мнении, что знания организуются при помощи определённых структур [3, 4]. Теория идеализированных когнитивных моделей (ИКМ) разработана Дж. Лакоффом на основании утверждения об использовании языком общекогнитивных механизмов категоризации действительности [44, с. 118–135] и «является попыткой моделирования структур, отвечающих за организацию знаний в мозгу человека» [34, с. 95]. В своих исследованиях Дж. Лакофф признаёт ведущую роль категоризации в процессе осмысления человеком полученного опыта; занимается вопросами организации понятийной системы человека и её анализа, уделяя при этом внимание языковым единицам; определяет метафору / метонимию важнейшими механизмами структурирования понятийной системы, поскольку они дают возможность концептуализации объекта через аналогию / отношение смежности к другому объекту. По мнению Дж. Лакоффа именно категоризация представляет для когнитивной науки особый интерес, поскольку является базой для мыслительных и перцептивных процессов человека, его движений, поступков, речевых актов [34, с. 86–87].

Феномен метонимии описывается через анализ ИКМ, при этом в самой ИКМ выделяется четыре типа структур: пропозициональные (фреймы Филлмора), образно-схематические (грамматика Ланкагера), метафорические / метонимические (Дж. Лакофф и М. Джонсон). ИКМ ценна тем, что входящие в неё различные элементы взаимодействуют друг с другом. ИКМ является «гипотетическим конструктом, обобщением концептуальных структур, разделяемых участниками определённого языкового сообщества» [43, с. 4].

В рамках ИКМ выделяют ряд онтологических областей: концепты, языковые формы и вещи/события, то есть представления человека об онтологических пространствах [45, с. 19]. В процессе концептуализации различных ситуаций и становится возможной метонимизация.

По сути, эти онтологические области коррелируют с вершинами хорошо известного традиционной лингвистике семиотического треугольника Огдена-Ричардса: понятие, знак и референт. «Метонимия является когнитивным процессом, в котором, в рамках одной идеализированной когнитивной модели, одна концептуальная сущность, проводник, предоставляет ментальный доступ в другую концептуальную сущность, целевой объект» [45, с. 20].

По Дж. Лакоффу когнитивная модель метонимии заключается в соотношении концепта «А» к концепту «В» в концептуальной структуре, в выявлении признаков, позволяющих «В» замещать «А». В отличие от метафоры, действующей по модели «А есть В» и переносающей элементы из одной ИКМ в другую на основе аналогии, метонимия действует внутри одной ИКМ на основе смежности и определяется как «А замещает В» [44, с. 84–85, 130].

Внутри ИКМ принято выделять три вида метонимий: *знаковые* (в знаковых ИКМ, образованных комбинацией формы и концепта), *референционные* (в референционных ИКМ, образованных комбинацией вещи/события со знаком/формой/концептом) и *концептуальные* (в концептуальных ИКМ, образованных комбинацией двух концептов) [45, с. 23–28].

В отношении типов метонимических моделей принято, вслед за Дж. Лакоффом, говорить о следующем: социальные стереотипы, типичные примеры, идеалы, лучшие и худшие образцы (paragons), генераторы (generators), подмодели и яркие примеры (salient) [цит. по 34, с. 99–100]. Данная классифика-

**Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания
(на примере английской нефтегазовой терминосистемы)**

ция берёт истоки в теории прототипов Э. Рош, однако, в рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, условно классифицируя метонимические отношения в концепте «Нефтепереработка» как яркие примеры (*salient*), позволяющие по запомнившимся образцам и примерам в определённой категории судить о категории в целом.

Любая терминосистема понимается как отражение категоризации специалистом окружающей действительности. Зрелость терминосистемы определяется степенью сформированности системы понятий соответствующей области знания, вербализованной лексическими единицами терминосистемы. Нефтегазовая терминосистема является достаточно зрелой, тем не менее, постоянно пополняемой новыми языковыми единицами, номинирующими появляющиеся понятия.

ИКМ «Нефтепереработка», совокупность знаний о предмете, может включать следующие концепты или «кванты структурированного знания» в определении Е. С. Кубряковой [цит. по З, с. 24]: **оборудование, процессы, вещества, методы и приёмы, характеристики** [11, с. 296].

Приведём некоторые примеры метонимических отношений в данной ИКМ:

мотивационный признак пространственной и временной смежности понятий концептуализируется в концепте «оборудование», модель «характеристики среды и функционал => название оборудования»:

«Beebe said Northern Offshore works to maintain, service and preserve a rig's components, including the **blowout preventers* and **mud pumps*» [46, 20190513]. По словам Биба, деятельность Northern Offshore направлена на ремонт, обслуживание и консервацию компонентов платформы, включая противовыбросовое и буровое насосное оборудование.

**blowout preventers* — противовыбросовое оборудование;

**mud pump* (a high-pressure pump for circulating drilling mud through a drill pipe) [50], буровое насосное оборудование.

Концепт «характеристики и функционал среды» замещает концепт «оборудование» на основании мотивационного признака пространственной смежности.

модель «процесс => объект»:

«Batch drilling saved 5 days/well over conventional drilling, and **casing-while-drilling* saved an additional 4 days/well» [46, 20200907]. По сравнению с обычным

бурением конвейерное бурение сэкономило по 5 дней на скважину, и еще по 4 дня на скважину удалось сэкономить благодаря бурению с обсадкой.

**casing-while-drilling* — бурение с обсадкой.

«Two BHAs will drill this section with a **slim hole assembly* providing optimum hole cleaning while limiting lost circulation from increased mud weight» [46, 20200907]. Этот интервал будет пробурен двумя КНБК (компоновка нижней бурильной колонны) с установкой для бурения малогабаритных скважин, что обеспечит оптимальную очистку ствола и уменьшит поглощение бурового раствора в связи с его увеличенной плотностью.

**slim hole assembly* — установка для бурения скважин малого диаметра.

«The section will be drilled with two **bottom hole assemblies* (BHA) and a measurement while drilling (MWD) directional tool» [46, 20200907]. Интервал будет пробурен двумя КНБК и инструментом ИВБ (измерения во время бурения) для наклонного бурения.

**bottom hole assemblies* — забойный блок.

Концепт «процесс» замещает концепт «производственный объект/узел/оборудование» на основании мотивационного признака пространственной смежности.

в концепте «вещества»,

модель «название частей оборудования, процессов => название вещества»:

**bottom* — the lowest part of something [47]; the *settlings* — sediment, dirt, oil emulsified with water and free water — that accumulate in the bottom of storage tanks [49]; 1. дно, основание, нижняя часть 2. остаток от разгонки нефти, кубовой продукт [13].

**recycle* — to pass (a substance) through a system again for further treatment or use [48]; 1. рециркуляция, повторный цикл. 2. рецикловый продукт [13],

Концепт «название оборудования/процессов» замещает концепт «вещество» на основании мотивационного признака пространственной и временной смежности.

модель «имя автора изобретения => название вещества»:

Рудольф Кристиан Карл Дизель, немецкий инженер, в 1897 году изобретает дизельный двигатель. В терминологии нефтяной сферы существует лексическая единица «дизельное топливо» — **diesel* or diesel oil is the heavy oil used in a diesel engine; a diesel is a vehicle which has a diesel engine [48].

Концепт «собственное имя изобретателя» замещает концепт «название вещества» на основании мотивационного признака пространственной и временной смежности.

**в концепте «характеристики»,
модель «вес => качество»:**

«The net effect for the oil market is bullish, as the market will lose more supply from Iran, mostly of **medium-sour* and *heavy-sour* quality» [46, 20190513]. В результате на нефтяном рынке в целом наблюдается тенденция к повышению курсов, поскольку ожидается новое сокращение поставок из Ирана — в основном среднесернистой и высокосернистой нефти.

sour — 1. содержащий сероводород или химически активную серу. 2. кислый (на вкус) [13]. *Medium-sour / heavy-sour* — среднесернистый / высокосернистый.

Концепт «вес» замещает концепт «характеристика качества» на основании мотивационного признака пространственной смежности.

модель «действие => характеристика»:

«Therefore, the operating pressure needed to prevent **flashing* at the heater pass inlet is lower» [46, 20190427]. Как следствие, рабочее давление, необходимое для предотвращения вспышек на входе в проход печи, ниже.

**flashing* — мгновенное испарение, *flash* — температура вспышки [13].

Концепт «действие/процесс» замещает концепт «характеристика/наименование процесса» на основании мотивационного признака пространственной смежности.

модель «абстрактное понятие => конкретное понятие»:

«The Liza Unity will be designed to produce 220,000 b/d of oil with **associated gas-treatment capacity* of 400 MMcf/d and water injection capacity of 250,000 b/d» [46, 20190520]. Плавающая установка Liza Unity будет спроектирована с расчетом на добычу 220 000 баррелей нефти в сутки с мощностью переработки попутного газа 400 млн. кубических футов в сутки и мощностью нагнетания воды в пласт 250 000 баррелей в сутки.

**associated gas-treatment capacity* — производственная мощность переработки попутного газа.

В данном случае целесообразно говорить о регулярной метонимии: «отражая постоянное взаимодействие объектов и/или категорий, понятий, метонимия становится регулярной, создавая семантические

модели многозначных слов, часто совмещающих принципиально разные типы значения: признаковые, событийные и предметные (абстрактные и конкретные)» [41, с. 300].

Мотивационный признак причинно-следственной смежности понятий концептуализируется в:

концепте «процессы»,

модель «действие => результат действия»:

«The second part studies catalytic processes on acidic catalysts (**catalytic cracking*, *alkylation* of isoalkanes, *oligomerization*). Third and fourth parts analyze catalytic processes on metal oxides (*hydrofining*, *hydrotreating*) and on bifunctional catalysts (*hydroisomerization*, *hydrocracking*, **catalytic reforming*)» [46, 20200607].

Во второй части приведено исследование каталитических процессов с использованием кислотных катализаторов (каткрекинг, алкилирование изоалканов, олигомеризация). В третьей и четвертой частях приведен анализ каталитических процессов с использованием оксидов металлов (гидроочистка), и бифункциональных катализаторов (гидроизомеризация, гидрокрекинг, каталитический риформинг).

**catalytic reforming* is «a refining process that uses particular operating conditions and selected catalysts to convert naphthenes and paraffins to aromatics and isoparaffins.

**catalytic cracking* is a process in which complex hydrocarbons are broken down into simpler molecules» [47].

«Since its development a century ago and implementation during World War II, the coal-to-liquid process has been modified for vacuum residua applications, commonly referred to as **ebullated-bed* and *slurry-bed hydroprocessing*» [46, 20190401]. Процесс с ожигением угля был разработан столетие назад и применялся во время второй мировой войны. Позднее произошла адаптация этого процесса к переработке вакуумных остатков, и в настоящее время он часто называется процессом гидроочистки кипящим слоем и слоем взвешенного остатка.

**ebullated-bed* and *slurry-bed hydroprocessing* — гидроочистка кипящим слоем и слоем взвешенного осадка.

Концепт «действие» замещает концепт «результат действия» на основании мотивационного признака причинно-следственной смежности.

в концепте «методы и приёмы»,

**модели «действие — результат действия»
и «предмет действия => действие»:**

**Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания
(на примере английской нефтегазовой терминосистемы)**

fritting — 1. спекание (действие). 2. оплавление/металл, получаемый спеканием (результат действия) [13];

insulation — 1. изолирование (действие). 2. изоляционный материал (результат действия) [13];

melting — 1. плавление (действие). 2. плавка (результат действия) [13];

spray-coating — 1. покрытие напылением (действие). 2. напылённое покрытие (результат действия) [13];

streaming — 1. поток (предмет). 2. истечение (действие) [13];

wrapping 1. покрытие изоляционное (предмет). 2. обкладка/изоляция (действие) [13].

Возможные типы метонимических отношений внутри ИКМ объединяются в конфигурации «часть — целое», «часть–часть» [44, с. 77].

Приведём некоторые примеры холопартитивных метонимических отношений, передаваемых окказионализмами, выраженными инициальными аббревиатурами:

«ADNOC (Abu Dhabi National Oil Co.) and partners are developing nine shallow-water fields in the Ghasha project, expecting to produce more than 120,000 b/d of crude oil and condensate and 40 million cu m/day of natural gas» [46, 20200120]. «Crude oil production from horizontal wells increased at a higher rate year-to-year during the second quarter than for horizontal wells producing natural gas in the Buckeye State, the Ohio Department of Natural Resources (ODNR) reported on Sept. 3» [46, 20191021]. Abu Dhabi National Oil Co. и партнеры осуществляют разработку девяти мелководных месторождений в рамках проекта Ghasha. Занимающиеся разработкой компании ожидают, что объемы добычи превысят 120 000 баррелей нефти и конденсата в сутки и 40 млн кубических метров природного газа в сутки. Согласно отчету Департамента природных ресурсов Огайо от 3 сентября, сырая нефть по штату опережала природный газ во втором квартале по увеличению добычи из горизонтальных скважин по сравнению с предыдущим годом.

В приведённых примерах работники компании символизируют целостную структуру.

Выводы. В процессе исследования значения терминологических и лексических единиц подъязыка

отчётливо наблюдаем их двойную системность — как языковых единиц, и как вербализаторов понятий специальной сферы знаний. Для термина, лексической единицы с приобретённым статусом «термина» и фактом фиксации в отраслевом лексикографическом источнике, оказывается первичной именно понятийная организация, поскольку его семантика формируется в области специального знания и содержит информацию о научном видении мира в виде понятия. Семантику термина составляет тот когнитивный контекст или блок знаний, который стоит за конкретным наименованием: семантика термина зависит от той специальной среды, где он функционирует.

Познание окружающей действительности сопровождается образованием взаимосвязанных концептов. Метонимия, рассматриваемая как когнитивный процесс, является способом концептуализации и категоризации действительности, то есть способствует структурированию восприятия мира человеком.

Замечено, что метонимические отношения внутри ИКМ коррелируют с традиционно выделяемыми в стилистике типами метонимии. А онтологические области внутри ИКМ соотносятся с вершинами треугольника Огдена–Ричардса. Это подтверждает целесообразность совмещения традиционного и когнитивного подхода при исследовании метонимии.

Преимущество когнитивного подхода состоит в более глубоком анализе процессов, составляющих основу метонимических отношений между двумя концептами.

Метонимический перенос у узкоспециальных лексических единиц в ИКМ «Нефтепереработка» осуществляется, преимущественно, следующим образом: с вместительности на его содержимое, с действия на результат, с организации на совокупность сотрудников, с целого на часть / с части на целое, с имени автора изобретения на само изобретение.

Выявлено, что метонимия, будучи семантической деривацией, служит источником пополнения постоянно развивающейся англоязычной нефтяной терминосистемы. Мотивационными признаками для данного способа терминообразования служат потенциал понятийного пространства терминосистемы и пространственная, временная и причинно-следственная смежность понятий.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2, стереотип. М., Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Баранникова Л. И. Место терминоведения в современной научной лингвистической парадигме // Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевых терминосистем. Саратов: СГАП, 1999. С. 3–4.
3. Болдырев Н. Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 7–13.
4. Бочкарев А. Е. Семантика. Основной лексикон. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. 320 с. (серия *Studia semiotica*).
5. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса: монография. М.: Изд-во «ФЛИНТА: Наука», 2013. 224 с.
6. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.
7. Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13–18.
8. Горохова Н. В. Проблема метонимии в англоязычной терминологии трубопроводного транспорта // Известия Алтайского государственного университета. 2–1(82). 2014. С.151–155 // [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)2.1-28](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.1-28).
9. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. Язык как средство изучения познания и эволюции человека (К 10-летней годовщине появления антропологической лингвистики). М.: Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 12–25. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/7772> (дата обращения 02.12.2020).
10. Деева А. И. Содержательная структура и характерные особенности метафорического фрагмента нефтегазовой терминологической системы (на материале английского языка). Тамбов: Грамота, 2014. №10 (40): в 3-х частях. Ч. I. С. 46–53. ISSN 1997–2911.
11. Калинина С. В. Лингвистическая объективация субфрейма «процессы» (на материале английской терминологии нефтепереработки) // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сборник материалов IV Междун. науч.-практ. очно-заочной конф., 25.10.2019. Краснодар: Изд. КубГТУ, 2019. С. 293–305. 1698 с.
12. Калинина С. В., Коцюбинская Л. В. Метафорическое моделирование термина нефтяной отрасли (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 218–222 // <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.48>.
13. Кедринский В. В. Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. Изд. 6-е, стереотип. М.: РУССО, 2004. 768 с.
14. Киселева С. В., Панкратова С. А. И снова о метафоре: когнитивно-семантический анализ. СПб: Астерион, 2013. 217 с. Библиогр.: С. 196–217.
15. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с. ISBN 5–8360–0165–0.
16. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры. [Электронный ресурс]. URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/imk-2001-meta.rtf (дата обращения: 25.11.2020).
17. Клэстер А. М. Когнитивный подход к изучению межотраслевой терминосистемы // Омский научный вестник, Омск: Омский ГТУ, №4 (111), 2012. С. 171–174. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-podhod-k-izucheniyu-mezhotraslevoy-terminosistemy> (дата обращения: 04.11.2020).
18. Корякина Е. Е. Использование языка специальных целей при фреймовом анализе англоязычной терминосистемы инклюзивного образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 3 (том 1). С. 226–234.
19. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1994. Т. 53. № 2. С. 3–15.

**Метонимия как языковая репрезентация концептов отраслевого знания
(на примере английской нефтегазовой терминосистемы)**

20. Литовченко В. И. Семантические особенности термина // Сибирский журнал науки и технологий. Омск: ФГБОУВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени ак. М. Ф. Решетнева», 2006. №2 (9). С. 185–186. ISSN 2587–6066.
21. Милькевич Е. С. Когнитивные принципы, управляющие регулярной метонимией // Известия южного федерального университета. Филологические науки. № 2. 2016. С. 124–131 // <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2016-2-124-131>.
22. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. М.: Изд-во «Наука», 1987. 144 с.
23. Николаев С. Г., Моргунова М. Н. Термин и профессионализм: к специфике метафоризации (на материале английской лексики бизнеса) // Научная мысль Кавказа. 2017. №1. УДК 811.11 — 112. С. 106–113 // <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2017-89-1-106-113>.
24. Новодранова В. Ф. Когнитивное терминоведение // Татаринов В. А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Московский лицей», 2006. С. 80–84.
25. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 191 с.
26. Принципы и методы семантических исследований / Ред. кол.: В. Н. Ярцева, Г. В. Колшанский, В. Н. Телия. М.: Наука, 1976. 380 с.
27. Пушкарев Е. А. О структуре идеализированной когнитивной модели при метонимизации // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2015. С. 16–21.
28. Ревина Ю. Н. Когнитивные исследования в области терминоведения. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/25318/1/avfn_2013_38.pdf. (дата обращения 09.11.2020).
29. Резинкин А.Ю. Когнитивные подходы к изучению метонимии // Мир науки, культуры, образования. № 6 (31) 2001. С.33–35.
30. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Москва: Издательство АСТ, 2020. 960 с., ил. (Наследие эпох).
31. Сидельников Ю. Г., Подорванова Я. С. Метафора как средство образования медицинских терминов (на материале французской прессы) // Научные ведомости. Гуманитарные науки. 2014. №6 (177). Вып. № 21. С. 116–121.
32. Сулейманова А. К., Сабитова Н. Г. Лексико-семантические процессы в терминологии: метафора в терминологии архитектуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №7 (73): в 3–4 частях. Ч. II. С. 169–171. ISSN 1997–2911.
33. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6–е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
34. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н. Л. Сухачева. СПб, 2000. – 202 с.
35. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Классические теории, новые подходы. — М.: Изд. Дом «Языки славянских культур», 2018. — 392 с.
36. Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм. М.: Московский лицей, 2006. 526 с.
37. Трофимова Ю. М. Реконструкция празначения и логико-семантические процессы на синтаксическом уровне // Лексическая и синтаксическая семантика: Межвуз. сб. научн. тр. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1989. С. 102–110.
38. Хвостенко А. А. Построение идеализированных когнитивных моделей на примере термина кровного родства «мать» // Язык и культура. 2015. № 20. С. 129–135.
39. Хижняк С. П. Когнитивная проблематика в общей теории термина: [монография] / С. П. Хижняк. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. 172 с.
40. Шарафутдинова, Н. С. Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме / Н. С. Шарафутдинова. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 204 с.
41. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2–е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.: ил.

42. Bocorny Finatto Maria Jose. Metaphors in scientific and technical languages: challenges and perspective. D.E.L.T.A., 26: especial, 2010. P. 645–656.
43. Dylan Glynn. Conceptual Metonymy. A Study in Cognitive Models, Reference–Points, and Domain Boundaries // Poznan Studies in Contemporary Linguistics. April 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/260300211_Conceptual_Metonymy_A_Study_in_Cognitive_Models_Reference-Points_and_Domain_Boundaries (дата обращения 25.12.2020).
44. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. The University of Chicago Press. 1987. U.S.A. ISBN 0–226–46803–8. 614 p.
45. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and Thought / Ed. by. R.–U. Panther, G. Radden. Amsterdam; John Benjamin Publishing, 1999. P. 17–59. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/284894262_Towards_a_Theory_of_Metonymy (дата обращения: 05.08.2020).
46. Oil and Gas Journal. International Petroleum News and Technology. PennWell Corporation, Tulsa, USA. January, 2019 — November, 2020. ISSN 1944–9151. [Электронный ресурс]. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/20201214/MobilePagedReplica.actionutm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=TXOGJO201211003&utm_content=gtxcel&pm=2&folio=Cover#pg1.
47. <https://dictionary.cambridge.org>
48. <https://www.collinsdictionary.com>
49. <https://glossary.oilfield.slb.com>
50. <https://www.lexico.com>

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ/ LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

УДК 81.161.1; 81.276.5

DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10211

Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса. Категория «тыжюрист» в аспекте профессиональной идентификации

ХУСТЕНКО Анастасия Анатольевна

Инженер–исследователь, аспирант

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия

khustenko@tpu.ru

orcid.org/0000–0001–6352–2971

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90049/20

Аннотация: В статье рассматривается неофициальный профессиональный юридический дискурс как сложное и многогранное явление, одним из параметров описания которого является языковая игра, выступающая необходимым рычагом, создающим бинарные оппозиции, с помощью которых дискурс артикулирует субъектов и антисубъектов. Процесс отождествления субъекта дискурса с теми или иными стереотипными характеристиками раскрывает сущность профессиональной идентификации. Одной из ведущих стратегий профессиональной идентификации выступает ирония. В статье был проведен анализ высказываний, в которых выражены субъектные значения специфической идеализированной профессиональной категории «тыжюрист» и установлены релевантные для данной категории стереотипные установки. В соответствии с шестиуровневой моделью анализа иронии, предложенной С. Аттардо, были установлены противоположные значения, отождествление с которыми составляет суть процесса дискурсивной идентификации.

Полученные результаты дают представление о том, что стереотипные характеристики, с которыми себя идентифицирует профессиональный субъект, носят преимущественно личностный характер, преобладающий над идеализированным профессиональным, что свидетельствует об одной из наметившихся тенденций в неофициальном юридическом дискурсе, и со временем могут повлиять на строй соответствующего профессионального дискурса.

Ключевые слова: юридический дискурс, неофициальный юридический дискурс, идентификация, ирония

Для цитирования: Хустенко А. А. Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса. Категория «тыжюрист» в аспекте профессиональной идентификации // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 97–102. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10211

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

The idealized subject of legal informal discourse. «Тыжюрист» in the aspect of professional identity

USTENKO Anastasia Anatolyevna

Research Engineer, post-graduate student

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk Polytechnic University», Tomsk, Russia

khustenko@tpu.ru

orcid.org/0000-0001-6352-2971

Abstract: The article focuses on the informal professional legal discourse as a complex phenomenon, one of the parameters of the description of which is the language game as a necessary lever that creates binary oppositions, involved in building of discourse identities. One of the effective strategies of professional identification is irony. The article examines a number of utterances expressed subjective values of a specific idealized professional category «Тыжюрист». The analysis revealed the stereotypical attitudes relevant to this category. In accordance with the six-level model of irony analysis proposed by S. Attardo, we found the opposite meanings that represent the essence of the process of discursive identification.

The findings indicate that the stereotypical characteristics with which a professional subject identifies himself have mostly a personal nature, prevailing over an idealized professional one, which suggest the emerging trends in informal legal discourse, which over time can affect the structure of the corresponding professional discourse.

Keywords: legal discourse, informal legal discourse, identification, irony

For citation: Ustenko A.A. (2021) The idealized subject of legal informal discourse. «Тыжюрист» in the aspect of professional identity. Service plus, 15 (2), 97-102. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10211 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Профессиональный дискурс вызывает интерес исследователей на протяжении нескольких десятилетий и стал объектом исследования большинства гуманитарных наук. Разработке вопросов, связанных с юридическим профессиональным дискурсом посвящены работы Л. В. Колесниковой (2007), О. В. Косоноговой (2008), Е. А. Кожемякина (2011), Л. А. Борисовой (2016), А. В. Чернышева (2016), М. Н. Федуловой (2017), Т. Н. Хомутовой, Е. А. Шеффер (2019). Сложность феномена определяет множественность подходов в его исследовании. Юридический дискурс изучается с позиций дискурсанализа, прагматики, теории коммуникации, текстологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, и в рамках социолингвистического подхода.

В настоящем исследовании мы будем опираться на теоретические источники, разработанные в рамках социально-конструктивистского и критического дискурс-аналитического подходов, юридический профессиональный дискурс будет интерпретирован как

форма профессиональной практики, включающая совокупность вербальных и невербальных высказываний, а также экстралингвистических факторов, которая конституирует профессиональную среду и конституируется в других профессиональных практиках.

Несмотря на то, что исследование профессиональных языков является активно развивающимся направлением лингвистики, неофициальная профессиональная коммуникация представляет собой наименее разработанную область. Отдельные попытки исследования неофициальной коммуникации в русских профессиональных дискурсах представлены в работах О. В. Фельде [6], Д. В. Казаковой [4], Е. В. Воевода, Э. В. Абрамовой, И. И. Орловой и на материале других языков (А. В. Алексеева, О. В. Полевая). Остается открытым вопрос о статусе неофициальных дискурсов и параметрах их типологизации.

Для решения задач типологизации неофициального юридического дискурса (ЮНД) и установления его границ в отношении соответствующего професси-

**Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса.
Категория «тыжюрист» в аспекте профессиональной идентификации**

онального дискурса нами была разработана лингво-когнитивная модель, в основе которой лежат теоретические критерии дискурс-анализа, разработанные Т. ван Дейком [2], в частности, обращение к когнитивным моделям в понимании языка и дискурса, которые обуславливают способы коммуникации.

Когнитивная модель юридического официально- и неофициального дискурса представляет собой схему, первый уровень которой соотносится с социальным и коммуникативным контекстом, второй составляет базу текста (поверхностной структуры дискурса).

Было установлено, что выражение одной из категорий схемы когнитивной модели юридического дискурса (ситуации, времени, места, участников, действий, объектов, макроструктур и т. д.) при одновременных значительных отклонениях от стереотипных форм и способов выражения на текстовом уровне от шаблонов официального дискурса дают нам основания для выделения неофициального юридического дискурса.

Следовательно, неофициальный юридический дискурс является зеркальным отражением профессионального дискурса, репродуцируя категории профессиональной когнитивной модели, но отличается в плане выражения на всех уровнях языка от принятых шаблонов в официальном юридическом дискурсе.

Постановка проблемы. Понятие идентичности является центральным в дискурсаналитических исследованиях, ученые, следуя принципам постструктурализма (М. Фуко) и социального конструкционизма (В. Барр, К. Герген), трактуют его как продукт социальной и дискурсивной деятельности.

Теоретические представления о конструировании идентичности нашли выражение в теории социальной идентичности (Г. Тэджфела и Дж. Тернера), теории множественности идентичностей (С. Страйкера и П. Берка). В центре внимания интеракционистских теорий лежит взаимодействие как основной способ социального конституирования субъектов (Д. Х. Мид, Г. Блюмер, Э. Гоффман). Т. ван Дейк в рамках критического дискурс-анализа ставит вопрос о включении когнитивного плана при анализе процессов социальной идентификации (Т. ван Дейк). Оппонентами когнитивного подхода выступают представители дискурсивной психологии С. Хестер и П. Еггин; Ч. Антаки и С. Уиддикомб, Д. Эдвардс и другие. Проблемы

идентичности широко представлены в исследованиях российских ученых, посвященных дискурсивным практикам: в коммуникации и медиапространстве (А. С. Фролова), феномен виртуальной идентичности (Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов), с позиции социологии и психологии поведения (В. Н. Киселев, А. М. Сосновская, А. А. Старцев) и другие. Проблема описания идентичности в юридическом дискурсе нашла отражение в работах Н. В. Исаевой, Е. Н. Тонковой, И. Л. Честновой, Е. А. Кожемякина, в компаративном аспекте — в исследовании О. А. Крапивкиной.

Теоретическим основанием, объединяющим все дискурсаналитические подходы, служит представление о том, что дискурс конституирует субъекты, объекты и социальную практику, а «идентичности сконструированы на базе различных, изменчивых дискурсивных ресурсов — таким образом, они рациональны, не завершены и нестабильны, но не полностью открыты» [7, с. 189].

Профессиональная идентичность рассматривается как разновидность социальной, и выражает, с одной стороны, представление человека о своем месте в профессиональном сообществе, с другой стороны, о месте своего профессионального сообщества в системе социальных отношений. «Профессиональная идентификация — это процесс самоотождествления с другими представителями профессиональной среды (реальной или идеальной) на основе устоявшихся эмоциональных связей, обеспечивающих стабилизацию профессиональной деятельности и профессионального развития» [5].

Гипотеза исследования состоит в том, что профессиональная идентичность дискурсно реализуется посредством оценок, определенных стереотипных установок, формирующих идеологию, создаваемых индивидуумами в процессе профессионального взаимодействия [3]. Представленные теоретические взгляды ученых на проблему профессиональной идентичности и процесса идентификации, позволили прийти к рабочему определению профессиональной идентичности — как совокупности стереотипных характеристик, соотносящихся с той или иной профессиональной фигурой, преобладающих в обществе в конкретный исторический момент. Процесс отождествления/ дистанцирования субъекта дискурса с теми или иными стереотипными характеристиками раскрывает сущность профессиональной идентификации.

В связи с чем, требуют дополнительного теоретического освещения стратегии и многоуровневые способы конструирования идентичностей для каждого специфического дискурса. Одной из ведущих стратегий профессиональной идентификации выступает ирония. Таким образом, можно предположить, что, посредством иронии выстраиваются оппозиции скриптов, которые можно рассматривать как «узловые точки» [7, с. 84] в соответствии с дискурс-аналитическим подходом к анализу. Следовательно, ирония является тем необходимым рычагом, создающим бинарные оппозиции, с помощью которых дискурс артикулирует субъектов и антисубъектов, расставляет нужные акценты и заявляет о должном или, наоборот, неприемлемом.

Целью статьи является установление стереотипных характеристик, выраженных в категории ЮНД «тыжюрист», отождествление с которыми составляет суть процесса профессиональной идентификации.

Объектом исследования является неофициальный юридический дискурс.

Предметом исследования являются ирония как стратегия профессиональной идентификации.

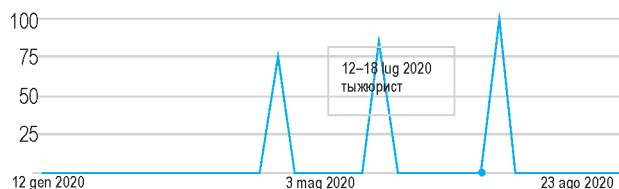
История вопроса. Неофициальный профессиональный юридический дискурс представляет собой сложное и многогранное явление, одним из параметров описания которого является языковая игра. Под термином «языковая игра» в исследовании будет пониматься «набор различных средств языковой реализации когнитивных механизмов юмора и остроумного, который отграничивает остроумное от других видов нарушения языковой нормы по интенциональному критерию» [1, с. 183].

Изучение феномена языковой игры берет истоки в античности, и на протяжении веков продолжает находиться в поле зрения различных гуманитарных наук, в связи с чем неоднозначно решается вопрос о соотношении таких понятий, как собственно языковая игра, юмор, ирония, сарказм. На данный момент развития парадигмы знания не выработано единой и однозначной терминологической системы и критериев разграничения разных видов языковой игры, а также нет единого мнения относительно жанровой системы. Значительный вклад в развитие теории юмора внесли (Raskin, 1985; Morreall, 1983; Oring, 1992; Ruch, 1998; Davies, 1990; Attardo, 1994). Не существует общепринятой теории юмора, объясняющей

«что смешно, почему смешно, как смешно, когда смешно и кому смешно» [11, с. 5].

Методы. В исследовании мы будем опираться на модель исследования иронии, разработанную С. Аттардо [8, с. 1240], который, ссылаясь в свою очередь на современные исследования (Attardo, 2000, 2002) утверждает, что теоретически невозможно провести различие между иронией и сарказмом; соответственно, термины используются взаимозаменяемо. В соответствии с теорией С. Аттардо ирония описывается в рамках шестимерной (шестикомпонентной) модели $\langle S, H, C, u, p, p' \rangle$, где говорящий/ субъект (S) произносит высказывание (U) в контексте (C), имея в виду утверждение p, но подразумевая, что слушающий (H) поймет p'. Следовательно, U неуместен в контекстуальном отношении, поэтому создается противоречие между пресуппозициями, реализующимися в контексте C, которые являются общими и S и H, и пресуппозициями U (см. Attardo (2000); и H прекрасно распознает эту неуместность. Кроме того, H не рассматривает это как случайность или неспособность S (например, если S-ребенок или нарушено его речевое поведение и т. д.). Чтобы объяснить и осмыслить неуместность U субъекта S, H запускает «абдуктивный процесс», в котором он / она «угадывает», что S подразумевает (p'), принимая во внимание U, p, C, а также кооперативный принцип Грайса [8, с. 1240].

Результаты исследования. Всего по запросу «тыжюрист» было обнаружено 100 высказываний. Для анализа нами была проведена выборка высказываний, в которых выражены субъектные значения специфической идеализированной профессиональной категории «тыжюрист», которая составила около 20.

Специфика высказываний состоит в том, что диалогичность выражена как в форме диалога (S S1), так и монологического высказывания (S). От лица субъекта (S) — любого члена общества в форме нарратива выражаются стереотипные представления о неких

**Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса.
Категория «тыжюрист» в аспекте профессиональной идентификации**

качествах, присущих профессиональной фигуре — юристу (S1).

Благодаря иронии стереотипные качества (р), выраженные в высказывании (U), интерпретируются нами (H) с точностью наоборот (р'), и именно с этим новым набором антикачеств себя идентифицирует субъект (S1). При этом скрипты двух высказываний (р) и (р') находятся в отношениях оппозиции. Скрипт или сценарий — «это обогащенный, структурированный фрагмент семантической информации, связанный со значением слова и вызываемый конкретными словами. Скрипт является также когнитивной структурой, усвоенной носителем языка, и представляет собой знание носителем языка о небольшой части мира. Формально или структурно каждый скрипт представляет собой граф (слот) с лексическими узлами (терминалами) и семантическими связями между узлами» [11, с. 81]. Таким образом, ирония выступает тем самым механизмом создания противоречия в плане выражения «особых» качеств, приписываемых субъекту юридического дискурса.

Рассмотрим пресуппозиции, выраженные категорией «тыжюрист» и определим противоположные значения, которые в свою очередь формируют противоположную категорию и отождествление с которыми составляет суть процесса дискурсивной идентификации. Среди наиболее релевантных стереотипных установок можно выделить следующие:

1) (р) Юрист знает любой правовой вопрос;

а) *У тебя всегда с собой конституция, уголовный кодекс и закон о защите прав потребителей. Иначе как ты ходишь в магазин? Тыжюрист!*

(р') Юрист не знает ответов, сначала он должен изучить вопрос, опираясь на кодексы и законы;

б) — *Скажи мне: «а сколько дадут за убийство», «что делать если не выплатили зарплату» и «как требовать свои алименты с мужа». Тыжюрист!*

— *конечно скажу! Ведь абсолютно не важен профиль тыжюриста. Тыжюрист обязан хранить в своей памяти все кодексы, законы, подзаконные и ведомственные нормативные акты, дабы, как в америкосовских фильмах, шпарить номера статей и сами статьи наизусть в любое необходимое для этого время. Хоть ночью разбуди. А если тыжюрист так не может, надо сделать разочарованное лицо и сказать: «Нуу, тыжюрист!»*

(р') Юрист а) имеет определенную специализацию; б) не знает наизусть кодексы и законы;

2) (р) Юрист обязан помочь в любой ситуации;

в) — *Помоги мне: я попал в аварию, затопил сосед, ко мне домой пришел участковый и нашел что-то запрещенное, мне позвонили и сказали, что убьют моего сына если я не положу в мусорный бак 50000 р. Тыжюрист!*

— *Короче, если у тебя есть друг тыжюрист, то он просто обязан сделать все возможное если у тебя есть проблемы с законом.*

(р') Юрист не всегда может/ хочет помогать;

4) (р) Юристы неоправданно богаты;

г) — *А правда, что ты гребешь деньги лопатой! Тыжюрист!*

— *да, правда! Тыжюрист вообще богатые люди, ведь их профессия одна из высокооплачиваемых. И не важно где он работает — курьером от налоговой или юрисконсультантом при президенте. Кстати, ни у кого нет лопаты побольше?*

(р') Не все юристы богаты;

5) (р) Юристов нужно бояться;

д) *«Тыжюриста все боятся. Ведь за оскорбление человека «тоже есть статья и за нее дадут». Поэтому все его любят и никогда не говорят гадости. Тем более за спиной. Иначе он выследит и убьет, это же тыжюрист! Он знает как замести следы и посадить кого-нибудь».*

(р') Юристов не нужно бояться.

Выводы. Представленная модель идентификации субъекта в ЮНД является весьма продуктивной, о чем свидетельствует растущее число иронических высказываний, созданных по этой модели. Во всех проанализированных высказываниях ирония выступает ведущей стратегией, позволяющей нам правильно интерпретировать существующие в общественном сознании стереотипные характеристики в отношении идеализированной профессиональной фигуры юриста.

В статье были проанализированы пресуппозиции, выраженные категорией «тыжюрист» в соответствии с шестиуровневой моделью, предложенной С. Аттардо, и выявлены противоположные значения, которые, в свою очередь, формируют категорию и отождествление с которыми составляет суть процесса дискурсивной идентификации. Релевантными для профессиональной идентификации являются следующие стереотипные установки: юрист не знает ответов, сначала он должен изучить вопрос, опираясь на кодексы и законы; а) имеет определенную специализацию;

б) не знает наизусть кодексы и законы; не всегда может/ хочет помогать; не все юристы богаты; юристов не нужно бояться.

Полученные результаты дают представление о том, что стереотипные характеристики, с которыми себя идентифицирует субъект носят преимуще-

ственно личностный характер, преобладающий над идеализированным профессиональным. Выявленная тенденция задает вектор развития в неофициальном юридическом дискурсе и со временем может повлиять на строй соответствующего профессионального дискурса.

Список литературы

1. Антонио И. А. Терминология комического в лингвистических исследованиях. Опыт интерпретации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 — русский язык. [Место защиты: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина]. — Москва, 2009.
2. ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
3. ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.
4. Казакова Д. В. Категория комического в медицинском дискурсе : автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19; [Место защиты: Кемер. гос. ун-т]. — Кемерово, 2013. — 20 с.
5. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — С. 8–47 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://studfile.net/preview/7203064/>
6. Фельде О.В. Комическое в профессиональном дискурсе // Речевое общение: специализированный вестник. — Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. — Красноярск, 2011. — С. 210—211.
7. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. // Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 354 с.
8. Attardo, Salvatore, Eisterhold, Jodi, Boxer, Diana (2006) Reactions to irony in discourse: evidence for the least disruption principle. August 2006; *Journal of Pragmatics* 38(8): pp. 1239–1256.
9. Attardo, Salvatore (2000). Irony as relevant inappropriateness. *Journal of Pragmatics* 32 (2000) pp. 793–825
10. Attardo, Salvatore, 2002. Humor, irony and their communication: from mode adoption to failure of detection. In: Anolli, Luigi, Ciceri, Rita, Riva, Giuseppe (Eds.), *Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication*. IOS Press, Amsterdam, pp. 159–179.
11. Raskin, V. (1985). *Semantic mechanisms of humor*. Dordrecht, Netherlands: D. Reidel.

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ/ LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

УДК 811.111; 81.373.43

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10212

Факторы возникновения неологизмов в англоязычном педагогическом дискурсе

ВАХИТОВА Эльвира Вильдановна

аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Факультета филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, Россия, г. Екатеринбург

E-mail: elvahitova@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5728-8645>

Author ID:

ДЗЮБА Елена Вячеславовна

д. ф. н., профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Факультета филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, Россия, г. Екатеринбург

E-mail: ev_dziuba@uspu.me

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Author ID: 311785

Аннотация: В статье подчеркивается актуальность изучения неологизмов современного англоязычного педагогического дискурса. Отмечается закономерность выбора данного типа дискурса для выявления экстралингвистических и интралингвистических факторов развития языка (образование всегда являлось одной из ключевых детерминант развития общества, а основные характеристики образования: его открытость и мульти- или точнее — метадисциплинарность, — оказываются особенно актуальными в эпоху цифровизации). Формулируется цель исследования — выявить наиболее актуальные факторы внеязыковой действительности, способствующие образованию неологизмов в англоязычном педагогическом дискурсе. С привлечением общенаучных и собственно лингвистических методов и приемов анализа (общенаучные: описательный метод, включающий в себя наблюдение, интерпретацию, обобщение и классификацию анализируемого материала; лингвистические: контекстуальный анализ, основанный на синтагматических связях изучаемых единиц лексики и учитывающий влияние контекста на значение; дискурсивный анализ, позволяющий установить социокультурные факторы влияния на образование неологизмов в педагогической коммуникации) на примере некоторых неологизмов, используемых в британских и американских источниках, выделяются следующие экстралингвистические факторы образования неологизмов: экономический (*grannybank*, *education mortgage*, *school poor*), социальный (*dropout factories*, *bullycide*, *bully proofing*, *bully-free*), фактор изменения психолого-педагогической среды (*helicopter parents*, *teacup*) и фактор дигитализации образования (*transliteracy*, *Wikipedia kid*). Указывается, что выделенные факторы влияют на сферу образования новой лексики в современном педагогическом дискурсе. Подчеркивается, что семантический и лингвопрагматический анализ неологизмов позволяет, с одной стороны, выявить некоторые закономерности развития языка, с другой стороны, проследить сущностные изменения, свойственные самому языковому коллективу.

Ключевые слова: педагогический дискурс; англоязычный педагогический дискурс; неология; неологизмы; экстралингвистические факторы формирования неологизмов

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895.

Для цитирования: Вахитова Э.В., Дзюба Е.В. Факторы возникновения неологизмов в англоязычном педагогическом дискурсе // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 103-107. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10212

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Factors influencing neologisms genesis in the English pedagogical discourse

VAKHITOVA Elvira Vildanovna

Post-graduate Student, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University
Russia, Ekaterinburg

DZIUBA Elena Vyacheslavovna

Doctor of Philology, Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University
Russia, Ekaterinburg

Abstract: The article emphasizes the urgency of neologisms analysis in contemporary English language pedagogical discourse. The choice of this discourse type to identify extralinguistic and intralinguistic factors of language development is explained (education has always been the main determinant of society development; its basic characteristics are openness and multi-, or to be more exact, meta-disciplinary nature that are especially relevant in the digital transformation period). The goal of this research is to single out the most relevant factors of extralinguistic reality that stimulate neologisms formation in the English language pedagogical discourse. The following general scientific and linguistic methods have been used: general scientific methods — descriptive method that includes observation, interpretation, generalization and classification of the analyzed material; linguistic methods — contextual analysis based on syntagmatic relations between the lexical units with regard to the influence of the context upon the word meaning; discourse analysis that allows to identify socio-cultural factors that influence coinage of new words and phrases in pedagogical communication. On the basis of some neologisms used in the British and American sources, it is possible to single out the following extralinguistic factors in neologisms formation: economic (*grannybank, education mortgage, school poor*), social (*dropout factories, bullycide, bully proofing, bully-free*), the factor of psychological and pedagogical environment transformation (*helicopter parents, teacup*) and the factor of digital transformation of education (*transliteracy, Wikipedia kid*). It is argued that these factors influence the sphere of modern words formation in pedagogical discourse. It is underlined that semantic and linguo-pragmatic analysis of neologisms helps, on the one hand, to reveal certain tendencies in language development, and on the other hand, to track the essential changes typical of the language community.

Keywords: pedagogical discourse; English language pedagogical discourse; neology; neologism; extralinguistic factors of neologisms formation

Acknowledgments: the research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-013-00895.

For citation: Vakhitova E.V., Dziuba E.V. (2021) Factors influencing neologisms genesis in the English pedagogical discourse. Service plus, 15 (2), 103-107. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10212 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

О непрерывном изменении языка неустанно упоминают не только труды теоретиков прошлого и современных исследователей, но и регулярно обновляющиеся словари неологизмов и даже набирающая популярность практика выбора «Слова года». По данным американской компании «The Global Language Monitor», занимающейся сбором, анализом и выявлением трендов современного английского языка, ежегодно возникает примерно 5 400 новых слов, из них только около 1 000 (широко используемых населением) попадает в печатные издания [6]. Данный факт еще раз подтверждает, что лексическая система языка является наиболее подвижной, она меняется вместе с развитием языкового коллектива.

Специфика неологизмов такова, что они отражают реально функционирующий язык, поэтому уже давно была констатирована необходимость их исследования для выявления современных тенденций развития языка. Очевиден также факт социального влияния на язык: функционально-прагматические характеристики неологизмов позволяют выявить основные тенденции социокультурного развития самого общества. В настоящее время заметно значительное обогащение лексической системы педагогического дискурса за счет неологизмов, что, с одной стороны, отражает влияние определенных социокультурных факторов на развитие взаимоотношений субъектов образовательного процесса, с другой стороны, обнажает действие внутренних закономерностей развития языка.

Теоретические основы неологии в отечественном языкознании были заложены еще в XIX веке в работах А. А. Потебни, А. М. Селищева, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского и др. Тем не менее, формирование неологии в отдельную лингвистическую специализацию произошло только во второй половине нашего столетия, этот процесс связывают с именами С. И. Алаторцевой, А. А. Брагиной, Т. Н. Буцевой, Р. А. Будагова, В. Г. Гака, Е. А. Земской, В. Г. Костомарова, В. В. Лопатина, А. Г. Лыкова, Р. Ю. Намитковой, И. Ф. Протченко, Е. В. Розен, Н. И. Фельдман, Эр. Ханпиры и др. [2, с. 8].

Исследование неологизмов в настоящее время приобретает актуальность в свете новой когнитивно-семасиологической парадигмы. Когнитивный подход позволяет рассматривать неологизмы на уровне изменения языковой картины мира. Так А. Рэй подчеркивает социальный и прагматический аспекты нео-

логии, ссылаясь на Л. Гилберта, который утверждал, что «создание неологизма нельзя рассматривать, не принимая во внимание конкретного создателя, его интегрированность в общество и тот дискурс, в рамках которого он само выражается в конкретной ситуации» [5, p. 66].

Известно, что сам процесс неологизации обусловлен экстралингвистическими и внутрilingвистическими факторами. Действие внутрilingвистических факторов обусловлено «стремлением к обобщению, тенденциями к регулярности внутрilingвистических отношений, дифференциации, употреблению более экспрессивных значений известных явлений, а также законами аналогии и языковой экономии» [1, с. 123]. Факторы экстралингвального характера требуют от языка выполнения его номинативной функции. Воздействие новых вещей, явлений, воззрений являются «первыми внешними силами, ведущими к изменению словарного состава языка» [2, с. 13].

Данное исследование посвящено изучению неологизмов в англоязычном педагогическом дискурсе конца XX — начала XXI вв. Цель состоит в выявлении факторов внеязыковой действительности, способствующих образованию неологизмов в англоязычном педагогическом дискурсе. Выбор проблемы изучения неологизмов в данном типе дискурса не случаен: образование всегда являлось одной из ключевых детерминант развития общества, а основные характеристики образования (его открытость и мультидисциплинарность) особенно актуальны в эпоху цифровизации.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: изучить англоязычные тексты педагогической направленности и данные словарей неологизмов с целью отбора языкового материала; произвести анализ языкового материала с учетом факторов влияния внеязыковой действительности на образование неологизмов в англоязычном педагогическом дискурсе.

В ходе исследования в **методологическом плане** применялся следующий комплекс общенаучных и частных методов и приемов анализа: описательный метод, включающий в себя наблюдение, интерпретацию, обобщение и классификацию анализируемого материала; контекстуальный анализ, основанный на синтагматических связях изучаемых единиц лексикологии и учитывающий влияние контекста на значение; дискурсивный анализ, позволяющий установить со-

циокультурные факторы влияния на образование неологизмов в педагогической коммуникации.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие факторы воздействия внеязыковой реальности на лексическую систему английского языка.

Экономический фактор. Последствия мирового экономического кризиса отразились, в частности, на стоимости обучения. Высокая стоимость высшего образования спровоцировала появление неологизма *grannybank* «savings held by grandparents and used to pay for their grandchildren's education, first home, and other expenses» (накопленные бабушками и дедушками сбережения на покупку первого жилья, оплату образования и иных расходов своих внуков) [3]. Но далеко не все бабушки и дедушки способны оплатить обучение своим внукам. Еще одним способом оплаты обучения является получение *education mortgage* (кредита в банке): студенты вынуждены оформлять кредит на образование на столь долгий срок, что его стали сравнивать с ипотекой (*mortgage*), отсюда и произошло составное наименование из двух слов *education* (образование) и *mortgage* (ипотека).

В 1995 году британская газета «Daily Report Card» писала: «... these factors have resulted in 'education mortgages,' where students begin their careers in debt and are unable to invest in education for the next generation» (эти факторы привели к «education mortgage»; ситуации, когда студенты начинают свою карьеру, погрязнув в долгах, и не в состоянии инвестировать в образование последующих поколений) [7].

Проблемы с оплатой обучения испытывают и родители школьников, в результате появился неологизм *school poor*, образованный по аналогии с *house poor* (человек, тратящий значительную часть своего дохода на содержание недвижимости). Таким образом, *school poor* описывает родителей, испытывающих финансовые трудности по причине посещения их ребенком дорогой школы. В 2014 году американская газета «The Washington Post» указывала на этот факт: «... indeed, the school-poor families are probably the ones who are sacrificing the most for their children's educations» (в действительности родители, тратящие значительную часть своего дохода на обучение детей в школе, жертвуют ради этого обучения больше всего) [7].

Социальный фактор. Описанная выше жертвенность родителей ради обучения детей в платной шко-

ле продиктована, как правило, социальной необходимостью. Дифференциация стоимости недвижимости приводит к образованию целых районов, которые считаются неблагоприятными. Школы в таких районах на современном английском языке принято называть *dropout factories*, ведь максимальный процент выпускников таких школ составляет лишь 60%. Американское издание «The New York Times» в 2007 году писало: «there are nearly 1,000 high schools where more than half of the students won't graduate — they're called 'dropout factories'» (существует около 1.000 старших школ, в которых половина студентов не выпустится, они называются «dropout factories») [7].

Значительный пласт неологизмов связан с темой психологической травли школьников и студентов. Так неологизм *bullycide* обозначает запугивание ребенка, подтолкнувшее его к самоубийству. Американская газета «Norfolk Daily News» в 2007 отмечала: «Jared High was 13 when he committed suicide (now often referred to as bullycide) in 1998 after being bullied at school» (в 1998 году тринадцатилетний Джаред Хай совершил самоубийство (которое сейчас часто называют «bullycide») из-за психологической травли в школе) [7]. Еще одним видом психологического давления является *allergy bullying* (запугивание одноклассника обещаниями накормить его едой, на которую у него аллергия). Так шотландский таблоид «Sunday Mail» в 2007 писал: «she said any cases of allergy bullying would be «regrettable», but believed it was rare in primary schools» (она сказала, что случаи «allergy bullying» прискорбное явление, однако (по ее убеждению) они происходят редко) [7].

В ответ на проблему травли появилось два неологизма *bully proofing* и *bully-free*. Новообразование *bully proofing* (учебный план, составленный таким образом, чтобы уменьшить и искоренить психологическое давление сверстников) фигурировало в статье американского издания «The Denver Post» в 2001 году: «suddenly, 'bullyproofing' was the new buzzword in public education» (неожиданно, «bullyproofing» стало модным словечком в области государственного образования) [7]. Прилагательное *bully-free* используется для описания школ, в которых отсутствует психологическая травля сверстниками [4].

Фактор изменения психолого-педагогической среды. Данный фактор влияния на формирование неологизмов обусловлен с изменениями во взглядах

на воспитание. Например, родителя, который словно вертолет нависает над своим ребенком, дабы неустанно контролировать его, называют *helicopter parent*. В 2003 году газета «USA Today» писала: «...known as Generation Y or simply the children of soccer moms, these boomers are confident, achievement-oriented and used to hovering «helicopter» parents keeping tabs on their every move» (также известное как поколение Y или просто дети мамаш-наседок. Эти дети уверены в себе, нацелены на успех и привыкли к тому, что их «helicopter parents» следят за каждым их движением) [7]. Как результат подобной чрезмерной опеки появилось поколение детей с хрупкой психикой. Такого студента колледжа, которого легко вывести из состояния равновесия называют *teacup* (по аналогии с чайной чашкой). Самое раннее упоминание принадлежит американской газете «Los Angeles Times», которая в 2002 году фиксировала: «the teacups break because they literally don't know when to eat, and what to eat and when to sleep» («teacups» ломаются, потому что (в буквальном смысле) не знают, когда и что нужно есть, а когда нужно спать» [7].

Фактор дигитализации сферы образования.

Значительная группа неологизмов связана с цифровизацией (здесь используется термин *дигитализация*, предполагающий перевод информации в цифровой формат). Примером может служить ранее существующее слово *transliteracy*. Однако если раньше этот термин использовался для обозначения работы с печатным текстом, то теперь оно обозначает навыки грамотной работы в том числе с электронными материалами.

С процессом цифровизации огромных объемов информации, возникла проблема в рациональном ее использовании. Чрезмерное злоупотребление ресурсами интернета-сети при выполнении домашнего задания породило проблему *Wikipedia kid* (так называют учащегося со слабо развитыми навыками анализа информации, не приученного размышлять самостоятельно). Британский «The Times Educational Supplement» в 2009 году писал: «as an English professor at Algonquin College in Ottawa, I was very impressed by the report's neologism: «Wikipedia kids»» (будучи профессором в Алгонкинском колледже в Оттаве, я был очень поражен использованным в отчете неологизмом «Wikipedia kids») [7].

В настоящее время фиксируется значительное пополнение лексического состава, актуального для педагогического дискурса, за счет неологизмов. На примере контекстуального анализа некоторых англоязычных новообразований, функционирующих в современном британском и американском педагогическом дискурсе, отмечен ряд экстралингвистических факторов влияния на образование неологизмов (экономический, социальный, фактор изменения психолого-педагогической среды и фактор дигитализации образования). Указанные тенденции современной английской неологии демонстрируют, что образовательная сфера в настоящее время претерпевает существенные изменения; фиксация же неологизмов педагогического дискурса, их семантический и лингвопрагматический анализ позволяют, с одной стороны, выявить некоторые закономерности развития языка, с другой стороны, проследить некоторые существенные изменения, свойственные самому языковому коллективу.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Логос, 2001. 302 с.
2. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 354 с. DOI: 10.17513/np.171.
3. Academic Dictionaries and Encyclopedias [Electronic resource]. URL: <http://www.enacademic.com/> (accessed: 28.12.2020).
4. Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed: 28.12.2020).
5. Rey A. Essays on Terminology. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 223 p. DOI: 10.1075/btl.9.
6. Global Language Monitor [Electronic resource]. URL: <https://languagemonitor.com/> (accessed: 28.12.2020).
7. Wordspy [Electronic resource]. URL: <https://www.wordspy.com/> (accessed: 28.12.2020).

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ/ LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

УДК 811.111; 81.367.632

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10213

Когнитивный аспект английского артикля в медицинском дискурсе

ТЫМЧУК Елена Викторовнад. филол. н., профессор кафедры иностранных языков Института фундаментальных наук
Кубанского государственного технологического университета, Россия, г. Краснодар

E-mail: timchuk_elena@mail.ru

ORCID 0000-0002-9015-135X

SPIN 5124-8676

Аннотация. Статья посвящена когнитивному аспекту английских артиклей в медицинском дискурсе современного английского языка. В ней рассматриваются особенности употребления артиклей с названиями некоторых инфекционных болезней, которые были причиной пандемий в прошлом и, как показывает современный опыт, могут представлять реальную угрозу для человечества в настоящем и в будущем.

В статье делается предположение о том, что в современном английском дискурсе названия этих инфекционных болезней получили или могут получать особое дейктическое оформление — определённый артикль, указывающий на эмоциональное восприятие этих болезней англоговорящим социумом как болезней, особенно губительных не только для одного человека, но и для человеческого общества в целом. Таким образом, отмечается, что метасемиотическая функция определённого артикля, придающая ему дополнительный смысл, делает артикль маркером особого эмоционального восприятия дискурса и отраженной в нём действительности.

В статье раскрываются причины вариативности в оформлении названий опасных инфекционных болезней (определённый артикль/нулевой артикль), которые в современных грамматиках английского языка трактуются как исключения. Показывается зависимость такой вариативности от исторических и социолингвистических факторов, а также характера медицинского дискурса — является ли он абстрактным перечнем особенностей данной болезни или справочником для читателя-непрофессионала, делающим акцент на эмоциональном опыте англоговорящей языковой личности.

В статье делается вывод о когнитивных причинах особого дейктического оформления названия важнейшей инфекционной болезни нашего времени — коронавируса, который вызвал пандемию в современном мире и является настоящей угрозой благополучию человечества. Отмечается, что эмоциональное восприятие этой болезни в англоговорящем обществе напоминает то, что можно было наблюдать в отношении гриппа (испанского гриппа 1918–1920 гг.) и чумы, несколько раз опустошавшей европейские страны в средние века и в новое время. Такое восприятие особенно характерно для начального периода пандемии коронавируса, когда болезнь казалась непонятной и неизлечимой. Именно эти факторы — невозможность понять и научно объяснить болезнь, которая за короткое время могла убить большое количество людей — лежат в основе острой эмоциональной реакции на коронавирус в англоговорящем сообществе в начальном периоде пандемии. Именно эта эмоциональная реакция зафиксирована в употреблении определённого артикля с названием этой болезни в апреле – мае 2020 года.

Ключевые слова: определённый артикль, нулевой артикль, неопределённый артикль, медицинский дискурс, названия инфекционных болезней, эмоциональный дейксис, дейктические слова

Для цитирования: Тымчук Е. В. Когнитивный аспект английского артикля в медицинском дискурсе // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 108–114. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10213

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

The cognitive aspect of English articles in medical discourse

TYMCHUK Elena Victorovna

Doctor of Philology, professor at the Department of Foreign Languages, Institute of Fundamental Science, Kuban State Technological University, Russia, Krasnodar

E-mail: timchuk_elena@mail.ru

ORCID 0000–0002–9015–135X

SPIN 5124–8676

Abstract. The paper is devoted to the cognitive aspect of English articles in contemporary English medical discourse. It considers the use of articles with the names of some infectious diseases that caused pandemics in the past and may, for obvious reason, pose a serious danger to mankind at present and in the future.

It is assumed that in modern English discourse the names of the given infectious diseases have acquired or may acquire a special deictic form — the definite article that indicates the highly emotional perception of those diseases by English speaking community as particularly dangerous not only for a single person but for mankind as a whole. Thus, it is stated that the metasemiotic function of the definite article that gives the noun a supplementary meaning makes it a marker of discourse emotional perception.

The paper determines the difference in deictic forms of names for dangerous infectious diseases (the definite article/the zero article) that are treated in modern English grammars as exceptions. It has been shown that this variation depends on historical and sociolinguistic factors as well as on the kind of medical discourse — whether it is an abstract list of specific symptoms of the disease or a reference book for a non-professional that refers to the emotional experience of the English speaking person.

The paper concludes that the variation in deictic form of the name of the disease (the coronavirus/coronavirus) that caused the present pandemic and has become a real threat to the well-being of mankind can be explained by purely cognitive reasons. It is stated that the emotional perception of this disease in the English speaking society at the beginning of the pandemic when it seemed to be a deadly and incurable illness is similar to the one that could be observed in the past in relation to the Spanish flu of 1918–1920 or the plague that several times depopulated European countries in the Middle Ages and in the 17th century. Such attitude to the disease is typical of English speaking society at the beginning of the pandemic. It is this emotional perception that was fixed in the use of the definite article with the name of the disease in publications of that period.

Key words: definite article, «zero» article, indefinite article, medical discourse, names of infectious diseases, emotional deixis, deictic words

For citation: Tymchuk E.V. (2021) The cognitive aspect of English articles in medical discourse. Service plus, 15 (2), 108–114. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10213 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Известно, что употребление артиклей с названиями болезней в современном английском языке представляет собой сложное и неоднородное явление, которое в одних случаях допускает употребление трёх артиклей, включая нулевой, а в других требует использования только определённого артикля или нулевого (the) measles или проявляет особую предрасположенность к определённому артиклю the plague. В эпоху коронавирусной пандемии и появления инфекции, которая с февраля 20-го года затронула и заставила заговорить о себе буквально каждого человека, представляется целесообразным с точки зрения лингвистической науки посмотреть на это явление в когнитивно-семантическом аспекте. Необходимо проанализировать, как восприятие новой реальности — инфекционной болезни, вызвавшей пандемию, отражается в сознании англоязычного общества и в его языке.

Постановка проблемы. В современном англоязычном дискурсе тема, связанная с коронавирусной пандемией, освещается очень широко и эмоционально, поскольку основные англоговорящие социумы — американское и британское общество — понесли и несут от этой болезни значительные человеческие и экономические потери. При этом особое эмоциональное восприятие данной инфекции и эмоциональная реакция общества неизбежно отражаются с помощью специфических средств эмоционального выделения, выработанных в ходе развития английским языком в двух его основных вариантах — британском и американском. Речь, прежде всего, идёт о категории артикля и его способности выступать в современном английском языке в качестве своеобразного маркера эмоционального восприятия фактов окружающей действительности, т.е. эмоционального дейксиса. Эту особенность английский артикль получил в процессе расширения категории артикля за счёт вовлечения в оппозицию положительных артиклей значимого нуля (так называемого «нулевого артикля») по аналогии с нулевым суффиксом или нулевой флексией. Несмотря на всю сложность и абстрактность такого лингвистического понятия как «нулевое служебное слово», его аналогия с грамматическими флексиями в их выраженном и невыраженном виде оказывается весьма продуктивной и полезной в современном английском языке, так как позволяет выразить целый спектр дополнительных смыслов, в том числе, эмоционально окрашенных.

Анализ последних исследований и публикаций, в которой рассматривались аспекты этой проблемы. Проблема «субъективной категоризации» с помощью структуры «артикль + существительное» подробно исследовалась в докторской диссертации Е. А. Долгиной с позиций метасемиотики и лингвостилистики на материале художественной литературы, а также рассматривалась этим автором как лингводидактическая проблема [3, с. 27–47]. В этом случае можно говорить о субъективной категоризации, которая свойственна языковой личности [1, с. 169] автора художественного произведения или языковой личности людей, изучающих английский язык. Современный медицинский дискурс, как показал анализ материала, также может характеризоваться «субъективной категоризацией» с помощью структуры «артикль + существительное», которая свойственна данному языковому социуму. Однако до сих пор медицинский дискурс оставался за пределами таких исследований.

Цели и задачи. Основная цель проведенного исследования — показать уникальность системы артиклей в английском языке в когнитивно-семантическом плане на примере их сочетания с номинативными лексемами — названиями инфекционных болезней, указать на возможность их использования в плане ментального и эмоционального представления инфекционных болезней, которое характерно для англоговорящего языкового сообщества.

Методы исследования. В работе используются такие общепринятые методы языковедческого исследования, как семантический анализ, включающий интерпретацию значения слова в контексте предложения и текста, метод дискурсивного анализа значения, охватывающий более широкий контекст, выходящий за пределы отдельного высказывания или текста как логической и композиционной цепочки высказываний. Семантический анализ лексем и их служебных определителей также включает элементы диахронического исследования, дополняющего и углубляющего синхроническое исследование вопроса. Для оценки эмоциональной функции артиклей используется метод лингвостилистического анализа, позволяющий указать на новое метасемиотическое содержание исследуемых дейктических единиц — артиклей [3, с.28].

Основная часть. Общеизвестно, что появление значащего «нуля» в оппозиции английских артиклей

позволило значительно расширить семантические возможности двух положительных артиклей — определённого и неопределённого и представить выражение значения обобщения и абстрагирования как отдельную категориальную форму. Этот факт является особенностью исторического развития именно английского языка [5, с. 120–121.]. В других родственных языках — в языках германской и романской подгрупп — вряд ли можно говорить о существовании служебного «нулевого слова», которое наделено функцией указания на номинативный характер слова в речи, т.е. является грамматическим определителем существительного. Несмотря на все попытки внедрить в грамматику некоторых из этих языков понятие «нулевого артикля» [6, с. 60], речь скорее идёт о структурном и стилистическом блокировании употребления положительных артиклей, т.е. стилистических или синтаксических запретах на употребление определённого артикля или неопределённого артикля [7, с. 20–43].

В отличие от всех других европейских языков, имеющих артикль, в английском языке нулевой артикль является полноправным членом категории артикля и её оппозиций. В когнитивно-семантическом плане он отражает ту языковую ментальность и то видение мира, которые характерны для английского языкового сообщества новейшего периода. Широкому употреблению «значащего нуля» стало способствовать развитие научного дискурса, который характеризуется развитием семантики обобщения при абстрагировании от конкретного и единичного значения в процессе образования терминов и понятий. С одной стороны, в некоторых языках с артиклями, например, во французском языке и немецком языке, развитие научного дискурса усилило позиции определённого артикля и расширило сферу его применения. Он стал использоваться в новой роли — для обозначения абстрактных понятий при образовании терминов. Например, сравните нем. die Medizin, die Psychologie, фр. la médecine, la psychologie и англ. medicine, psychology с тем же значением указанного направления научной деятельности. С другой стороны, в английском языке появление оппозиции «определённый артикль — нулевой артикль» расширило семантические возможности определённого артикля, прежде всего, в функции эмоционального выделения, делая определённый артикль в английском языке дополнительным маркером эмоционального

выделения и показателем «субъективной категоризации мира» [1, с. 27].

Употребление нулевого артикля связано в английском языке со значением абстрагирования и обобщения, а употребление определённого артикля с указанием на что-либо значимое, узнаваемое для данного языкового сообщества или говорящего, так называемая, «ориентирующая функция языка» [1, с. 482; 4, с. 85]. Это наблюдается в тех случаях, где есть своеобразные «колебания» в выборе определённого или нулевого артикля. К таким случаям, например, относятся названия некоторых инфекционных болезней: *(the) smallpox, (the) mumps, (the) measles*, где вариации в выборе артикля в современном английском языке трактуются как исключения. Вместе с тем вариативность в выборе артикля здесь может быть связана с особым осмыслением и эмоциональным видением действительности, в данном случае, с особым восприятием болезни, страхом перед ней.

В истории человеческой цивилизации болезни всегда являлись важной стороной жизни человека, особенно когда часть болезней переходили в эпидемии и разрастались до уровня пандемий. В этом случае они представляли реальную угрозу существованию не только отдельного больного, но и человеческого общества в целом, что и обуславливало особое эмоциональное восприятие этих событий всем языковым сообществом и находило своё выражение в языке. Покажем это на примере употребления в английском языке определённого и нулевого артиклей при указании на различные болезни.

Известно, что современный английский язык неоднозначно трактует такое употребление. Английские названия таких грозных болезней, как рак (*cancer*), диабет (*diabetes*), пневмония (*pneumonia*), болезнь Альцгеймера (*Alzheimer's disease*), болезнь Паркинсона (*Parkinson's disease*), инфаркт (*heart stroke*), несмотря на всю серьёзность и опасность этих болезней для человечества, никогда не выделяются эмоционально, например, с помощью определённого артикля и чаще всего употребляются как термины. Например:

People with diabetes should check with their physicians to see if they need to adjust their medication or their diets. ... [8, p. 111]

Pneumonia may be caused by bacteria, viruses or other organisms, or by physical or chemical irritants. ... [8, p. 267]

*The major risk factors for cancer are [8, p. 67]
A benign tumor is not considered cancer [8, p. 68]*

Treatment for ischemic stroke that begins within 4 hours can incorporate drugs to dissolve the blocking blood clot, minimizing or preventing of having damage to the brain. ... [8, p. 315]

Stroke strikes about 700,000 Americans each year. ... [8, p. 315]

Как видно из приведенных примеров, названия болезней, имеющих латинскую основу или народное наименование, как правило, легко превращаются в термин и употребляются только с нулевым артиклем. Если название болезни представляет собой результат воздействия на орган человека (*heart attack*) и сохраняет прозрачную внутреннюю форму или указывает на единичный случай недомогания, то такое название болезни оформляется положительными артиклями:

Experienced emergency care personnel can usually diagnose a heart attack simply by looking at the patient. ... [8, p. 156]

These sometimes occur days or weeks before the heart attack. ... [8, p. 156]

... more than doubles the risk of having a heart attack right after an episode of anger. ... [8, p. 156]

... ischemia can lead to a heart attack. ... [8, p. 156]

It is important to seek medical attention without delay at the first indication that a stroke may be occurring. ... [8, p. 315]

В то же самое время известно, что некоторые болезни могут употребляться только с определённым артиклем или с нулевым артиклем. Это, прежде всего, касается инфекционных пандемических болезней, вызывающих у людей неподдельный ужас. *The flu, (the) measles, (the) mumps, the plague* — это свидетельство того эмоционального шока, который вызвали эти пандемии, когда отсутствовали средства лечения и предупреждения этих болезней

The flu is considerably more debilitating than the common cold. ... [8, p. 92]

...but even if they do contract the flu, the vaccine diminishes the severity and helps prevent complications. ... [8, p. 91]

The virus strains used to make the vaccine are inactivated and will not cause the flu. ... [8, p. 91]

In 1976, there was a slightly increased risk of developing Guillain-Barré syndrome, a very rare disorder, associated with the swine flu. [8, p. 91]

Лишь после разработки вакцин и лекарств в обществе появляется более спокойное восприятие этих болезней, когда под воздействием общей тенденции превращения названий болезни в медицинские термины появляется употребление нулевого артикля, указывающее на высокую степень абстракции и обобщения:

To prevent flu, a homeopathic remedy called Oscilloccinum may be taken ... [8, p.91]

Наиболее показательным примером «терминологизации» названия болезни является употребление артиклем со словом '*plague*', которое, как известно из художественной и публицистической английской литературы времён «чёрной смерти» *the Black Death*, всегда вселяло в людей страх смерти и поэтому название болезни неизменно сопровождалось определённым артиклем:

Probably more than one-third of the entire population of Britain died, and fewer than one person in ten who caught the plague managed to survive it. [10, p. 46].

... some towns were almost completely deserted until the plague itself died out. [10, p. 46].

This was the terrible plague, known as the Black Death, which reached almost every part of Britain during 1348–1349. [10, p. 46].

В современной исторической и энциклопедической литературе традиционное употребление определённого артикля со словом *plague* составляет большую часть случаев:

The plague did not entirely disappear but entered a long phase of withdrawal with occasional local outbreaks ... [10, p. 63]

It was within this already precarious situation that the plague once again crossed into Europe. [10, p.63]

The plague had taken hold among the Tartars of Asia Minor. [10, p. 63]

The besieging army soon was ravaged by the plague and decided to leave. [10, p. 63]

Medical historians believe that the plague can spread in several ways but that it was the pneumonic or respiratory form that accounted for most of the deaths ... [10, p. 63].

В последнем примере слово *plague* имеет обобщающее значение, но, тем не менее, оно употребляется с определённым артиклем в отличие от названий других болезней, которые стали медицинскими терминами и употребляются в медицинской литературе с нулевым артиклем. Например, названия болезней *smallpox* и *measles* в следующем примере:

A vaccine for chickenpox became available in the United States in 1995. [10, p.63]

Smallpox and measles came first, both causing high mortality within populations that had not been previously exposed. [10, p.63]

Процесс превращения слова с конкретным значением в абстракцию (термин) является очень продуктивным в современном английском языке, в том числе, в современном медицинском дискурсе, когда идёт указание на обобщенное (научное) понимание болезни, а не на массовые случаи её проявления, эпидемии, которые невозможно было предотвратить или остановить. В этом случае названия болезней, которые в повседневной жизни обычно употребляются с определённым артиклем, свидетельствующим об особом эмоциональном восприятии этой болезни в прошлом, могут оформляться нулевым артиклем и превращаться в термин, т.е. подвергаться процессу «терминологизации». В современных энциклопедиях, посвящённых медицинской тематике, такие употребления уже не редки:

Initial signs and symptoms of plague may be nonspecific, with fever, chills, headache, malaise, musculoskeletal pains, nausea, and weakness leading to prostration. Persons with bubonic plague, the most common form of plague, typically develop painful, swollen lymph nodes near the site of an infective flea bite. Less common forms of plague can infect the bloodstream (septicemic plague), the lungs (pneumonic plague), the throat (pharyngeal plague), or the coverings of the brain (meningeal plague). [9, p. 926].

Как видно из приведённого отрывка, все случаи употребления слова *plague* оформлены нулевым артиклем даже тогда, когда речь идёт о разновидностях этой болезни, и можно было бы говорить о противопоставлении разных видов болезни друг другу. То же самое можно сказать о *the flu*, где *the* — это напоминание об ужасе «испанки» – испанского гриппа, когда человечество оказалось беззащитным перед эпидемией, унёсшей больше жизней, чем первая мировая

война. Определённый артикль в *the flu* показывает, что эта болезнь вызвала в англоговорящем сообществе такую же эмоциональную реакцию, как в свое время чума.

Интересно отметить, что новый вирус, коронавирус, весной 2020 вызвал такую же реакцию англоговорящего сообщества.

After the news that Prince Charles has tested positive for the coronavirus with the two meetings 16 days ago at Westminster Abbey ... [www.independent.co.uk]

The UK' Prince Charles has tested positive for the coronavirus, displaying mild symptoms ... [www.bbc.co.uk>news]

Prince Charles has tested positive for the coronavirus... [www.westerntelegraph.co.uk]

Такое употребление определённого артикля вполне соответствует тому, что мы наблюдали в отношении англоговорящего сообщества к ужасным событиям — эпидемиям чумы и эпидемии испанки 1918 года и сложившимся в языке употреблениями определённого артикля для указания на эмоциональное восприятие этих болезней (*the plague, the flu*). Уже осенью 2020 появились вакцины и лекарственные средства и ситуация с восприятием новой инфекционной болезни кардинально изменилась: врачи научились её лечить и предупреждать. Поэтому в настоящее время нулевой артикль со словом *coronavirus* является доминирующим. Более часто употребляется термин *corvid-19*.

Выводы. Таким образом, необычное метасемiotическое употребление определённого артикля с названиями некоторых инфекционных болезней свидетельствует о сильной эмоциональной реакции англоговорящего общества на смертельные угрозы, которые представляли и представляют для человечества некоторые инфекционные болезни. Они также показывают, что определённый артикль в современном английском языке является важнейшим маркером эмоционального дейксиса.

Список литературы

1. Азарова Л. Понятие языковой личности в лингвистике. // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 2017. Vol. 35, Sec. FF, p. 169–180. — Lublin, Polonia.
2. Бимакова Р. Р., Мельгунова А. Г. Теоретическое обоснование изучения артикля с позиции ориентирующей функции языка (на примере английского языка). // *Global & Regional Research*, № 2, 2020. Vol. 2. Baikal State Univ., Irkutsk. P. 482–487.

3. Долгина Е. А. Артиклевые формы имени существительного в когнитивно-грамматической категоризации современного английского языка. Автореф. дисс. докт. филол. н., М., 2010. — 55 с.
4. Дружинин А. С., Песина С. А. Ориентирующая функция английского языка// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4–1 (82), Тамбов, Грамота, с. 85–88.
5. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка. М., 2000.
6. Чайковская Р. А. Артикль в испанском языке. М.: НВИ-Тезаурус, 2002. — 62 с.
7. Magidova I. M., Tymchuk E. V. English Articles as Deictic Words. M.: MAX Press, 2004. P. 1–84.
8. The Encyclopedia of Men's Health. Facts on File, inc. 2005. — 365 p.
9. The International Encyclopedia of Public Health, vol. 3, Elsevier, 2008.
10. The Encyclopedia of Death and Dying, Macmillan, 2003.

ЛЕКСИКА. НЕЙТРАЛЬНАЯ, СПЕЦИАЛЬНАЯ, ЭКСПРЕССИВНАЯ/ LEXICS. NEUTRAL, SPECIAL PURPOSE, EXPRESSIVE

УДК 811.111; 81.367.625

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10214

Семантическая вариативность конструкций с глаголом 'break'

МЕДВЕДЕВА Светлана Николаевна

ассистент кафедры теории и практики английского языка и перевода,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: medvedeva.s@unecon.ru

ORCID 0000-0002-6694-8385

Личный идентификатор РИНЦ 6543-9089

Аннотация: Статья посвящена семантической вариативности конструкций с глаголом *break* и выполнена в русле конструкционного подхода к изучению языка. Настоящая работа ставит своей целью комплексное описание семантической вариативности конструкций с ядерным компонентом *break*. Предметом данного исследования являются результативные значения предикативной конструкции с глаголом *break*. В рамках статьи были выдвинуты следующие гипотезы: (1) лексическое ядро предикативной конструкции модифицирует свое значение под воздействием семантики вариативного компонента конструкции; (2) глагол *break* может употребляться с прилагательными в квазиинтранзитивном значении и обозначать переход в определенное состояние. Актуальность работы обусловлена интересом исследователей к проблемам применения количественных методов и корпусных баз данных к описанию функционирования глагольных единиц. Новизна настоящей работы заключается в возможности оценить релевантность рассматриваемых в исследованиях дефиниций глагола *break* и при необходимости актуализировать систему его значений. Исследование проводилось на материале корпусной базы данных Corpus of Contemporary American English. Формирование материала исследования производилось методом сплошной выборки в сочетании с контекстуальным анализом. Следующий этап исследования включал в себя структурно-функциональную классификацию конструкций с глаголом *break*. Определение способов семантического варьирования конструкций осуществлялось методом семантической кластеризации коллокатов с последующей интерпретацией результативных значений. В итоге, было обнаружено, что в конструкциях с глаголом *break* присутствует сема внезапного, резкого или интенсивного изменения, в связи с чем данные конструкции часто встречаются в контексте политической или военной деятельности. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в преподавании иностранных языков и актуализации лексикографических ресурсов. Поскольку в настоящей работе было установлено, что в конструкциях *break + прилагательное + существительное* прилагательные могут носить как упорядоченный, так и случайный характер, отдельная публикация будет посвящена факторам, определяющим наличие системности среди коллокатов-прилагательных.

Ключевые слова: конструкции с глаголом *break*, конструкционная грамматика, семантическая вариативность, корпусные базы данных, семантика конструкций, семантическая модификация

Благодарность: Автор статьи выражает свою благодарность доктору филологических наук, профессору Ивановой Светлане Викторовне за неоценимую помощь в написании данной работы.

Для цитирования: Медведева С.Н. Семантическая вариативность конструкций с глаголом 'break' // Сервис Plus. 2021. Т.15. № 2. С. 115–123. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10214

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Semantic variability of constructions with the verb 'to break'

Svetlana MEDVEDEVA

no degree, instructor of the Department of theory and practice of the English language and translation, Saint-Petersburg State University of Economics, Russia, Saint-Petersburg

Abstract: The paper focuses on semantic variability of constructions with the verb *to break*. The subject of the research is resultative meanings of the constructions with the verb *break*. In the paper the following hypotheses were developed: the meaning of a lexical nucleus in a predicative construction is modified by the semantics of a variable component in the construction; the verb *break* + adjective is used in quasi-transitive meaning and describes a transition into a certain state. The relevance of the work is determined by researchers' interest in the problems of using quantitative methods and corpora for describing functionality of verbs. The novelty of the paper consists in the possibility to estimate the relevant character of the definitions of the verb *to break* and the system of meanings represented in the corpus. The language material was selected by way of continuous sampling from the COCA and contextual analysis. The next stage of the research implied structural and functional classification of the constructions with the verb *to break*. Semantic variability of the constructions was established with the help of semantic clusterisation of the collocates. It was found that the verb '*to break*' retains the seme of a sudden, fast and violent change which leads to its frequent use in political and military context. While adjectives in *break* + adjective + noun constructions can either be divided into certain semantic clusters or be used at random, the further research will focus on studying the factors which determine regularities in adjective semantics in *break* + adjective + noun constructions.

Keywords: constructions with the verb *break*, construction grammar, semantic variability, corpus databases, constructional semantics, semantic modification

Acknowledgements: I would like to express my gratitude to *Ph.D. Ivanova Svetlana Viktorovna* for providing me with her valuable guidance in conducting the research.

For citation: Medvedeva S.N. (2021) Semantic variability of constructions with the verb 'to break'. *Service plus*, 15 (2), 115–123. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10214 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Настоящее исследование выполнено в русле конструкционного подхода к изучению языка, ключевым положением которого является идея о том, что язык представляет собой систему взаимосвязанных конструкций, или конструктикон.

Становление конструкционного подхода к изучению языка пришлось на 50-е годы XX века и по времени совпало с появлением кибернетики и информатики — сферами научно-прикладных исследований, связанных с управлением информацией, включающем ее получение, обработку и хранение. Развитие компьютерных технологий и языков программирования позволило исследователям обратиться к вопросам функционирования естественных языков как средств осуществления коммуникации.

Еще одним фактором, обусловившим развитие конструкционного подхода, является когнитивная революция, которая привела к радикальным измене-

ниям интеллектуального ландшафта и ознаменовала появление современной научной парадигмы, основанной на антропоцентризме, междисциплинарности и обращении к изучению скрытых от непосредственного наблюдения когнитивных процессов.

Важно отметить, что современные исследования в области грамматики конструкций, или конструкционной грамматики, также невозможно представить без корпусных баз данных. Так, Т. Ю. Павельева определяет корпус как «своеобразную модель языка <...>. Под ним [лингвистическим корпусом] принято понимать организованный массив отобранных и размеченных по определенной методике и представленном в электронном виде текстов» [6, с. 56]. Корпусные базы данных не только позволяют исследователям проводить статистическую обработку фактического языкового материала, но и изучать тренды стилистического и регистрового варьирования тех или иных

языковых единиц. Кроме того, «важным преимуществом корпуса текстов является то, что языковые данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме» [6, с. 57].

До появления конструкционного подхода процесс порождения высказываний уподоблялся конструированию сложных структур из более простых. Долгое время модель языковой компетенции представляли как состоящую из двух взаимообособленных блоков — лексики и грамматики. Важно отметить, что в этой модели идиоматические выражения занимали маргинальное положение и воспринимались как приложение к лексике. С одной стороны, они являлись сложными лексическими единицами, значение которых не могло быть сведено к механической сумме значений их компонентов, с другой стороны, эти компоненты были организованы в соответствии с грамматическими правилами, а иногда и вовсе противоречили им, как, например, выражения *at the very bottom, many a day*. Некомпозициональная семантика и условная подчиненность идиоматических выражений грамматическим правилам составляли ключевую проблему традиционной лексико-грамматической модели.

Тем не менее, необходимо отметить, что конструкционную грамматику следует рассматривать как альтернативный подход к изучению языковой системы, так как в работах по конструкционной грамматике исследователи в той или иной мере обращаются к терминологии и понятиям, ранее разработанным в рамках лексико-грамматической модели. Таким образом, конструкционная грамматика не ставит своей целью не столько отвергнуть предшествовавшую модель, сколько переосмыслить ее.

С появлением корпусных баз данных было установлено, что идиоматические выражения обладают высокой частотностью и, по мнению А. Голдберг, «пронизывают всю языковую систему» [11], в связи с чем их скромный статус «приложения к лексике» в лексико-грамматической модели недостаточно точно отражает принципы функционирования языковой системы. Понимание языка как массива слов, которые подчиняются грамматическим правилам, приводит тому, что И. В. Петросян называет «ложным пониманием того, как 'работает' язык» [7, с. 170]. Данные, полученные из корпусов, показывают, «что на любом языке невозможно говорить отдельными словами и что в производстве речи носители языка

пользуются воспроизводимыми словарными блоками» [7, с. 170]. С точки зрения конструкционной грамматики этими воспроизводимыми блоками как раз и являются конструкции.

В современных исследованиях в области конструкционной грамматики конструкция — это минимальная операционная единица конструктивона. В отличие от своего традиционного определения в рамках лексико-грамматической модели, в конструкционной грамматике понятие «конструкция» обладает рядом характерных признаков:

1. Конструкция — это минимальная динамичная единица языковой компетенции, формирование и актуализация которой происходит во взаимосвязи с языковым опытом говорящего. При этом в понятие языковой компетенции входит понимание контекста, который трактуется как «совокупность текстового опыта человека, а тем самым — знание языка (на основании опыта по восприятию и порождению текстов)» [8, с. 572].

2. Конструкция сочетает в себе языковую форму и значение [11, с. 5]. Такое определение понятия «конструкция» позволяет включить в сферу исследований по конструкционной грамматике не только сложные языковые единицы уровня словосочетаний, но и отдельные слова, поскольку они также обладают собственными формой и значением. Комплексные языковые единицы относятся к синтаксическим конструкциям, в то время как отдельные слова рассматриваются в качестве морфологических конструкций.

3. Конструкция обладает лингвокогнитивной природой. Именно на уровне конструкции происходит кодирование и декодирование языковой информации, ее хранение и обработка.

4. Множество частных конструкций могут быть сведены к более общей конструкции, или конструктивному паттерну.

5. С точки зрения структурной организации конструкция — это комбинация целевого слова и слотов, заполняемых регулярными контекстными маркерами [4].

6. Ингерентными характеристиками конструкции являются идиоматичность формы и идиоматичность значения, или фразеологичность [1, с. 4].

7. Дж. Тейлор [16] также предлагает включить в понятие конструкции такие определяющие параметры, как частотность и конвенционализованность, которые позволят рассматривать в рамках кон-

структурных регулярных выражения 'How are you?', 'How do you do?', 'How old is he?' и многие другие. Кроме того, параметр частотности указывает на тесную связь конструкционного подхода с корпусными базами данных.

8. Как отмечает М. Хилперт, «конструкции — это не просто устойчивые выражения» [13, с. 22]. Конструкции допускают как структурную, так и семантическую вариативность, которые в той или иной степени говорят об их продуктивности. Именно это свойство обеспечивает динамику языковой системы, ее развитие.

Тем не менее, необходимо добавить, что на сегодняшний день в исследованиях по конструкционной грамматике можно наблюдать как разнообразие в применяемой терминологии, так и понятийные расхождения. Терминологическая нестабильность конструкционной грамматики свидетельствует о том, что данное направление исследований можно считать относительно новым.

Так, Е. В. Ягунова и Л. М. Пивоварова отмечают, что «понимание терминов 'коллокация' и 'конструкция' оказывается различным в зависимости от выбора той или иной парадигмы исследования. Во многих случаях одни и те же единицы могут быть названы и 'коллокацией', и 'конструкцией'» [8, с. 569]. О «необходимости унифицировать понимание основополагающих понятий 'слово', 'словосочетание', 'коллокация', 'сочетаемость'» применительно к созданию коллокационного словаря также говорится в исследовании И. В. Петросян [7, с. 170].

Несомненно, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике предпринимаются попытки определить и тем самым разграничить данные понятия. При этом в каждом исследовании предлагается несколько способов решения данной проблемы. Так, К. Круппебахер указывает на то, что, несмотря на внушительное число исследований, понятие «конструкция» по-прежнему не получило однозначного определения [14, с. 3] и предлагает переосмыслить и разработать принципиально новое определение для термина «конструкция». В свою очередь, А. Штефанович и Ш. Грис [15], работая над статистическими методами измерения аттракции и репульсии компонентов конструкции, ввели в конструкционную грамматику понятие «коллострукции».

Актуальность данной работы обусловлена интересом к проблемам применения лингвостатистиче-

ских методов и корпусных баз данных к описанию функционирования глагольных единиц (далее: ГЕ) в составе идиолектов [3], изучению каузативности и декаузативности широкозначных ГЕ [2], а также моделированию их семантики. Так, комплексному описанию семантики глагола *break* посвящено исследование И. А. Скрипак, С. Н. Айназаровой, А. Е. Ткаченко «Семантическая структура многозначного глагола в современном английском языке (на примере глагола *to break*)» [5, с. 184–189]. Важно отметить, что описание системы значений данной ГЕ было произведено на основе дефиниций, представленных в электронном словаре Longman Dictionary of Contemporary English, который приводит 20 возможных значений глагола *break*. Анализ системы значений глагола позволил исследователям прийти к выводу, что значения данной ГЕ организованы по принципу гнезда и включают в себя как прямую, так и метафорическую номинацию действия.

Новизна настоящей работы заключается в возможности оценить релевантность рассматриваемых в исследованиях дефиниций глагола *break* и при необходимости актуализировать систему его значений на основании информации, представленной в корпусной базе данных Corpus of Contemporary American English (COCA). О значимости корпусных баз данных для современных исследований в области лингвистики говорится в статье «От коллокаций к конструкциям» Е. В. Ягуновой и Л. М. Пивоваровой, которые отмечают, что «в современной лингвистике, ориентированной, с одной стороны, на функциональность и антропоцентричность описания, а с другой стороны — на возможности корпусных исследований, уже практически очевидна необходимость использования основных положений грамматики конструкций и близких к ней научных направлений» [8, с. 570].

Целью настоящего исследования является определение путей семантического варьирования глагола *break* под влиянием семантики коллокатов правого контекста — прилагательных и существительных. При этом под правым контекстом понимаются наиболее частотные коллокаты, которые находятся в постпозиции к лексической константе, или ядру конструкции — глаголу *break*. Под конструкцией мы понимаем синтаксическую структуру с фиксированным лексическим элементом, для которой характерна определенная частота встречаемости в корпусной базе данных.

Семантическая вариативность конструкций с глаголом 'break'

Рассматриваемая проблема предполагает постановку следующих гипотез:

1. Глагол *break* способен влиять на результативное значение конструкции, однако не является ее семантической доминантой. Иными словами, лексическое ядро предикативной конструкции модифицирует свое значение под воздействием семантики вариативного компонента.
2. Глагол *break* может употребляться с прилагательными в квазиинтранзитивном значении и обозначать переход в определенное состояние.

В рамках данного исследования были поставлены следующие задачи:

1. Сформировать поисковой запрос в корпусной базе данных Corpus of Contemporary American English.
2. Создать первичную сплошную выборку исследовательского материала.
3. Произвести контекстуальный анализ конструкций с целью формирования качественной выборки исследовательского материала.
4. Выполнить классификацию конструкций с учетом их структурно-функциональной специфики.
5. Произвести семантическую кластеризацию правоконтекстных коллокатов — прилагательных и существительных.
6. Интерпретировать результативные значения конструкции с глагольной единицей *break*.

Данное исследование было выполнено на материале сбалансированной корпусной базы данных Corpus of Contemporary American English (COCA) общим объемом 1 млрд. слов, которая включает в себя устные и письменные тексты различных жанров, опубликованные за период с 1990 по 2020 год.

Первичная выборка исследовательского материала производилась путем составления запроса BREAK ADJ, где BREAK — это лемматизированная форма глагола, включающая все его грамматические значения, ADJ — все прилагательные, стоящие справа от глагола *break*.

В первичную выборку было включено 6294 конструкции, которые в зависимости от их структурно-функциональных особенностей были разделены на три категории: конструкции с прилагательным в предикативной, атрибутивной и адъективной функции. Для конструкций с прилагательным в предикативной функции характерно отсутствие прямого

дополнения, выраженного существительным, благодаря чему глагол *break* приобретает непереходное значение. Таким образом, мы можем наблюдать прямую зависимость прилагательного в предикативной функции от ядра конструкции — глагола *break*, который подвергается семантической модификации под воздействием семантики прилагательного-коллоката. Общим значением этого класса конструкций можно считать внезапное и радикальное изменение состояния или ситуации. При наличии одушевленного субъекта, который выступает носителем действия, глагол *break* имплицитно содержит информацию об усилиях субъекта перейти в целевое состояние или удержаться, остаться в нем (*break free* — 'вырваться на свободу'; *break clean* — 'порвать с чем-либо, добить'; *break good* — 'сохранить лицо, выстоять, показать себя с лучшей стороны') или, наоборот, противостоять переходу в это состояние (*break weak* — 'расколоться, заговорить'). Кроме того, в некоторых случаях мы можем говорить о неконтролируемом и резком изменении состояния в негативную сторону (*break bad* — 'пуститься во все тяжкие'; *break low* — 'сорваться, низко пасть'; *break poor* — 'впасть в нищету'; *break big* — 'прогреметь, прославиться, стать известным в одночасье, проснуться звездой').

Отдельного внимания заслуживает конструкция '*break amish*', которая является названием американского многосерийного реалити-шоу '*Breaking Amish*'. Реалити-шоу повествует о жизни оказавшихся в современном Нью-Йорке представителей религиозной секты амишей, которые известны тем, что живут вдали от искушений в виде благ цивилизации. Каждому из участников шоу предстоит сделать выбор между благами цивилизации и возвращением в общину. В данном случае идея реалити-шоу, а именно возможность выбора как раз раскрывается в значении глагола *break* — 'перестать быть амишем, порвать с этим образом жизни' или 'оказаться/остаться амишем'. Сочетание прямого и антонимического значения глагола *break*, которые реализуются одновременно, подтверждает идею А.В. Трубочкина о том, что для конструкций характерно «отсутствие линейного способа образования значения» [9, с. 85].

В этот структурно-функциональный класс также вошли следующие конструкции:

Break democratic — 'внезапно оказаться на стороне демократов'. В данной конструкции глагол *break* используется в полуслужебном значении.

Break open — 'распахнуть(ся) настежь'. Глагол *break* описывает интенсивное и резкое действие. Данная конструкция может быть использована как в переходном, так и в непереходном значении. Кроме того, сема со значением внезапного, резкого или интенсивного изменения также присутствует в следующих конструкциях: *break wide* — 'быстро распространиться'; *break clear* — 'проясниться, резко осознать'; *break high/higher* — 'подскочить (о стоимости)', *break [colour] against [inanimate object]* — 'резко контрастировать по цвету, резко выделяться на фоне чего-либо'.

Среди конструкций с прилагательным в предикативной функции также можно выделить конструкции с фиксированным левым контекстом: *things break right*, которое можно было бы перевести как 'обстоятельства складываются как нельзя лучше/ по счастливому стечению обстоятельств', *all hell breaks loose* — 'все летит к чертям' и *the morning/day breaks cold/clear/gray* — 'наступило серое/ясное/холодное утро/день'.

Следующий структурно-функциональный тип включает в себя конструкции с прилагательным в атрибутивной функции. При этом важно отметить, что между глаголом *break* и прилагательным не существует прямой связи. И. В. Яковлева отмечает, что «с точки зрения грамматики конструкций, конструкции являются особыми единицами языка, которыми носитель оперирует целиком — следовательно, конструкции обладают своей семантикой, которая определяет их синтаксическую структуру и семантические ограничения на заполнение мест» [10, с. 229]. Так, будучи изначально переходным, глагол *break* тяготеет к сочетаниям с существительными-коллокатами, которые выступают в функции прямого дополнения. В свою очередь, коллокат-прилагательное используется в качестве определения к дополнению.

Таким образом, в конструкциях данного типа частота появления того или иного прилагательного в большей степени определяется не семантикой глагола *break*, а семантикой существительного, выступающего в функции прямого дополнения. Тем не менее, целесообразность рассмотрения данного типа конструкций обусловлена тем, что в некоторых случаях глагол *break* определяет, какие из этих сочетаний могут быть присоединены к нему в рамках конструкции. Это дает основание полагать, что глагол *break* так или иначе накладывает ограничения на семантику прилагательных в составе конструкций. Ранее на это было

указано в исследовании И. В. Яковлевой: «различия между конструкциями связаны с теми ограничениями, которые конструкция в целом накладывает на семантику компонентов» [10, с. 219].

Так, например, известно, что существительные способны образовывать множество частотных сочетаний с прилагательными. В COCA во вкладке string search по запросу *ADJ + ground* можно обнаружить 22267 сочетаний, среди которых *common ground* (3504), *middle ground* (1865), *high ground* (1584), *new ground* (883), *fertile ground* (597) и т.д. В свою очередь, эти частотные сочетания тяготеют к сочетаниям с определенными глаголами:

find/ seek/ reach/ make/ gain/ identify/ share
COMMON GROUND

find/ reach/ seek/ occupy/ gain/ provide/ take
HIGH GROUND

find/ seek/ reach/ take
MIDDLE GROUND

break/ gain/ explore
NEW ground

provide/ find/ create/ offer
FERTILE GROUND

Подобные ограничения можно проследить в конструкции *break + poor/ normal/ destructive/ old + habits* — 'побороть вредные привычки'. Согласно данным корпуса, существительное *habits* может сочетаться с такими прилагательными как *bad, old, healthy, good, dietary, driving, personal, feeding, social*, однако после глагола *break* употребляются только сочетания *poor habits, old habits, destructive habits*. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что глагол *break* косвенно влияет на семантику прилагательных в атрибутивной функции. При этом важно отметить, что так происходит далеко не во всех случаях. Например, в конструкциях *break laws, break rules, break expectations* невозможно проследить каких-либо четких ограничений, которые глагол *break* накладывает на семантику прилагательных. Такие прилагательные носят скорее случайный характер и не образуют четких семантических кластеров из-за своей многочисленности и разнообразия.

Семантическая кластеризация конструкций данного типа позволяет выявить следующие результативные значения:

1. *Break + new/fresh/social/political/legal + ground* — выйти на новый уровень, продвигаться дальше в той или иной области.

2. *Break + poor/negative/normal/destructive/old/previous + habits/patterns/ cycles* — побороть вредные привычки или изменить неприемлемую модель

Семантическая вариативность конструкций с глаголом 'break'

поведения путем их замещения другими, более полезными, желаемыми привычками или моделями поведения.

3. *Break + existing/current/real/important/certain/small/human/environmental/criminal/federal/constitutional/traditional/democratic/public/racial/civil/local/national/international/antitrust/American/Chinese/numerous/multiple/physical + laws* — нарушить закон.

4. *Break + old/existing/certain/democratic/traditional/formal/numerous/multiple basic/specific/established/military + rules/ethics* — действовать вне правил, нарушить правила. Вполне вероятно, данная конструкция тесно связана с метафорической интерпретацией человеческой деятельности как игры.

5. *Break + old/existing/local/traditional/international + agreements/arrangements/conventions/promises (waters/zoning)* — преступить ранее обозначенные и оговоренные границы.

6. *Break + old/existing/current/female/diplomatic/certain + customs/traditions/norms/practices/protocols/implementations/plotlines/ranks/expectations/prescripts* — осуществлять деятельность, намеренно или непредумышленно игнорируя сложившиеся обычаи или правила, существующие продолжительное время.

7. *Break + congressional/democratic + misconduct/resistance* — вступить в конфронтацию с оппонентом с целью подавить его и подчинить своей воле.

8. *Break + traditional + deadlocks* — выйти из тупиковой ситуации, решить затруднение.

9. *Break + cultural/formal/ethnic/traditional + barriers/stereotypes/boundaries/tabooes/lines/precedents/paradigm/definition/molds/modes* — преступить ранее обозначенные и принятые границы, которые так или иначе мешают двигаться дальше и развиваться.

10. *Break + cultural/economic/financial/physical + continuity/expansion/innovation/activity/dormancy* — прервать процесс.

11. *Break + Japanese + grip* — дать отпор, лишить соперника контроля на чем-либо.

12. *Break + corporate + embargo* — отнимать право.

13. *Break + military + union* — сеять раздор.

14. *Break + numerous/old/previous + records* — побить рекорд.

15. *Break + little + branches/sticks/rocks* — ломать, преодолевая препятствия на своем пути.

16. *Break + wild/young + horses/mustangs* — объезжать лошадь.

17. *Break + medical + sensors* — ломать оборудование.

18. *Break + major/numerous + bones* — получать травмы.

19. *Break + small + worms* — рушить жизнь «маленьких» людей.

20. *Break + female/ small + hearts* — огорчать, причинять боль.

21. *Break + local/national/political/legal/cultural/economic/important/major/real/good + news/stories* — сообщить, поведать о чем-либо.

22. *Break + existing/current/Japanese/financial/numerous/important/ Nazi/German/military + encryption/codes/text* — взломать код, расшифровать засекреченную информацию с целью ей завладеть и получить преимущество над соперником.

23. *Break + existing/current + clients/applications/devices/hashees/software* — незаконно получить доступ к информации, чтобы использовать ее в преступных целях.

24. *Break + human/chemical + DNA/codes* — обнаружить закономерности с целью получить новую информацию для ее дальнейшего использования.

25. *Break + local+ leaders/groups+ of* — отучить от чего-либо.

26. *Break long/large/complex + tasks/projects/ households/sets of data/chunks + into* — разделять на меньшие единицы, классифицировать, распределять.

27. *Break + economics/social/criminal + ties/connections/bonds/relations* — резко и внезапно обрывать связи.

К третьему типу относится сравнительно небольшое число конструкций с прилагательным в адъективной функции: *break right/ left* — 'зайти с правого/ левого фланга'; *break easy/hard* — 'легко расколоться/долго сопротивляться попыткам, держаться'; *break past* — 'обойти, пробиться'; *break early* — 'закончить пораньше'.

Кроме того, анализ значений глагола *break* в составе конструкций показал, что корпусные базы данных предоставляют исследователям массивы аутентичного языкового материала, обработка и интерпретация которого дает возможность получить актуальную и исчерпывающую информацию о том или ином языковом феномене.

В рамках настоящей работы было выделено три структурно–функциональных типа конструкций — конструкции с прилагательным в предикативной, атрибутивной и адъективной функции. В результате проведенного исследования было обнаружено, что глагольная сема внезапного, резкого или интенсивного изменения всегда присутствует в конструкциях с глаголом *break*. Данная особенность позволяет объяснить, почему значительное число конструкций с глаголом *break* используются в контексте военной и политической деятельности.

Результаты исследования подтверждают Гипотезу 1. Лексическое ядро предикативной конструкции действительно подвергается семантической модификации под воздействием семантики вариативного компонента, который, в свою очередь, выступает семантической доминантой конструкции.

Гипотеза 2 также была подтверждена, поскольку удалось установить, что в конструкциях с прилагательным в предикативной функции характерно отсутствие прямого дополнения, выраженного существительным, благодаря чему глагол *break* приобретает квазиинтранзитивное значение. С точки зрения семантики результативным значением этого класса конструкций можно считать внезапное и радикальное изменение состояния или ситуации. В некоторых случаях данные конструкции описывают резкое и неконтролируемое изменение состояния в негативную сторону. При наличии одушевленного субъекта, который выступает носителем действия, глагол *break* имплицитно содержит информацию об усилиях субъекта перейти в целевое состояние или удержаться в определенном состоянии.

Следующий структурно–функциональный тип включает в себя конструкции с прилагательным в атрибутивной функции. При этом важно отметить,

что между глаголом *break* и прилагательным не существует прямой связи. Будучи изначально переходным, глагол *break* тяготеет к сочетаниям с существительными–коллокатами, которые выступают в функции прямого дополнения. В свою очередь, коллокат–прилагательное используется в качестве определения к дополнению. Таким образом, в конструкциях данного типа частота появления того или иного прилагательного в большей степени определяется не семантикой глагола *break*, а семантикой существительного, выступающего в функции прямого дополнения.

Тем не менее, целесообразность рассмотрения данного типа конструкций обусловлена тем, что в некоторых случаях глагол *break* определяет, какие из сочетаний «прилагательное+существительное» могут быть присоединены к нему в рамках конструкции. Это дает основание полагать, что глагол *break* так или иначе накладывает ограничения на семантику прилагательных в составе конструкций и косвенно влияет на вероятность их появления.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в рамках преподавания английского языка, а также для актуализации и дальнейшего усовершенствования лексикографических ресурсов.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в более детальной разработке проблемы, связанной с наличием у конструкции *break* + прилагательное + существительное тех или иных семантических и структурных ограничений. Поскольку в настоящей работе было обнаружено, что в конструкциях *break* + прилагательное + существительное прилагательные могут носить как упорядоченный, так и случайный характер, отдельная публикация будет посвящена факторам, определяющим наличие системности среди коллокатов–прилагательных.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. О семантической мотивированности лексических функций–коллокатов // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 3–33.
2. Баклагова Ю. В. Семантическая модель декаузативного глагола BREAK в английском языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Изд–во ТвГУ, 2018. № 40. С. 128–132.
3. Лебедева С. Г. Лингвостатистические и ассоциативно–вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого–математика (на материале кинодиалога фильма «A Beautiful Mind») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Новосибирск: Изд–во НИИГУ, 2019. № 17 (2). С. 27–45
4. Ляшевская О. Н., Митрованова О. А., Грачкова М. А. и др. Автоматическое выделение русских лексических конструкций: [сайт]. URL: <http://mathling.phil.spbu.ru/node/139>

5. Скрипак И. А., Айназарова С. Н., Ткаченко А. Е. Семантическая структура многозначного глагола в современном английском языке (на примере глагола to break) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 2020. № 01. С. 184–189.
6. Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник ТГУ. 2016. № 3–4. С. 56–61.
7. Петросян И. В. Обучение коллокациям современного английского языка // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2014. № 2. С. 161–172.
8. Пивоварова Л. М., Ягунова Е. В. От коллокаций к конструкциям // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. С. 568–617.
9. Трубочкин А. В. Явление коэртиции во фразово-глагольных конструкциях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 79–90.
10. Яковлева И. В. Синонимичные предложные конструкции с точки зрения грамматики конструкций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. № 2. С. 219–247.
11. Goldberg, A. E. *Constructions: A new theoretical approach to language* // Trends in Cognitive Sciences 7 (5). — Elsevier Science Publishing Company, Inc., 2003. 19–24 p.
12. Goldberg A. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. — Oxford: Oxford University Press, 2006. — 280 p.
13. Hilpert M. *Construction Grammar and its Application to English*. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. — 220 p.
14. Kruppenbacher K. *Changes on Constructions and Constructionalization — a contemporary approach towards language change* (https://www.academia.edu/36648642/Changes_on_Constructions_and_Constructionalization_a_contemporary_approach_towards_language_change (дата обращения: 31.08.2020))
15. Stefanowitsch A., Gries S. *Collostructions: Investigating the interaction between words and constructions* // International Journal of Corpus Linguistics, 2003. № 8(2) — 43 p.
16. Taylor J. *The Mental Corpus: How Language is Represented in the Mind*. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 330 p.

КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ/ COMMUNICATION AND TEACHING

УДК 316.776; 37.0

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10215

Когнитивный подход в обучении иностранному языку как мотивационный инструмент для студентов

ТРЕТЬЯКОВА Галина Викторовна

к. п. н, доцент, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации
Факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва

E-mail: gvtretyakova@fa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0367-8995>

Scopus ID: 57195923024

Аннотация: в настоящее время актуальным в процессе обучения иностранному языку является то, что активно внедряются когнитивные и коммуникативные технологии, т.к. коммуникативно направленное занятие предполагает формирование системы определенных знаний, умений и навыков, и предоставляет возможность студенту сформировать конкретные компетенции, а именно — языковые, социокультурные, дискурсивные, социальные и стратегические. **Целью** данной статьи является анализ когнитивного подхода в обучении иностранному языку студентов как средства повышения их мотивации. Поставленная цель определяет решение следующих **задач**: определение данного подхода в обучении, выявление особенностей использования, а также роли зарубежных, советских и российских ученых в разработке его принципов. **Гипотеза** исследования заключается в том, что когнитивный подход, применяемый на занятии, провоцирует изменение динамики образовательного процесса и служит мотивационным инструментом для студентов. Осознание этого заставляет быть готовым к тому, что на следующем этапе занятия придется изменить тактику. Однако знание преподавателем законов познавательного процесса дает чувство уверенности в своих силах, позволяет моделировать учебный процесс адекватно поставленным задачам. Благодаря когнитивному подходу к изучению иностранного языка, возможно накапливать и упорядочивать теоретические, лингвокультурологические знания, развивать познавательные возможности студентов. Объединив коммуникативный и когнитивный подходы в методике преподавания иностранного языка, возможно, повысить эффективность использования приобретенных знаний. **Методами исследования** являются: анализ теоретической литературы, обобщение, систематизация, моделирование педагогического процесса. **Теоретическая значимость** исследования состоит в том, что в работе представлена методика разработки комплекса упражнений с применением современных когнитивно-коммуникативных технологий. **Результаты работы** возможно применить в разработке учебно-методических пособий и программ обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: когнитивный подход; внимание студентов; динамика; мотивационный инструмент; процесс познания; обобщение; систематизация; моделирование педагогического процесса; учебно-методические пособия

Для цитирования: Третьякова Г. В. Когнитивный подход в обучении иностранному языку как мотивационный инструмент для студентов // Сервис Plus. 2021. Т.15. № 2. С. 124–132. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10215

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

The cognitive approach in foreign language teaching as a motivational tool for students

Galina TRETyakOVA

Candidate of Pedagogy, assistant professor of the Department of foreign languages and intercultural communication of International Economic Relations Faculty, Financial university under the Government of Russian Federation, Russia, Moscow

Abstract: Currently, it is relevant in the process of teaching a foreign language that cognitive and communicative technologies are actively introduced, since the communicative-oriented lesson involves the formation of a system of certain knowledge, skills and abilities, and provides an opportunity for the student to form specific competencies, namely, language, socio — cultural, discursive, social and strategic. **The purpose** of this article is to analyze the cognitive approach in teaching a foreign language as a means of enhancing the students' motivation. The aim determines the following **tasks**: defining the training approach, identifying usage patterns and the role of the foreign, Soviet and Russian scientists in the development of its principles. **The hypothesis** of the study is that the cognitive approach used in the classroom provokes a change in the dynamics of the educational process and serves as a motivational tool for students. Realizing this makes the lecturers be prepared for the fact that at the next stage of the classes they will have to change their tactics. However, the knowledge of the laws of the cognitive process gives a sense of self-confidence, allows to model the learning process adequately to the tasks set. Thanks to the cognitive approach to learning a foreign language, it is possible to accumulate and organize theoretical, linguistic and cultural knowledge, and develop students' cognitive abilities. By combining the communicative and cognitive approaches in the methodology of teaching a foreign language, it is possible to increase the effectiveness of the use of acquired knowledge. **The research methods** are: analysis of theoretical literature, generalization, systematization, modeling of the pedagogical process. **The theoretical significance** of the study is that the paper presents a methodology for developing a set of exercises using modern cognitive and communicative technologies. **The results** of the work can be applied in the development of educational and methodical manuals and programs for teaching foreign languages.

Keywords: cognitive approach; students' attention; dynamics; motivational tool; cognition process; generalization; systematization; modeling of the pedagogical process; educational and methodical manuals

For citation: Tretyakova G.V. (2021) The cognitive approach in foreign language teaching as a motivational tool for students. Service plus, 15 (2), 124–132. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10215 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Когнитивность (лат. *cognitio*, «познание, изучение, осознание») обозначает способность человека к умозаключениям и обработке получаемой информации. Когнитивные процессы неразрывно связаны с такими процессами как память, внимание, восприятие, действие, принятие решений и воображение. Всем известно, что когнитивные процессы управляются мозгом, поэтому может показаться, что это понятие — вотчина биологии и психологии. А между тем, теория когнитивности в настоящее время занимает почётное место в методике препода-

вания, поскольку когнитивные процессы познания помогают современному человеку справиться с бесконечным информационным потоком и помогают понять, каким именно образом человеческий мозг осуществляет функции переработки новой для себя информации и дальнейшее её использование, да и знания, как известно, тоже являются результатом когнитивного (познавательного) процесса [7, с. 2]. Именно поэтому мы называем когнитивный подход одним из ведущих в области обучения иностранным языкам, где делается акцент на учёте закономер-

стей познавательного процесса при овладении иностранным языком и особенностей ментальной (интеллектуально-эмоциональной) деятельности студентов, у которых развитие новой лингвистической системы совершается через взаимодействие внутренних и внешних факторов. Внутренним двигателем познания вообще и языка, в частности, является конфликт — противоречие между существующими представлениями о языке и реальностью. При обучении «организатором» осознания и разрешения этого конфликта чаще всего выступает преподаватель. Он должен привлечь внимание студента к факту наличия противоречия и помочь его разрешить. Деятельность преподавателя не является деятельностью по фронтальной передаче знания. Он должен быть активным посредником, который приводит в систему получаемые студентами знания, предлагает им проблемные ситуации, а также активен в плане дискуссии.

Усиление когнитивной перспективы в реализации учебного процесса по обучению иностранному языку предполагает придание ему осмысленности, целенаправленности (как всего учебного занятия или серии занятий, так и отдельным его этапам, и отдельным заданиям — при объяснении языковых фактов и дальнейшей организации их тренировки). Обучение оптимальным познавательным стратегиям ведёт в итоге к формированию мотивации, более быстрому достижению студентами самостоятельности, созданию ситуации успеха в обучении [8, с. 78].

Данные и методы. Теория когнитивного обучения была разработана Джорджем Миллером, Гербертом Саймоном, Алленом Ньюэллом, Ноамом Хомским в США в конце 1960-х как альтернатива бихевиоризму [9, с. 14]. Он также получил поддержку когнитивных психологов, такими как Дж. Честейн и Дж. Кэрролл (1971), которые утверждали, что обучение должно быть целостным. Они выступали за сознательное изучение языковых правил как центрального элемента изучения иностранного языка. «...Изучение языка — это процесс приобретения сознательного контроля над фонологическими, грамматическими и лексическими паттернами второго языка, главным образом посредством изучения и анализа этих паттернов как совокупности знаний.» [5, с. 49].

Подчеркивая психические процессы, когнитивный подход ставил себя в оппозицию бихевиориз-

му, который в значительной степени игнорировал психические процессы. Поэтому одна из его важнейших заповедей — осмысленная практика. Обучение происходило через когнитивные структуры памяти, путём восприятия, обработки и сохранения информации для кратковременного или длительного запоминания и извлечения. Огромное значение придавалось организации практики общения на изучаемом языке. Обучение признавалось как целостное и осуществлялось следующим образом: фонемы должны быть изучены перед словами, слова — перед фразами, простые предложения — перед сложными. Обучаемые разрабатывали грамматические правила самостоятельно, прибегая к дедуктивным методам. В центре учебного процесса находился студент, а осознание языковых правил занимало центральное место в изучении иностранного языка. Это изменило отношение учителей к ошибкам, что проявилось в необходимости контекстуализированного обучения грамматике и анализе ошибок, которые трактовались как естественные явления в процессе изучения иностранных языков.

Когнитивное обучение иностранным языкам базируется на постулатах когнитивной психологии, структурной прикладной лингвистики и теорий Хомского [6, с. 17] и имеет некоторые преимущества перед другими теориями изучения и преподавания иностранных языков: акцент на изучение грамматики в классе; игнорирование поведенческой теории; имеет место когнитивная обработка предъявляемого материала; обращение к «глубинной структуре» языка, придавая большее значение пониманию учащимся структуры иностранного языка. В рамках данной теории действует правило PPP:

PRESENTATION/ PRACTICE/ PRODUCT

Это означает, что сначала языковой материал объясняют с точки зрения формы и функций, затем его подвергают тренировке, а конечной целью является использование данного языкового феномена в собственной речи обучаемого. В фокусе каждый индивидуальный студент, его учебный процесс и его поэтапный прогресс.

Однако, имеются и недостатки: примеры из аутентичного материала мало используются; человеческое мышление считается невидимым процессом, и поэтому когнитивные процессы являются всего лишь гипотетическими конструкциями; как теория,

она часто игнорирует прошлый опыт; не принимает во внимание чувства, бессознательные действия или реакции, упускает из виду влияние биологических факторов индивидов (например, ДНК), различия в обучении с учётом гормональных процессов и особенностей мышления. Хотя, как мы знаем, эти процессы играют фундаментальную роль в процессе обучения иностранным языкам. Ещё одним недостатком является то, что процедура обучения чрезвычайно трудоемка для преподавателя иностранного языка, который, выступая в качестве фасилитатора, должен вкладывать огромное количество времени и усилий на каждого студента.

Таковы основные положения теории когнитивного обучения, которые были разработаны американскими учёными, но хотелось бы восстановить историческую справедливость и остановиться на вкладе в эту теорию советских и российских методистов. Их с полной ответственностью можно отнести к одним из лучших в мире. В своё время выдающийся советский психолог Л. С. Выгодский пришел к мнению, что всё школьное обучение «вращается вокруг двух процессов: осознания и овладения». Иностраннный язык в этом смысле не является исключением. Две стороны процесса иноязычного обучения неразрывны и отражают единство одинаково важных функций, свойственных человеческому языку. Выготского особенно интересовали отношения между этими двумя процессами в седьмой главе книги «Мышление и речь», написанной незадолго до его смерти в 1934 году. Он предположил, что речь и мышление не являются ни тождественными, ни полностью отдельными процессами. Говорение не выражает мышление, но мышление имеет место в нем и, таким образом, принимает социальную форму: «По своей структуре речь не является зеркальным отражением структуры мышления. Поэтому его нельзя запомнить, как готовое платье. Речь не служит выражением законченной мысли. Когда мысль превращается в речь, она трансформируется, меняется. Мысль не выражается в слове, но имеет место в слове» [2, с. 40].

Таким образом, язык является инструментом общения, с одной стороны, и инструментом познания, с другой. Этот постулат согласуется с общим пониманием сути коммуникативной компетенции человека как знания, представления о языке и способности к речевым действиям, умениям в речевой сфере. Эти две стороны обучения языку — получения знаний

о языке и получение знаний непосредственно самого языка, сегодня в методике иностранных языков воспринимаются как равнозначно важные процессы и служат формированию адекватного представления о лингвистическом явлении, о развитии умений использовать это явление в реальной коммуникации. Поэтому ведущим подходом к обучению иностранным языкам в современных условиях признаётся коммуникативно-когнитивный подход.

Данная лингвистическая концепция базируется, в том числе, и на идеях В. Д. Аракина, который попытался проследить процесс познания иностранного языка, исходя из теории поэтапного формирования умственных действий. Концепция метода была реализована в большом числе учебников и учебных пособий и до сих пор сохраняет позиции ведущего метода при установке на практическое овладение языком через осознание его структуры.

Практическую реализацию эта доминанта находит:

а) в моделировании проблемных речевых ситуаций на основе всех видов текстов;

б) развитию элементов аргументированного дискурса в речевых произведениях студентов, поскольку в естественной речи чрезвычайно редко встречается простое описание или диалог ради простого поддержания и контакта, несравнимо чаще говорящим преследуется определенная цель в рамках определенной стратегии и с использованием определенной речевой тактики для выражения определенного смысла;

в) в связи с последним — в практическом плане, в системе упражнений активное использование элементов логической аргументации, операций переосмысления или переформулирования одного и того же смысла на основе предложения-суждения (высказывания) или силлогизмов (сложное предложение, текст) в виде перифразы, парафразы, компрессии смысла, установлении причинно-следственных зависимостей с активным использованием разного вида логико-семантических схем [1, с. 150].

Эту идею в дальнейшем развил и конкретизировал А. Н. Щукин, который разделил все упражнения на: речевые, условно-речевые и языковые. При этом языковые упражнения направлены на усвоение учащимися значения языковой формы. Результатом выполнения упражнений является формирование навыков (фонетических, лексических, грамматических). Речевые упражнения направлены на развитие и совершенствование речевых умений на основе приобретённых

знаний и сформированных навыков. При их выполнении внимание сосредоточено не на форме, а на содержании высказывания. Такие упражнения всегда ситуативны и контекстны. Считается, что соотношение между языковыми и речевыми упражнениями в учебниках коммуникативного типа должно быть 1:4. Здесь важно отметить и степень участия сознания в овладении языковым материалом. На этапе ознакомления его роль очень велика. Языковой материал наши студенты воспринимают осознанно. Затем наступает этап тренировки. Чем более сформирован навык, тем ближе он должен быть к уровню подсознательного. А уже на этапе порождения собственных речевых произведений, студенты снова осознанно сосредоточены на смысле этого произведения; использование языковых форм происходит бессознательно, автоматически. Интересна еще одна деталь. В иерархии тренировочных или языковых упражнений второе место после имитативных занимают упражнения на множественный выбор! По большому счёту они, конечно, не могут быть главным мерилом, критерием овладения языком, как это принято на современном этапе. Они — лишь часть тренировочных упражнений! Условно-речевые упражнения занимают промежуточное положение между упражнениями языковыми и речевыми. Подобно речевым, такие упражнения предназначаются для развития речевых умений на основе приобретённых знаний и сформированных навыков. Однако их выполнение предусматривает использование учебных ситуаций и решение менее сложных мыслительных задач, которые имеют место при выполнении речевых упражнений [4, с. 470].

Отдельно хотелось бы остановиться на вкладе Е. И. Пассова в использовании когнитивного подхода в обучении иностранному языку. А если быть более точным, Е. И. Пассов слил воедино коммуникативный и когнитивный подходы. Именно благодаря ему, а также гуманистическому лично-ориентированному подходу в целом в лингводидактике появилось осознание необходимости обратить внимание на психологические и психолингвистические проблемы студентов. Это и привело к повороту в сторону студента, пересмотру роли преподавателя на занятии. Коммуникативный подход в принципе стимулирует творчество. Студент находится в ситуации, когда он вынужден проявлять инициативу, активно искать средства для приобретения знаний [3, с. 221]. Студент, обучаемый по таким принципам, никогда не будет пассив-

ным получателем знания, уже сформулированного кем-то другим, подготовленного к его ретрансляции. Сочетание педагогического гуманистического и методического коммуникативного принципов в области языкового обучения привело к формулировке тезиса о коммуникативно-когнитивном подходе как ведущем подходе в обучении иностранному языку, в частности, в высшей школе.

Полученные результаты. Приступая к разработке комплекса упражнений с применением когнитивно-коммуникативных технологий, мы учитывали следующие принципы:

1. Готовность обучающегося

Мотивация является важной частью обучения, и обучение должно быть адаптировано к когнитивным способностям студента, его опыту и контексту, которые делают его готовым и способным учиться.

2. Спиральная организация

Обучение должно быть структурировано таким образом, чтобы студент постоянно опирался на то, что он уже узнал; оно должно быть внутренне контролируемым и опосредованным обучающимся; учебные цели и задачи должны согласовываться, а не навязываться; оценка должна служить инструментом самоанализа.

3. Открытое обучение

Обучающийся самостоятельно извлекает информацию, проверяет ее и формулирует правила. С этой точки зрения мы выделяем декларативные, процедурные и условные знаниями. Преподаватель выступает в качестве гида, побуждает к исследованию, структурирует материалы таким образом, чтобы стимулировать экстраполяцию, выход за рамки предоставленной информации.

4. Создание реальной среды

Это предполагает использование актуального контекста, фокус на реалистичных подходах к решению сложных проблем, представление аутентичных задач (контекстуализируя, а не абстрагируя инструкции); поощрение рефлексивной практики, концептуальной взаимосвязанности.

При формировании профессиональной позиции к преподаванию языка преподавателям важно рассматривать изучаемый язык как код и социальную практику, которые должны быть сбалансированы в учебном плане. Понимание природы отношений между языком и культурой занимает центральное

Когнитивный подход в обучении иностранному языку как мотивационный инструмент для студентов

место в процессе изучения иного языка, поскольку культура играет центральную роль в том, как интерпретируются значения в социальном взаимодействии; следовательно, именно язык в его культурном контексте создает смысл. Интерпретация смысла осуществляется в рамках культуры в формах образа жизни, социальных ценностей, верований, проксемики, кинезики. Чтобы повысить мотивацию студента, необходимы аккомодация, содержательные упражнения, использование различных отношений в этих упражнениях. Знание «типов упражнений» — важнейший вопрос для преподавателей. В когнитивной теории упражнения языковой практики используются для того, чтобы в конечном счёте обучить студентов говорению и помочь им овладеть основными структурными паттернами изучаемого языка. С небольшими дозами повторения, сравнения, контрастов в коррекционных целях многие из студентов несомненно добьются успеха.

Task 1. Fill in the Comparison Chart:

ACCOUNTING vs AUDITING

Meaning

Accounting means (1) systematically keeping the records of the accounts of an organization and preparation of financial statements at the end of the financial year

Auditing means (2)

Governed by

Accounting — (3)

Auditing — (4)

Work performed by

Accounting — (5)

Auditing — (6)

Purpose

Accounting — To (7)

Auditing — To (8)

Start

Accounting starts where (9)

Auditing starts where (10)

Period

Accounting is a (11)

Auditing is a (12)

Task 2. Discussion

Accounting and auditing are specialised fields. In groups, discuss these questions. Then present a summary of your group's ideas to the class.

1. Why is accounting wider than auditing?
2. What basic requirements are to be maintained while performing the audit procedure?
3. Who benefits from auditing reports?
4. Is it necessary for an accountant to be legally proficient?
5. In what way is the procedure of auditing conducted?
6. Can auditing be neglected?

Task 3. Fill in the missing letters to complete these words

1. co-v-rsa--on
2. -ce-ar-o
3. s-ec-fica--y
4. -hr--t
5. la-dsc---
6. rec-v-
7. -ang--ge
8. c-nterp-rt-
9. -y-e-secu--t-
10. e-ran-e
11. ev---thi--
12. im-ovi-g
13. t-a-sacti--
14. re---ded

Task 4. Match each word with a definition a-h.

1. walled-garden a. an environment that controls the user's access to Web services
2. holistic b. careful, restrained
3. intelligence c. in a row with the end of one object
4. vendor d. the ability of a substance or object to spring back into shape
5. resiliency e. take action to reduce or prevent
6. compliance f. explicable only by reference to the whole
7. combating g. the action or fact of complying with a wish or command
8. guarded h. an individual or company that sells goods or services
9. end-to-end i. the ability to acquire and apply knowledge and skills

Task 5. Complete the sentences with the correct form of the words in brackets.

1. Financial services organizations recognize the changing security landscape and cite (avoid)

data breaches as their primary mandate, with banking (comply) becoming their second most important driver.

2. (Extreme) sensitive and valuable data resides in the financial services sector—everything from personally identifiable information (PII) to check routing data to global stock and investment algorithms.

3. The loss of this data and intellectual property has a major effect on a bank’s brand reputation and customer (loyal).

4. When consumers and business customers place their trust and their money in your institution, your reputation for (inform) security is paramount.

5. Even with increased scrutiny and attention from (regulate) bodies, the goal of total protection remains elusive.

6. Governance, risk management and compliance frameworks all strive to assess risk and (identification) security gaps.

7. While they offer useful recommendations for cyber risk management, (application) and perfecting a cybersecurity strategy can overwhelm your capable but short-handed IT security staff.

8. Advances in bank cybersecurity technology and services are improving your ability to proactively detect and (mediate) threats before financial services transactions and data are compromised.

Task 6. Paraphrasing

Replace the expressions in bold with the expressions from the box.

to be taken off	at board level	comes to
go without saying	it’s relevant	the full spectrum
outsourced	compliance testing	technology drivers

1. Financial institutions are increasingly looking to work with technology partners that can deliver (showing a complete range of typical or possible elements) of IT managed services and support.

2. Evolving cyber-threats are forcing managed service providers to re-evaluate their security

offerings, which is leading to improvements in the (obtained by contract from an outside supplier) security options available to financial institutions.

3. A report reveals that 68% of the top 50 companies listed in the Fortune 500 are not adequately prepared (to leave suddenly) the Internet by a targeted traffic-lead approach.

4. However, not all technology partners are equal when it (takes place) financial institutions’ unique needs.

5. The right technology partner should support the organisation, from initial advice on what needs to be done, through the implementation of best practices to (computer program or system meets a defined set of standards) and remediation.

6. Every sector has its own unique security requirements and (leading-edge process technology that drives development of next-generation equipment).

7. Many financial institutions find it beneficial to benchmark their security posture against their peers, especially at (ongoing engagement with partner governments).

8. Depending on whether (important to the matter at hand) for a financial organisation, it’s important to ensure that the work undertaken with a technology partner has the ability to provide this information.

9. It should (be obvious), but when it comes to security a technology partner should practice what they preach.

Task 7. Output

In groups, discuss what countries take the lead in fighting down security fraud. Prepare group PP presentations on how cybersecurity issues are addressed in countries around the world.

Task 8. Round table discussion

How do financial services firms measure success with cybersecurity?

Conduct a survey and find out how firms develop and deploy their peers’ cybersecurity best practices. Scrutiny and careful observation of counterpart experiences may facilitate building up unique experiences. What are they?

Когнитивный подход в обучении иностранному языку как мотивационный инструмент для студентов

- How do you measure what «good» looks like when it comes to cybersecurity at financial services companies?
- Does the operating model (centralized vs. decentralized) matter?
- Which factors determine the role of chief information security officers in terms of reporting relationships and influence within their companies?
- What role does the innovation agenda play in deciding how much of the cyber risk budget could be used for transformative vs. operational investments?
- Is there an «efficiency ratio» that can be applied to cyber risk management functions?
- Is there an empirical way to compare one financial institution's cyber risk management program to another?

You should survey as many companies as possible about how they are discharging their responsibilities in protecting the digital fortresses at banks, investment management firms, insurance companies, and other financial services institutions.

Your results will provide a preliminary snapshot of how many financial services institutions may go about handling cybersecurity, while generating intriguing insights that warrant further exploration.

Overall, you will find organizations working within a broad spectrum of cybersecurity strategies, structures, and budget priorities. Your findings must suggest that clear differences exist within the industry based on company size, maturity level, and even ownership structure.

Заключение. Все вышеизложенные размышления базируются на педагогической концепции человека как существа уникального и приглашают не только к когнитивному подходу в методике, но и к личностно-ориентированной педагогике. Приёмы обучения, реализуемые в русле когнитивного метода, обладают огромным воспитательным потенциалом. Они развивают независимость мышления и действия, желание самим управлять своим обучением и оценивать его, помимо умственного развития они способствуют духовному и социальному развитию личности, а значит, являются и мощным мотивационным инструментом для студентов в изучении иностранного языка. Когнитивный принцип привлекателен еще и тем, что, базируясь на солидных научных теориях, он не даёт успокоиться, остановиться на однажды разработанных

и проверенных доктринах. Он даёт представление о сложности реальности, которую мы называем «процессом овладения иностранным языком». Он заставляет постоянно помнить о том, что ничего в процессе обучения нельзя предвидеть абсолютно точно. Ничто заранее не предопределено ни со стороны преподавателя, ни со стороны обучающегося. Осознание этого заставляет быть готовым к тому, что в следующий момент занятия придётся перестроиться, изменить тактику. Однако знание преподавателем закономерностей процесса познания даёт ощущение уверенности в своих силах, позволяет моделировать учебный процесс адекватно поставленным задачам.

Поэтому, когнитивный принцип в рамках обучения иностранному языку — абсолютная необходимость. Во-первых, он базируется на уже полученных при овладении родным языком обучающимися когнитивных умениях, что значительно облегчает и ускоряет процесс овладения иностранным языком. А это немало важно при небольшом количестве часов в учебном плане, отводимом на изучение иностранного языка. Во-вторых, этот метод предполагает использование всех средств для интенсификации учебного процесса. Обучение оптимальным познавательным стратегиям ведёт в итоге к более быстрому достижению обучаемым самостоятельности, созданию ситуации успеха в обучении, развитию способностей ученика. «Когнитивные» педагогические приёмы тренируют студента в рефлексии, размышлениях по поводу своих действий. Задумываться над тем, что делаешь — самая лучшая стратегия. Но понимание «как» и «почему» не должно превалировать над пониманием «зачем». Обучение познавательным стратегиям очень важно, но не самодостаточно. Оно должно быть подчинено выполнению коммуникативных задач.

Именно поэтому преподавателю необходимо давать студентам чёткие установки и объяснять трудности процесса усвоения. Важно убедить студентов в необходимости изучения иностранного языка, в его повсеместном практическом применении в будущем. Соревновательный дух внутри группы, системность подачи материала и его контроль, учёт индивидуальных особенностей студентов, правильная организация учебного процесса, настойчивость в достижении результатов являются хорошими стимулами, повышающим уровень мотивации в обучении иностранному языку. Знание преподавателем методических приемов и обучающих стратегий, их практическое

применение; осознание студентами необходимости изучения английского языка для их успешной карьеры и профессиональной деятельности — это залог

эффективности образовательного процесса и повышения качества обучения в системе высшего образования.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования Текст учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 1203 «Иностр. Языки» В. Д. Аракин. — М.: Высшая школа, 1989. — 158 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. — М.: Педагогика, 1983. — С. 68.
3. Пассов Е. И. Методология методики: теория и опыт применения (избранное). — Липецк: ЛГПУ, 2007. — 228 с. — (Методическая школа Пассова).
4. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учебное пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. — 4-е изд. — Москва: Филоматис: Омега-Л, 2012. — 475 с.
5. Carroll, J. B. The contributions of psychological theory and educational research to the teaching of foreign languages. *Modern Language Journal*, 1987, 49 (5).
6. Chomsky, N. *Reflections on language*. London: Temple Smith, 1989.
7. Croft, W. *Explaining language change: An evolutionary approach*. England Pearson Education Limited, 2016, 78.
8. Paivio, A. *Dual coding theory and education*. Available online at <http://moodle1315.up.pt/pluginfile.php/147313/mod_book/intro/paivio.pdf>. Last accessed 05.01.2021.
9. Richards, J. C. & S. Rodgers, T. S. *Approaches and methods in language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016, p. 14.

КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ/ COMMUNICATION AND TEACHING

УДК 81-13; 316.776

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10216

Использование языковых средств в онлайн-коммуникации в эпоху пандемии

ГЛАЗКОВА Татьяна Юрьевна

Кандидат филологических наук,

Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», приглашенный преподаватель,
Москва, Россия

tglazkova@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2976-9131 SPIN-код: 9714-3258

Аннотация: В тяжелый период пандемии изменилась жизнь общества в целом и коммуникация между людьми в частности. Введенные ограничения наложили отпечаток как на деловое и академическое общение, так и на общение с друзьями и родственниками. В связи с этим возникли следующие вопросы: как изменяется использование языка в данных условиях при ставшей популярной онлайн-коммуникации? Какие языковые средства можно использовать, чтобы сделать онлайн-общение максимально эффективным?

Вопросы использования языковых средств именно с целью повышения его эффективности изучены еще недостаточно. Исследование их использования может быть полезным как для понимания развития языка в целом, так и для решения чисто практических задач, например, повышения качества онлайн-обучения.

Для изучения языковых средств в онлайн-коммуникации в эпоху пандемии были проведены опросы, а также проанализированы видеозаписи онлайн-курсов и онлайн-семинаров, посты в соцсетях.

Что касается аудио- и видеосвязи, то тщательный выбор и более активное использование средств создания экспрессивности, прежде всего лексических может отчасти компенсировать отсутствие личного контакта, повышенную утомляемость и сложность концентрации на предмете обсуждения, возникающие у многих участников при онлайн-общении. При письменном общении (форумы, соцсети, мессенджеры) продуманный выбор экспрессивной лексики позволяет избежать недопонимания, негативной реакции и т.д. В исследовании были изучены особенности общения преимущественно на русском языке, но его результаты позволяют предположить, что те же особенности свойственны и общению на других языках.

Ключевые слова: языковые средства; средства создания экспрессивности; онлайн-коммуникация

Для цитирования: Глазкова Т.Ю. Использование языковых средств в онлайн-коммуникации в эпоху пандемии // Сервис Plus. 2021. Т.15. №2. С. 133-136. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10216

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

The use of linguistic means in online communication in the pandemic era

GLAZKOVA Tatiana Yurievna

Candidate of Philology, Higher School of Economics —
National Research University, visiting lecturer, Moscow, Russia

During the period of the pandemic, the life of society in general and communication between people in particular changed. The restrictions imposed have left an imprint on both business and academic communication and communication with friends and family. In this regard, the following questions arose: how does the use of the language change in these conditions during the now popular online communication? What linguistic means can we use to make online communication as effective as possible?

The issues of using linguistic means specifically for the purpose of increasing its effectiveness have not been studied enough. The study of their use can be useful both for understanding the development of the language in general and for solving purely practical problems, for example, improving the quality of online learning.

To study linguistic means in online communication in the era of a pandemic, surveys were conducted, as well as video recordings of online seminars, and posts on social networks were analyzed.

As for audio and video communication, careful selection and more active use of means of creating expressiveness, primarily lexical, can partly compensate for the lack of personal contact, increased fatigue and the difficulty of concentrating on the subject of discussion that many participants have during online communication. In written communication (forums, social networks, messengers), a thoughtful choice of expressive vocabulary avoids misunderstandings, negative reactions, etc. The study studied the features of communication mainly in Russian, but its results suggest that the same features are characteristic of communication in other languages.

Key words: linguistic means; expressive means; online communication

For citation: Glazkova T.Yu. (2021) The use of linguistic means in online communication in the pandemic era. *Service plus*, 15 (2), 133–136. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10216 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

В тяжелый период пандемии изменилась жизнь общества в целом и коммуникация между людьми в частности. Введенные ограничения наложили отпечаток как на деловое и академическое общение (сотрудники многих компаний перешли на удаленную работу, студенты учатся дистанционно, конференции, семинары и тренинги проводятся в онлайн-формате и т. д.), так и на общение с друзьями и родственниками. В связи с этим возникли следующие вопросы: как изменяется использование языка в данных условиях? Какие языковые средства можно использовать, чтобы сделать онлайн-общение максимально эффективным?

Особенности общения в сети интернет в последние десятилетия изучаются многими российскими и зарубежными учеными. Основное внимание, однако, уделяется использованию сленга, англицизмов, неологизмов [4, с. 79–81], несоблюдению языковых

норм [1], эмоциональной насыщенности общения [6, с. 24], а также психологии интернет-общения [3]. Вопросы использования языковых средств именно с целью повышения его эффективности изучены еще недостаточно. Исследование их использования может быть полезным как для понимания развития языка в целом, так и для решения чисто практических задач, например повышения качества онлайн-обучения.

Для изучения использования языковых средств в онлайн-коммуникации в эпоху пандемии были проведены опросы, а также проанализированы видеозаписи онлайн-курсов и онлайн-семинаров (НИУ ВШЭ), посты в соцсетях (Facebook, Вконтакте).

За время пандемии роль и частота онлайн-коммуникации сильно изменились. До 2020 года общение в социальных медиа воспринималось как до-

полнение к личному общению (с родными, друзьями коллегами, учителями и т. д.). Начиная с марта прошлого года данный вид коммуникации вынужденно стал заменой «живому» общению в деловой и академической среде, а также вне их.

Стоит отметить, что изменилось и отношение членов общества к прямому общению. Еще недавно оно воспринималось как естественная часть нашей жизни, как нечто «само собой разумеющееся». В условиях карантина и иных ограничений стало ясно, что общение face-to-face на самом деле является ценностью, которую трудно заменить опосредованной коммуникацией в мессенджерах и социальных сетях (даже тем категориям граждан, которые уверенно чувствуют себя в интернете, т. е. в первую очередь молодежи и подросткам).

Если говорить об общении с друзьями и родственниками, то, безусловно, ограничение личных встреч вынуждает прибегать к опосредованному общению. Так, согласно опросу, проведенному среди студентов Школы иностранных языков НИУ ВШЭ, более 48% респондентов стали чаще, а 13% — значительно чаще — контактировать онлайн с друзьями и родственниками с начала пандемии (35% отметили, что частота контактов не изменилась, а у 3% они стали реже). При этом 79% делают это при помощи социальных сетей, 37% в WhatsApp, 27% — в Zoom и только 2% в Skype (можно было отметить несколько вариантов ответов).

Что касается более старшей категории граждан (были опрошены проживающие в Москве и Московской области, с высшим образованием, возраст от 35 до 45 лет), то цифры в целом похожи: 39% (чаще), 10% (значительно чаще), 46% (столько же), 5% (реже). Так называемые «взрослые», в отличие от студентов, предпочитают мессенджеры соцсетям (85% и 15% соответственно). Кроме того, они используют Zoom (7%) и Skype (14%).

Большинство опрошенных (96% студентов и 80% людей более старшего возраста) отметили, что онлайн-коммуникация не лишена недостатков. В качестве основных проблем респонденты указали на то, что при опосредованных контактах эмоции труднее считываются и передаются (69% и 43% соответственно), а также чувствуется нехватка тактильных контактов и «потеря ощущения присутствия живого человека» (69% и 49%). Почти 40% и 14% участников опросов отметили технические проблемы (прерыва-

ние связи, отсутствие интернета, плохая слышимость, сбои платформ и т.д.). Впрочем, последнее замечание касается преимущественно синхронного общения с видео/аудио. Респонденты старшего возраста также отметили, что онлайн менее комфортно взаимодействовать в группах (об этом сообщили 4% опрошенных).

Что касается делового и академического общения, то нижеследующие цитаты из высказываний студентов НИУ ВШЭ отражают их отношение к коммуникации во время занятий и экзаменов, проводимых онлайн: «Для меня важен контакт и общение не через компьютер или мобильное устройство, а лично. Перед компьютером концентрация и внимание рассеиваются, неважно, насколько интересен предмет», «Атмосфера складывается более тревожная, так как часто думаешь о возможных технических неполадках и, как результат, мысли фокусируются не только на предмете экзамена».

Таким образом, для наиболее успешной коммуникации очевидна необходимость личного контакта. Безусловно, участники процесса коммуникации уже научились частично компенсировать его отсутствие с помощью аудиовизуальных средств (фотографии, рисунки, видео- и аудиофайлы, презентации, эмодзи и т. д.). Но достаточно ли подобных средств для того, чтобы общение было полным, комфортным и успешным? Особенно в ситуации, когда недоступны никакие паралингвистические средства (фонационные, кинетические и графические [5]), т.е. при обмене сообщениями в соцсетях и мессенджерах.

Можно предположить, что для успешной коммуникации желательно также использовать различные языковые возможности. Речь идет прежде всего о средствах создания экспрессивности, преимущественно лексических, которые необходимо подбирать весьма тщательно. Действительно, очень многие участники письменного общения в интернете (соцсети, форумы и блоги) отмечают, что собеседники, особенно малознакомые нередко понимают их неправильно, поскольку «буквы на экране» лишены интонации, придающей высказыванию оттенок иронии, сожаления, горечи, подбадривания и т.д. В некоторых случаях ирония может быть не понята и воспринята буквально и наоборот, а некоторые грубые или разговорные слова могут быть восприняты как оскорбление, хотя собеседник не имел подобного намерения. Частично, но не всегда это компенсируют

эмодзи [4, с. 76] и стикеры (иногда автор высказывания их не использует, так как не осознает, что его эмоции могут быть не «считаны» и оно может быть воспринято неправильно).

Что касается аудио- и видеосвязи, то и в этом случае тщательный выбор и более активное использование средств создания экспрессивности, прежде всего лексических может отчасти компенсировать отсутствие личного контакта, повышенную утомляемость и сложность концентрации на предмете обсуждения, возникающие у многих участников при онлайн-общении. Особенно важно это в деловой и академической среде, когда общение происходит в течение длительного времени (часа и более, а иногда и нескольких часов — новая тенденция, возникшая в эпоху пандемии) и не может быть прервано по желанию участников. Так, при проведении занятий онлайн (синхронно) со студентами было отмечено, что выбор преподавателем экспрессивной лексики, фразеологизмов, использование в речи стилистических фигур, каламбуров способствует не меньшему привлечению внимания слушателей и их ответной реакции, чем, например, демонстрация визуального контента или интонационное выделение фрагментов фраз. А вот синтаксические структуры необходимо использовать как можно более простые и краткие, чтобы при прерывании связи/плохой слышимости слушатели не потеряли смысл высказывания и/или высказывание можно было легко повторить (при письменном общении слишком длинные предложе-

ния с множеством придаточных и причастных/деепричастных оборотов, вводных слов также создают сложности в восприятии, в том числе из-за того, что их неудобно читать с экрана смартфона). Таким образом, при общении посредством видео и аудиосвязи в деловой и академической среде говорящему необходимо еще более виртуозно владеть всем языковым богатством, чем при непосредственном общении.

Для того чтобы аудитория не теряла контакт с выступающим, а также для проверки того, насколько понятен смысл выступления (при опосредованном общении это гораздо труднее установить, чем при коммуникации офлайн), можно использовать диалог: задавать слушателям вопросы по теме выступления (лекции), при этом ответы могут быть даны в самой разной форме (устно, в чате, в виде опроса в Google-форме, на специальных сайтах типа Padlet и т.д.). Как правило, ответы в письменной форме являются достаточно краткими, в виде неполных предложений или даже односложными.

Таким образом, при интернет-общении (как синхронном, так и асинхронном, как письменном, так и устном) собеседники часто вынуждены использовать иные либо дополнительные языковые средства по сравнению с общением офлайн и выбирать их более тщательно. Сейчас, однако, трудно прогнозировать, как это отразится (и отразится ли) в долгосрочной перспективе на использовании языковых средств при непосредственной коммуникации и в целом на структуре языка.

Список литературы

1. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) // Вестник МГУ. Сер. 19. — Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 1.
2. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2015.
3. Войскунский А. Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий / Под общ. ред. А. Е. Войскунского. — М., 2001.
4. Максимова О. Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского) // Вестник РУДН, сер. Теория языка. Семиотика. Семантика, 2010, № 3, с. 74–90
5. Николаева Т. М. Паралингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
6. Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Дисс. ... к.ф.н. — Ярославль, 2004.

КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ/ COMMUNICATION AND TEACHING

УДК 341.221.4

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10217

Интернационализация сектора высшей школы в эпоху пандемии

АКОПЯНЦ Арега Михайловна

д.пед.н, профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения,
Институт иностранных языков и международного туризма, Пятигорский государственный университет
Россия, г. Пятигорск

E-mail: imadean@yandex.ru

ORCID — 0000-0002-9506-444X

РИНЦ — 256456

БАБИТОВА Лариса Асланбиевна

к. филол. н, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения,
Институт иностранных языков и международного туризма, Пятигорский государственный университет
Россия, г. Пятигорск

E-mail: 2121larisa@mail.ru

ORCID — 0000-0003-2665-4857

РИНЦ — 691484

Аннотация: Беспрецедентное потрясение, с которым столкнулась система образования из-за COVID-19, обратило вспять все мировые достижения в области науки и образования, а сферу высшего образования можно смело назвать одной из тех, на которую пандемия оказала наибольшее влияние в глобальном масштабе. Хотя в данном секторе возник ряд определенных трудностей, которые рассматриваются в нашей статье, образовательное сообщество продемонстрировало стойкость, подготовленность к переводу большинства процессов в онлайн и заложило основу для дальнейшего восстановления.

В данной статье анализируются вопросы интернационализации высшей школы в условиях вынужденного перехода университетов на дистанционные образовательные технологии. Рассмотрены преимущества и недостатки онлайн-обучения, с которым столкнулось все международное академическое сообщество в эпоху пандемии. COVID-19 оказал крайне негативное влияние, прежде всего, на вопросы интернационализации университетов в области науки и образования: резко сокращено финансирование международных образовательных программ, практически приостановлены программы академической мобильности студентов и научно-педагогических кадров, отменены международные программы обменов студентов, поставлены на паузу проекты научно-исследовательского сотрудничества университетов.

Все вышеперечисленные тенденции не самым лучшим образом отразились на развитии высшей школы, в частности, образовательных программ высшего образования. Пандемия внесла глобальные изменения в планы потенциальных иностранных студентов по получению высшего образования за рубежом. Многие вузы задумались о виртуальной мобильности в ситуации сокращения иностранных студентов. Университеты готовят преподавателей для работы с иностранными студентами в цифровой среде, разрабатывая усовершенствованные стратегии виртуальной мобильности и используя уже существующие платформы. Для привлечения абитуриентов университетами проводится большое число вебинаров и онлайн-ярмарок.

Министерствам науки и образования, научно-исследовательским и социологическим мониторинговым центрам многих стран пришлось вносить поправки в образовательное законодательство об организации работы и оплаты труда профессорско-преподавательского состава, проведении вступительных экзаменов и государственной аттестации онлайн.

К положительным моментам можно отнести интенсификацию работы университетов по формированию новых форм взаимодействия с партнерами, увеличение виртуальной мобильности и разработку кризисных планов с партнерскими организациями.

Перед всеми странами стоит задача смягчить последствия пандемии, но по текущим данным можно сделать вывод о том, что тренд на цифровизацию обучения и академических обменов продолжится. Странам и университетам рекомендуется сделать ревизию и использовать накопившийся опыт в дальнейшей работе.

Международным организациям необходимо будет консолидировать усилия по оказанию помощи и содействия в секторе высшего образования в наиболее нуждающихся государствах. При этом нельзя прекращать проведение стипендиальных и грантовых конкурсов на проведение научных исследований. На основе изучения данного феномена, можно предположить, что конкуренция на гранты сильно возрастет в условиях экономического кризиса.

Анализ показал, что университеты сталкивались со схожими вызовами, но реагировали на них с разной скоростью. Предоставление абитуриентам и студентам актуальной информации о ситуации в высшем образовании, пожалуй, можно назвать самым чувствительным моментом.

На основе проведенного исследования авторами выведено, что человечество, преследуя цель восстановления основных услуг в секторе высшего образования и науки и попытки возрождения его главного предназначения, имеет все основания рассчитывать на неограниченную мотивацию и нераскрытый потенциал. Правительства стран и международное академическое сообщество несут важную миссию оставаться верными принципам и проводить необходимые реформы для того, чтобы студенты получили возможность вновь верить в обещанное им светлое будущее.

Ключевые слова: пандемия; COVID-19; онлайн-образование; информационные технологии в образовании; дистанционное обучение; интернационализация; международное образовательное пространство; академическая мобильность, глобализация

Для цитирования: Акопянц А. М., Бабитова Л. А. Интернационализация сектора высшей школы в эпоху пандемии // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 137–143. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10217

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

Internationalization of higher education sector in the era of a pandemic

Arega Akopyants

Doctor of Pedagogic Sciences,
Professor of the Department of Theoretical Linguistics and Intercultural Communication Practice,
Institute of Foreign Languages and International Tourism, Pyatigorsk State University
Russia, Pyatigorsk

Larisa BABITOVA

Associate Professor of the Department of Theoretical Linguistics and Intercultural Communication Practice,
Institute of Foreign Languages and International Tourism, Pyatigorsk State University
Russia, Pyatigorsk

Annotation: The unprecedented undermining, which faced the system of education as a result of COVID–19, pushed back against all the world achievements in the education and scientific sector whereas the higher education can be safely called one of the spheres, a pandemic has greatly influenced at a global scale. Despite the fact that numerous problems emerged in the given field, which are examined in the article, the academia has demonstrated consistency, readiness to distance learning and provided a basis for further renovations.

The given article analyzes the main issues of high school internationalization in response to the induced transition of universities to distance educational technologies. The advantages and disadvantages of distance learning, which faced the international academic community across the globe, are discussed. COVID–19 has compromised internationalization of universities: international educational program financing is drastically slashed, academic mobility programs are reduced, international student and academic staff exchange programs are canceled, scientific research projects of universities are put on hold.

All the mentioned trends have had a negative impact on higher education institutions, including in particular specialist's programs. The pandemic has made significant changes in the lay–out of foreign students aiming at obtaining a higher education abroad. Many universities set sights on virtual mobility with the redundancy of foreign students. Universities qualify their teaching staff to cooperate with foreign students in the digitalized environment, developing advanced strategies of virtual mobility and using current technological platforms. Higher educational institutions hold a large number of webinars and online–conventions. Departments of Education and Science, centers for scientific research, pollsters and monitoring centers of many countries had to amend the education legislation on activity management and labor remuneration of the teaching staff, online administering entrance exams and the Final Certifying Examination.

The upside include significant work of universities on new mode of interaction with academic partners, virtual mobility increase and crisis planning formation with partnership organizations.

All the countries are tasked to address the consequences of a pandemic, but due to current data we can deduce that the trend of educational digitalization and academic exchanges will extend. Countries and universities are recommended to carry out an audience and use the gathered experience down the road.

International organizations are inevitably to consolidate their efforts to render and provide assistance in the sphere of higher education of the more needy countries. Herewith holding of scholarship programs and grant schemes on scientific research practice cannot be dismissed. Within the scope of the given phenomenon it is safe to assume that grant competition will rise exponentially in the context of economical growth.

The analysis revealed that universities faced similar challenges, but responded to them at different speed. Furnishing graduates from a secondary school and university students with live information about the situation in higher education can be safely called the most essential moment.

On the ground of the undertaken study the authors of the article came to the conclusion that the humankind, pursuing the aim of restoring main services and intended purposes of higher education, has every reason to reckon on

unconfined motivation and untapped potential. National governments and the international scientific commonwealth carry out mission to be committed to principles and carry out needed reforms as a way for students to gain an opportunity to believe again in better tomorrow.

Key words: pandemic; COVID-19; online education; information technologies in education; distance learning; internationalization; international educational space; academic mobility; globalization

For citation: Akopyants A. M., Babitova L. A. (2021) Internationalization of higher education sector in the era of a pandemic. *Service plus*, 15 (2), 137–143. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10217 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

В современном мире на сегодняшний день вряд ли найдется сфера жизнедеятельности, в той или иной мере не затронутая последствиями новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Несомненно, пандемия привела к острейшему сбою в функционировании системы высшего образования во всем мире. Наступило время переосмыслить что же на самом деле происходит в сфере высшего образования вследствие пандемии, в частности, в аспекте столь актуальных в эпоху глобализации вопросов международного сотрудничества и интернационализации высшей школы, поскольку говорить о всеобщей победе над коронавирусом на данном этапе несвоевременно, а новые проблемы продолжают заявлять о себе с возрастающей интенсивностью. Мы полагаем, что сегодняшний дискурс на столь важную тему является своего рода социальным конструированием, которое может породить сценарии как дальнейшего развития академической школы, так и отдельных университетов.

При этом отмечается, что влияние, оказанное пандемией на деятельность университетов дифференцируется в странах и регионах мира, и зависит от экономических, геополитических и социокультурных факторов. Однако представляется возможным проследить общий вектор этих изменений, а именно: пандемия коронавируса поставила вузы в тяжелые условия, принуждая адаптироваться к происходящим событиям и изменениям в кратчайшие сроки, выделять значительное финансирование для повышения уровня цифровизации и принимать серьезные решения, зачастую без учета возможных последствий.

Университеты некоторых стран вовсе оказались не в состоянии перейти на онлайн-обучение по разным причинам, например, в силу полного/частичного отсутствия материально-технического обеспечения или низкого уровня жизни населения (страны Латин-

ской Америки: Университет Буэнос-Айреса, Аргентина, Университет Сан-Паулу, Бразилия, Универсидад де Лос Андес Колумбия, Колумбия).

В ряде стран в вузах студенты организованно выступили и инициировали онлайн-забастовки против перехода на дистанционное обучение (Университет Чили, Университет Сан-Себастьян); подписали петицию, требуя возместить оплату за обучение (University of Manchester, University of York, Великобритания).

При переходе на дистанционное обучение прослеживается значительное снижение уровня и качества высшего образования из-за отсутствия программного обеспечения для администрирования учебных курсов в формате онлайн-обучения (Пакистан — Университет Пенджаба, Университет Бахрии, Университет Лахора) [1].

Постоянные технические проблемы с онлайн-приложениями возникают при проведении дистанционных лекций и семинаров. Сайты университетов, функционировавших до пандемии, работают неустойчиво в связи с колоссальной нагрузкой на информационные системы и базы данных вузов.

К сожалению, приходится констатировать, что падение качества обучения в условиях пандемии связано также с недостаточно высоким уровнем квалификации профессорско-преподавательского состава вузов, соответствующего необходимым требованиям для адекватного перехода к дистанционному обучению, поскольку нет достаточных знаний о работе и функционале имеющихся платформ, используемых для удаленного обучения.

Вынужденный переход к онлайн-обучению неминуемо затронул и вопросы интернационализации высшей школы. По результатам исследования лучших практик международного сотрудничества, партнеры признают «офлайн» общение незаменимым и главным компонентом успешного научного

партнерства, что позволяет утверждать, что после окончания пандемии переход в полный онлайн вряд ли состоится. Но тот факт, что удельный вес онлайн-сотрудничества возрастет, уже сегодня не вызывает никаких сомнений.

В условиях пандемии ряд университетов начал практиковать организацию международных научных конференций в онлайн формате. Согласно мнению организаторов и участников международных конференций некоторые из них довольно успешны (Международная научно-практическая конференция «Приоритеты глобального экономического управления в пост-пандемическом цифровом мире» — РАН-ХиГС; Международная онлайн-конференция «Гуманитарное сотрудничество и публичная дипломатия во время пандемического кризиса: вызовы, практики, тенденции» — Российский центр науки и культуры в Брюсселе; Международная онлайн-конференция «Медийное законодательство в эпоху пандемии» — НИУ «Высшая школа экономики»). К сожалению, аргументами в пользу продолжения такой практики может стать лишь, во-первых, экономия финансовых расходов в условиях сокращающихся бюджетов образовательных и научных организаций и, во-вторых, привлечение гораздо большего числа участников, чем на конференциях, проводимых в традиционном формате. Однако отсутствие живого общения и острых научно-профессиональных дискуссий, несомненно, снижает валидность и рейтинг проведения подобного рода международных научных форумов.

В целом, в секторе высшего образования на международном уровне пандемия оказала воздействие на интернационализацию образования, научные исследования, законодательство, организацию обучения и финансирование. Все вышеперечисленные тенденции не самым лучшим образом отразились на развитии высшей школы, в частности, образовательных программ высшего образования. В нашей статье мы подробнее рассмотрим влияние пандемии на процессы интернационализации высшей школы.

Говоря о проблемах международного сотрудничества университетов в эпоху COVID-19, хотелось бы остановиться на работе американского эксперта в области международного образования Джона Худзика, опубликованную в мае 2020 года — «Интернационалисты высшего образования должны быть разрушителями» [2]. По мнению автора, глобализация и интернационализация высшей школы не исчез-

нут, но в будущем они не будут такими, как сегодня, а люди, занимающиеся вопросами международного сотрудничества университетов станут своего рода «разрушителями» в своих действиях и поступках, дабы в какой-то мере адекватно адаптироваться к новым реалиям посредством инноваций. Более того, эксперт отмечает, что предвестники сегодняшней ситуации в сфере высшего образования появились задолго до начала пандемии: значительное сокращение инвестиций в высшее образование; глобальное распространение качественного образования на всех континентах; стремительное увеличение затрат на обучение своих и иностранных студентов ограничил доступ к образованию; появление более гибких региональных моделей мобильности для преподавателей и студентов; усиление поиска более устойчивых способов международного взаимодействия.

Как видно из анализа, все страны так или иначе столкнулись с образовательными вызовами. Следует признать, что на данном этапе межвузовское взаимодействие (и сфера партнерства в целом) оказалось в более выгодном положении по сравнению с той же интернационализацией высшей школы, предполагающей активные формы взаимодействия, высокий уровень мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава, координацию учебных планов и программ двух дипломов, выработку (в рамках Болонского процесса) международных аккредитационных показателей. Одни университеты перенесли партнерства в онлайн формат, другие нашли новые формы корреляции с вузами-партнерами для решения общих задач и проблем, сохранения постоянного диалога. Не стоит забывать, что именно на уровне магистратуры многие вузы предлагают совместные образовательные программы, тем самым диктуя усиление партнерств между университетами.

Несомненно, пандемия внесла глобальные изменения в планы потенциальных иностранных студентов по получению высшего образования за рубежом. Многие вузы задумались о виртуальной мобильности в ситуации сокращения иностранных студентов. Университеты готовят преподавателей для работы с иностранными студентами в цифровой среде, разрабатывая усовершенствованные стратегии виртуальной мобильности и используя существующие платформы. Ведущие вузы понимают и подчеркивают важность использования дистанционного формата для коммуникации с абитуриентами. Для их привлечения

университетами проводится большое число вебинаров и онлайн-ярмарок.

Очевидно, что уже в недалеком будущем университеты столкнутся с необходимостью активного взаимодействия с национальными министерствами науки и образования для пересмотра текущих стратегий интернационализации, поскольку уже сегодня остро стоит вопрос об адекватных формах и инструментах интернационализации.

Для многих вузов участие в мировой дискуссии неминуем. Ряд американских университетов (например, Гарвард, Нью-Йоркский университет, Университет Техаса в Остине, Университет Джорджа Вашингтона, университеты штата Калифорния, Университет Патгерса) отменяют необходимость сдавать SAT (Scholastic Aptitude Test, эквивалент российского ЭГЭ) и ставят под вопрос уместность приема на базе эквивалентных экзаменов и для других стран [3]. Иностранцы испытывают сложности сегодня в любой стране, соответственно, обсуждение уровня их поддержки будет глобальным. В эпоху цифровизации новые законодательные решения и педагогические инновации будут необходимы везде. Текущая напряженная международная исследовательская работа запустит новый виток дискуссий об интернационализации исследований.

Снижение академической мобильности студентов, ослабление партнерств и приостановка научных достижений относятся к негативному влиянию пандемии. Самым серьезным вызовом университеты считают снижение академической мобильности. Большое количество вузов не смогли вовремя организовать процесс дистанционного обучения и временно пришлось приостановить образовательную деятельность, предоставив лишь онлайн консультации и самообучение студентов.

Многие вузы столкнулись с вопросами обеспечения образовательного процесса для иностранных студентов и временно приостановили студенческие и преподавательские программы по обмену.

До наступления пандемии академическая мобильность студентов рассматривалась как одно из основных направлений процесса интернационализации высшей школы в эпоху глобализации.

Последствия для развития международной студенческой мобильности далеко неоднозначны. Есть основания полагать, что по завершении пандемии университеты продолжат бороться за иностранных

студентов. При этом международный образовательный рынок может сместиться в сторону не столь богатых стран, чьи вузы будут в состоянии предложить более доступные образовательные программы. По утверждению австралийских экспертов, для восстановления рынка студенческой мобильности потребуется не менее пяти лет. Стоимость обучения, безопасность и уровень благосостояния станут важнейшими факторами при выборе места получения образования.

Говоря о научных исследованиях, ведущие вузы и крупные международные организации проводят исследования о влиянии пандемии на сектор высшего образования, пересматривают организацию научно-исследовательской работы, занимаются поиском новых форм взаимодействия в виртуальном пространстве.

Министерствам науки и образования, научно-исследовательским и социологическим мониторинговым центрам многих стран вольно или невольно пришлось вносить поправки в образовательное законодательство об организации работы и оплаты труда профессорско-преподавательского состава, проведении вступительных экзаменов и государственной аттестации онлайн.

Университеты озабочены вопросом более эффективного использования финансовых средств для поддержания своей стабильной работы, поскольку понимают, что количество иностранных студентов значительно уменьшится в ближайшее время, неминуемо уменьшится и государственное финансирование.

Пандемия оказала существенное влияние на планы иностранных студентов относительно обучения за рубежом. Многими принято решение отложить получение диплома по зарубежной образовательной программе на период после пандемии.

Безусловно, негативное влияние, которое пандемия оказала на международное сотрудничество в системе высшего образования, неоспоримо. Однако, в свое время Альбер Камю писал, что «нет ни одного даже самого прискорбного события, в котором не было бы своих хороших сторон». К положительным аспектам можно отнести интенсивную работу университетов по формированию новых форм взаимодействия с партнерами, увеличение виртуальной мобильности и разработку кризисных планов с партнерскими организациями. В дистанционном формате

появляются новые возможности для сотрудничества, креативных решений, готовности учиться у других и использовать новые инструменты. Не стоит также забывать, что одним из магистральных путей преобразования современного образовательного пространства является возможность студентов самостоятельно формировать гибкие траектории в обучении.

Безусловно, перед всеми странами стоит задача смягчить последствия пандемии, но по текущим данным можно сделать вывод о том, что тренд на цифровизацию обучения и академических обменов продолжится. Странам и университетам будет полезно сделать ревизию и использовать накопившийся опыт в дальнейшей работе.

Международным организациям необходимо будет консолидировать усилия по оказанию помощи и содействия в секторе высшего образования в наиболее нуждающихся государствах. При этом нельзя прекращать проведение стипендиальных и грантовых конкурсов на проведение научных исследований. Тем не менее, можно предположить, что конкуренция на гранты сильно возрастет в условиях экономического кризиса.

Помимо использования современных методов онлайн образования, наиболее успешные вузы со-

здали онлайн сообщество преподавателей, административных работников и студентов, способствовавшего повышению качества образования и снижению стресса в период социальной изоляции.

Пандемия временно изменила формат международного научного и академического сотрудничества, а также способствовала объединению ученых со всех стран мира для решения глобальной проблемы — пандемии коронавируса. Такая практика масштабного совместного поиска решений в условиях динамично развивающейся открытой науки может не только сохраниться, но и расшириться в будущем. Научная дипломатия получила новый импульс под названием «пандемия», что способствовало увеличению внимания к мнению ученых в условиях мировой угрозы. Мы полагаем, что России важно не упустить шанс и развивать инструменты научной дипломатии, поскольку образование должно быть опережающим как в содержании и организации, так в технологии и интернационализации. Однако не стоит забывать, что речь должна идти не о подавлении или тотальной замене одной образовательной технологии на другую, а лишь о разумном их сочетании, ориентируясь на усиление преимуществ и ослабления недостатков каждой в отдельности.

Список литературы

1. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/>
2. http://www.tsu.ru/university/rector_page/internatsionalizatsiya-na-domu/
3. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии [Авт. коллектив: А. В. Клягин и др.]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2020 — 112 с. — 200 экз. — (Современная аналитика образования. № 6 (36)).

КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ/ COMMUNICATION AND TEACHING

УДК 81.161.1

DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10218

Анализ изменения интереса к изучению русского языка во Вьетнаме за последние 50 лет

Ле Чунг ХИЕУ

Магистратура, 1 курс, ФГБОУ ВО

«Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет», СРВ,

Россия, 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, 26

letrunghieu531996@gmail.com

Аннотация: Международная интеграция — один из важнейших вопросов в любой стране. В статье анализируется изменение интереса к изучению русского языка во Вьетнаме в течение последних пятидесяти лет. Преподавание русского языка во Вьетнаме началось в середине XX века сначала в вузах для подготовки специалистов, а затем к концу 80-х приняло массовый характер: почти во всех школах русский язык входил в школьную программу как иностранный. Вьетнамские специалисты, обучавшиеся в гуманитарных и технических вузах Советского Союза, продолжали говорить на русском языке после возвращения на родину, способствуя таким образом популяризации языка в СРВ. Изучение русского языка во Вьетнаме сегодня уже не так популярно, как 40 лет назад. В результате изменения политики России в продвижении русского языка после распада Советского Союза русский язык уступил свои позиции во Вьетнаме английскому языку. Количество изучающих русский язык сократилось почти в 100 раз, а число преподавателей уменьшилось в 15 раз. В связи с отсутствием русского языка в школьной программе вьетнамские студенты, обучающиеся сегодня в российских вузах, испытывают большие трудности, чем 20 лет назад, так как фонетические системы русского и вьетнамского языков сильно отличаются. Для успешного аудирования и говорения на русском языке вьетнамским студентам необходимо больше времени, чем они получают во время обучения на подготовительном факультете. Незрелые фонематический слух и артикуляция не позволяют вьетнамцев за восемь или девять месяцев освоить язык в достаточном объёме для понимания специальных предметов на русском языке, что негативно сказывается на подготовке специалистов. Однако студенты, владеющие каким-либо другим иностранным языком, например английским, успешнее овладевают русским во время учёбы в российских университетах, так как уже знакомы с фонетическими системами других европейских языков. время учёбы в российских университетах.

Ключевые слова: русский язык, преподавание РКИ, Вьетнам, вьетнамские студенты

Для цитирования: Ле Чунг Хиеу. Анализ изменения интереса к изучению русского языка во Вьетнаме за последние 50 лет // Сервис Plus. 2021. Т. 15. № 2. С. 144–149. DOI: 10.24411/2413-693X-2021-10218

Статья поступила в редакцию: 02.04.2021.

Статья принята к публикации: 02.05.2021.

The analyse of changing in the interest to studying Russian language in Vietnam during the last 50 years

Le Trung HIEU

Magistrate 1 year, Moscow State University of Civil Engineering , SRV
Russia, 129337, Moscow, Yaroslavskoe highway, 26

Abstract: The article analyzes the changing in popularity of crushing Russian language in Vietnam during the last 50 years. Teaching Russian as a foreign language to prepare specialists was started in the universities of Vietnam the middle of the XXth century and then by the end of the 80th the TORFL had become widespread. Russian as a foreign language was included in the school curriculum practically for all schools in Vietnam. Vietnamese specialists who had studied in the universities of the Soviet Union came back to their motherland and used Russian language at work. Thus, they contributed in popularization of Russian language in the SRV. After the collapse of the Soviet Union the politics of Russia in the promotion of Russian language abroad was changed. The Russian language has lost its position to English language in Vietnam. And due to the lack of Russian in the school curriculum Vietnamese students in Russian universities face more difficulties than 40 years ago. The number of students decreased by 100 times and the number of teachers decreased by 15 times. It has a negative impact on the training of specialists as the phonetic systems of Russian and Vietnamese languages differ a lot. For successful listening and speaking Vietnamese students need more time than they have during their studying at a preparing faculty. Undeveloped phonemic hearing and articulation do not allow Vietnamese to master the language in sufficient volume to understand special subjects in Russian. However, students who speak any other foreign language are more successful in mastering Russian during their studying in Russian universities.

Key words: Russian language, TORFL, Vietnam, Vietnamese students

For citation: Le Trung Hieu (2021) The analyse of changing in the interest to studying Russian language in Vietnam during the last 50 years. Service plus, 15 (2), 144–149. DOI: 10.24411/2413–693X–2021–10218 (In Russ.).

Submitted: 2021/04/02.

Accepted: 2021/05/03.

Введение. Изучение того или иного иностранного языка неразрывно связано с политическими, экономическими и культурными связями народов. Учёба за границей является важной составляющей культурно-образовательного сотрудничества и способствует популяризации иностранного языка. Популярность русского языка во Вьетнаме менялась в разные периоды истории: были периоды подъёма и периоды спада интереса вьетнамцев к русскому языку. Несомненно, что количество изучающих русский язык влияет на совершенствование методик преподавания РКИ в определённой иностранной аудитории, на эффективность преподавания, на уровень владения вьетнамцами русским языком и, как следствие, на успешность коммуникации представителей русского и вьетнамского народов. Будучи студентами российских технических вузов, многие вьетнамские обучающиеся сталкиваются с трудностями в изучении специальных

дисциплин на русском языке. Тем не менее, высококвалифицированные вьетнамские инженеры старшего поколения получили образование именно в России, а следовательно, они сумели преодолеть языковой барьер и освоить специальность на русском языке. Вероятно, что причиной этого является тот факт, что в то время знакомство вьетнамцев с русским языком начиналось ещё в школе.

Проблема в обучении вьетнамских студентов русскому языку заключается в том, что обучающиеся не успевают за несколько лет учёбы на подготовительном факультете и на первых курсах университета освоить фонетическую систему русского языка, научиться правильной артикуляции, в достаточной степени развить фонематический слух в связи с тем, что русский и вьетнамский языки очень непохожи. Анализ изменений, произошедших в отношении к русскому языку во Вьетнаме за послед-

ние 50 лет, демонстрирует, что включение русского языка в школьную программу положительно влияло на формирование коммуникативной компетенции вьетнамских студентов, учившихся в СССР. Сегодняшние вьетнамские студенты менее успешны в речевом общении, а следовательно, в освоении специальности, так как вынуждены в короткие сроки осваивать русский язык.

Анализ публикаций. Главный редактор журнала «Вьетнамская русистика» Нгуен Тхи Эту Дат в статье, опубликованной в 23 номере журнала «Русский язык за рубежом» за 2016 год, приводит статистические данные о количестве изучающих русский язык во Вьетнаме в разные годы, рассказывает о работе летних курсов русского языка в России и о трудностях в работе преподавателей РКИ во Вьетнаме. Она считает, что проблемой является маленькое количество практических занятий, большое количество учащихся в группах и отсутствие языковой среды.

Преподаватель Ханойского филиала Института русского языка Фунг Чонг Тоан также анализирует современное состояние обучения русскому языку во Вьетнаме и среди причин потери интереса к русскому языку у вьетнамцев отмечает отсутствие национально-ориентированного учебника русского языка и вообще достаточного количества учебников, учебных часов в программах учебных заведений, банка тестов ТРКИ, а также хорошо подготовленных абитуриентов. Все эти проблемы на фоне экономических и политических факторов обуславливают непопулярность русского языка во Вьетнаме, активную экспансию английского языка в образовавшейся лакуне.

Цели и задачи статьи

Цель: Исследование изменения интереса к изучению русского языка вьетнамцами.

Задачи:

1. Определить количество изучающих русский язык во Вьетнаме с 1980 года по настоящее время;
2. Оценить изменения в изучении русского языка вьетнамцами в целом и в школах в частности;
3. Оценить привлекательность русского языка в жизни вьетнамцев.
4. Проследить, как влияет популярность русского языка во Вьетнаме на успешность в овладении русским языком вьетнамскими студентами, обучающимися в российских вузах сегодня.

Используемые в исследовании методы. В данном исследовании использованы статистический и сравнительно-исторический методы. В статье приведены статистические данные, описывающие востребованность русского языка во вьетнамском обществе с середины прошлого века до настоящего времени. Выдвигается предположение о влиянии факта изучения русского языка как иностранного в школах Вьетнама на успешность в овладении специальностью вьетнамскими студентами, обучающимися в российских вузах.

Благодаря этому исследованию люди получают больше информации о текущем состоянии изучения русского языка во Вьетнаме, о спадах и подъемах популярности русского языка во Вьетнаме, о современной ситуации с изучением русского языка во вьетнамском обществе.

Этапы продвижения русского языка в Социалистической Республике Вьетнам. В 1945 году после Августовской революции по инициативе президента Хо Ши Мина русский язык начал изучаться во вьетнамских школах и вузах. Во время Отечественной войны против французских колонизаторов в 1947 году преподавание русского языка продолжалось лишь в Институте переводчиков, который готовил специалистов по внешнеполитическим связям для центральных органов власти в свободной от боевых действий зоне Вьет-Бак. В 1950–1954 г.г. после окончания Индокитайской войны была подготовлена целая плеяда первых вьетнамских русистов, прошедших обучение в СССР, а русский язык наряду с английским, французским и китайским вошёл в школьную программу северной части страны. В 1955 году был создан институт переводчиков русского языка (сейчас он стал частью Ханойского политехнического института), а в 1967 году — Ханойский педагогический институт с факультетом русского языка и Ханойский Институт иностранных языков. Достижения Советского Союза в области космонавтики стали мотиватором для открытия курсов русского языка по всему Вьетнаму. В 1983 году в Ханое начал работать филиал Института русского языка им. А. С. Пушкина. К концу 80-х в 90% школ и вузов Вьетнама изучался русский язык. 580 тысяч вьетнамцев каждый год изучали русский язык, в стране насчитывалось четыре с половиной тысячи преподавателей РКИ.

С распадом Советского Союза число изучающих русский язык сократилось до 20 тысяч человек в год,

Анализ изменения интереса к изучению русского языка во Вьетнаме за последние 50 лет

прекратилось финансирование филиала Института им. А. С. Пушкина, многие преподаватели РКИ потеряли работу. Ситуация оставалась без изменений до 2001 года, когда был подписан договор стратегического партнёрства между РФ и СРВ. С 2002 года в течение 12 лет Международный российско-вьетнамский факультет, созданный на основе соглашения между МЭИ и Ханойским государственным университетом, проводил обучение русскому языку на платной основе. Тем не менее, число изучающих русский язык составляло всего лишь 0,03% всех школьников и студентов Вьетнама. На юге страны русский язык в то время практически не изучался. С 2003 года в Ханое функционировал Российский центр науки и культуры, в котором работали коммерческие курсы русского языка. Количество преподавателей РКИ в 2005 году составляло 500 человек, а в 2010 оно сократилось до 287.

В 2012 году по инициативе президента РФ В. В. Путина был создан Фонд содействия продвижению вьетнамской и русской литературы, были переведены на вьетнамский язык многие произведения русской литературы, что способствовало популяризации русского языка во Вьетнаме. Одновременно Ханойский филиал Института русского языка им. Пушкина проводил семинары повышения квалификации для преподавателей РКИ, конкурсы и олимпиады. Несмотря на это, согласно статистическим данным, в 2014 году количество преподавателей русского языка сократилось до 240 человек, а в 2016 году русский язык изучался в 45 из 2986 учебных заведений Вьетнама. Конечно, российские и вьетнамские русисты не опу-

скали руки: в 2016 году вышла электронная версия газеты Нянзан на русском языке, показывались русские фильмы, проводились конференции и конкурсы на базе МАПРЯЛ, РУДН, филиала Института русского языка им. Пушкина, Ханойского государственного университета. В настоящее время в стране имеется 30 учебных заведений, где работают 212 преподавателей РКИ, а 5800 студентов и школьников всё ещё изучают русский язык. В Ханое и Дананге открыты представительства фонда «Русский мир».

В последнее десятилетие значительно вырос поток российских туристов в провинции Дананг, Биньтхуан, Вунгтау, Ханьхоа, Куангнам, Фуйен и других. Так, в 2005 году общее количество российских туристов, приезжающих на отдых во Вьетнам, составляло 23,8 тысячи человек, а в 2013 году — уже больше 298 тысяч туристов. Динамика роста популярности вьетнамского направления в российском туризме впечатляет: 2014 год — 360 тысяч российских туристов, 2016 год — 434 тысячи человек, 2017 год — 574 тысячи, 2018 год — свыше 600 тысяч. Всё это способствует развитию спроса на занятых в туристическом бизнесе специалистов, владеющих русским языком. В связи с этим в рамках «Национальной программы изучения иностранных языков 2020» планируется ввести изучение русского языка с третьего класса начальной школы в качестве эксперимента.

Параллельно с этим фактором, влияющим на повышение интереса к русскому языку, необходимо отметить активность российских вузов, приглашающих вьетнамских студентов учиться в России. Российское образование всегда высоко ценилось в Социали-

Рис. 1. Количество вьетнамцев, изучавших русский язык за последние 50 лет

стической Республике Вьетнам, что делает привлекательной для вьетнамцев учёбу в России. Согласно данным мониторинга, проводимого Ханойским филиалом Института русского языка им. Пушкина, более 70 вьетнамских аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации на русском языке с 1979 года по настоящее время.

В НИУ МГСУ сегодня учится около 50 вьетнамских студентов и аспирантов. Большая часть этих обучающихся начала изучать русский язык после приезда в Москву, как и автор статьи: сначала 1 год на подготовительном факультете, а потом 4 года в бакалавриате, причём предмет «Русский язык как иностранный» входил в учебную программу только на 1 курсе. Лишь единицы изучали русский язык в русской школе, так как их родители работают в России уже много лет. И, конечно же, их уровень владения языком позволяет им успешнее овладеть специальностью. Эти немногочисленные студенты и аспиранты активно участвуют в научных студенческих конференциях и олимпиадах по русскому языку. С 2018 года из университета были отчислены 3 студента и 2 аспиранта за неуспеваемость, которая была связана с непониманием предметов на русском языке, неумением вести речевую деятельность на русском языке. Это составляет 3% от общего числа вьетнамцев, обучающихся в НИУ МГСУ. Среди вьетнамских студентов НИУ МГСУ хорошо знают какой-либо иностранный язык (в основном английский) 20 человек, что позволяет им легче понять фонологическую систему русского языка, отличную от слоговой системы вьетнамского языка. Отсутствие некоторых звуков во вьетнамском языке, иная акцентология, наличие

в русском языке такого явления, как кластеры из нескольких согласных, редукция, аккомодация — все эти трудности в изучении русской фонетики сильно осложняют слуховое восприятие русской речи вьетнамцами и выработку правильной артикуляции у вьетнамских студентов. В результате вьетнамские обучающиеся испытывают огромные трудности с пониманием лекций и со сдачей экзаменов. Следовательно, вьетнамцами необходимо больше времени изучать русский язык для успешной коммуникации и учёбы. Возможно, вузам России следует рассмотреть вариант сотрудничества со средними учебными заведениями для подготовки будущих студентов ещё в школе.

Таким образом, очевидна прямая связь между изучением вьетнамцами русского языка со школьной скамьи и успешным овладением специальностью вьетнамскими студентами российских вузов.

Выводы. Выше представлены выводы о текущей ситуации с изучением русского языка во Вьетнаме. Количество учащихся, которые больше не интересуются русским языком, увеличивается, хотя для развития преподавания русского языка во Вьетнаме имеется большой потенциал. Русский язык для вьетнамцев — язык практической необходимости, так как российские специалисты оказывают помощь Вьетнаму во всех областях экономики, науки, медицины, в спорте и культурных программах. Мы надеемся, что однажды благодаря совместным усилиям российских и вьетнамских учебных заведений мы найдем эффективные решения для изменения нынешней ситуации.

Список литературы

1. Как во Вьетнаме развивают интерес школьников к русскому языку. — 2020. <https://russkiymir.ru/publications/270687/>
2. Устинов А. Ю. Преподавание русского языка во Вьетнаме // ЯЗЫК, ТЕКСТ И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2019. с 187–191.
3. Динь Тхи Тху Хуен. История становления и развития обучения русскому языку во Вьетнаме // УДК 378.14, 2019. 9 с.
4. Оживленный Фестиваль культуры. <https://vietnamix.ru/kultura/russkie-vo-vetname.html>.
5. Русские во Вьетнаме «Многогранный Вьетнам. Многогранная Россия». — 2019. <https://ru.nhandan.com.vn>.
6. Фунг Чонг Тоан Современное состояние обучения русскому языку во Вьетнаме: проблемы и перспективы — 2017. <https://metodika-rki.livejournal.com/196823.html>.
7. Повышение качества преподавания русского языка во Вьетнаме. — 2016. <https://vovworld.vn/ru-5-461636.vov>

8. Нгуен Тхи Тху Дат Преподавание и изучение русского языка во Вьетнаме сегодня // Русский язык за рубежом, № 23, 2016. с. 4–7.
9. Нгуен Тхи Тху Дат, Ву Тхе Хой. 70 лет преподаванию и изучению русского языка во Вьетнаме (1945–2015) // Русский язык за рубежом, специальный выпуск, № 22, 2015. с. 7–11.
10. Nguyen Ngoc Anh *Thực trạng học tiếng Nga ở Việt Nam*. — 2015.
11. Nguyen Thi Thu Dat *Thực trạng dạy và học tiếng nga ở các cơ sở giáo dục của Việt Nam và các giải pháp đề xuất* // Viện Puskin — Cục ĐТВNN — Bộ Giáo dục và Đào tạo — 2015.
12. Дао Нгуен Тгуя. Русский язык во Вьетнаме: прошлое и современность // РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ. Учредители: Фонд «Русский мир», Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Министерство науки и высшего образования РФ, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва) — 2014. с. 101–104.
13. Соколов А. А. Из истории изучения русского языка во Вьетнаме // ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ. — 2009. с. 385–390.
14. Nguyen Duc Truong *Dạy và học tiếng Nga ở Việt Nam trong giai đoạn hiện nay: Thực trạng và giải pháp*. — № 17, 2009.
15. Фунг Чонг Тоан Современное состояние обучения русскому языку во Вьетнаме: проблемы и перспективы // Доклады и сообщения международной конференции: Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии. — Ханой. — 11/2005.